ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2017, № 6

Санкт-Петербург
2017

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2017, № 6

Saint-Petersburg
2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., декан юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2017

© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2017

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2017

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция» 11

Аманацкий Ю.В. Февральская революция 1917 года: уроки истории 23

Крусс В.И. Февраль – Октябрь 1917 года и их шествие по стране до новой России: «Кумачовые витражи» 30

Мусаев М.А. Правовой гуманизм и национальная безопасность России 38

Оганесян С.М. Эволюция пенитенциарной политики на завершающем этапе существования Советского Союза (60-90 гг. XX века) 50

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность.

Шафиров В.М. Проблема обеспечения права и конституционное понимание права 59

Глущенко П.П., Гацалов Р.Р. Политические права и свободы граждан Российской Федерации: механизм обеспечения их реализации и защиты 66

Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. Муниципальная власть: историко-правовой аспект становления и развития 75

Таболин В.В., Анисимов В.Ф. Современные проблемы муниципального права Российской Федерации 87

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Бабаджанов И.Х., Додозода А.М. Понятие вины применительно к юридическим и физическим лицам 94

Ананских И.А., Артамонова Г.К., Пахомова Я.А. Становление сервитута как ограничения правомочий собственника по распоряжению своим имуществом и его закрепление в российском законодательстве 110

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Щендригин Е.Н., Орлова Д.С. Актуальные проблемы конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера 117

Никишкин А.В. Меры обеспечения дорожно-транспортной безопасности: особенности применения 122

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Пьянков М.О., Сальников П.П. Понятие и система предупреждения коррупционных преступлений 127

Мамедов Ш.С. Незаконный оборот алкогольной продукции и криминологическая характеристика субъекта преступления 133

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Бородин В.В., Казанцева Н.Г. Таможенный контроль на востоке России в условиях открытия железнодорожного сообщения: историко-правовой аспект 146

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Гусева Е.В., Федулов И.Н., Институт адвокатуры в философско-правовом аспекте 154

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Аубакирова И.У. Государственное управление как научный институт 159

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Исмагилов Р.Ф. Ф.М. Достоевский как русский и европейский философ права. Лекция 169

Колядин А.М. Государство и общество: социологический институционализм в контексте ценностей и «логики соответствия» 182

Абубакаров А.А., Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Лежнева О.Ю. Проблема отношения права и справедливости в учении исторической школы юристов 191

Информация для авторов 198

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

From the editorial office. About the discussion caused by the article-presentation Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation V.V. Lazarev «Law and revolution» 11

Amanatskiy Yu.V. The February revolution 1917: the lessons of history 23

Kruss V.I. February-October 1917 and their march through the country to the new Russia: «Cumming stained-glass windows» 30

Musaev M.A. Legal humanism and national security of Russia 38

Oganesyan S.M. Evolution of the penitentiary policy at the final stage of the existence of the Soviet Union (60-90 years XX century) 50

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities.

Shafirov V.M. The problem of ensuring law and constitutional understanding of law 59

Glushchenko P.P., Gatsalov R.R. Political rights and freedoms of citizens of the Russian Federation: a mechanism for ensuring their implementation and protection 66

Bulatov R.B., Andreytso S.Yu. Municipal authority: historical and legal aspect of formation and development 75

Tabolin V.V., Anisimov V.F. Modern problems of municipal law of the Russian Federation 87

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Babadzanov I. Kh., Dodozoda A.M. The concept of guilt in relation to legal entities and individuals 94

Ananskikh I.A., Artamonova G.K., Pahomova Y.A. The establishment of the easement as a restriction of the powers of the owner to dispose of his property and his consolidation in the Russian legislation. 110

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Shendrigin E.N., Orlova D.S. Actual problems of confiscation of property as any other means of criminal and legal protection 117

Nikishkin A.V. Measures to ensure road safety: application features 122

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Pyankov M.O., Sal'nikov P.P. The concept and system of the prevention of corruption crimes 127

Mamedov Sh.S. Illegal circulation of alcohol products and criminological characteristics of the subject of crime 133

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Borodin V.V., Kazantseva N.G. Customs control in the east of Russia in the conditions of the opening of the railway communication: the historical and legal aspect 146

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Guseva E.V., Fedulov I.N. Institute of advocacy in the philosophical and legal aspect 154

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Aubakirova I.U. Public administration as a scientific institute..... 159

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Ismagilov R.F. F.M. Dostoevsky as Russian and the European philosopher of law. Lecture..... 169

Kolyadin A.M. State and society: sociological institutionalism in the context of values and the «logic of conformity»..... 182

Abubakarov A.A., Denisov A.M., Ismagilov I.R., Lezhneva O.Yu. The problem of the relationship between law and justice in the teaching of the historical school of lawyers..... 191

Information for the authors..... 198

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

От редакции

О ДИСКУССИИ, ВЫЗВАННОЙ СТАТЬЕЙ-ПРЕЗЕНТАЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В.В. ЛАЗАРЕВА «ПРАВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

Аннотация. *Приводится обзор дискуссии, ведущейся на страницах журнала, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция». Анонсируются новые статьи на данную тему.*

Ключевые слова: *право; революция; дискуссия; политическая власть; легитимность; правопонимание.*

From the editorial office.

ABOUT THE DISCUSSION CAUSED BY THE ARTICLE-PRESENTATION DOCTOR OF LAW, PROFESSOR, HONORED WORKER OF SCIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION V.V. LAZAREV «LAW AND REVOLUTION»

The summary. *An overview of the discussion on the pages of the magazine caused by the article-presentation of the Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, V.V. Lazarev's «The Right and the Revolution.» Announce new articles on this topic.*

Key words*: law; revolution; discussion; political power; legitimacy; legal understanding.*

Во втором номере нашего журнала была опубликована статья-презентация в художественных образах профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [35].

Редакция высказала предложение о том, что статья может вызвать дискуссию по таким вопросам: совместима ли революция с правом; являлась ли «кончина» Российской Империи прогрессивным явлением; Майдан-1917 в Петрограде и Майдан-2014 в Киеве – идентичны ли они; возможно ли право без права и вне права; способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право; каковы были причины, задачи, цели… и итоги февральской революции с позиции права; что такое принуждение к праву; все «по праву», но вне закона, и наоборот; ведет ли двоевластие и двоеправие к беззаконию… и др.

Мы не ошиблись. Уже в очередном, третьем номере, в контексте предложенной дискуссии были опубликованы статьи заведующего кафедрой теории государства и права ведущего юридического вуза России – Московской государственной юридической академии (университета) (МГЮА (У)), доктора юридических наук, профессора А.В. Корнева «Правопонимание в эпоху революций» [32]. Свой взгляд на рассматриваемые вопросы высказал также авторитетный петербургский ученый, доктор юридических наук, профессор Р.Б. Булатов «О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г.» [32].

Редакция получает много предложений для

участия в развернувшейся дискуссии как от отечественных исследователей, так и ученых из зарубежных стран, в том числе из США. В четвертом номере были предложены три статьи:

- Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада [40];
- Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном [3];
- Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем [14].

Вызвало определенный интерес участие в дискуссии руководителя экспертного центра «Национальная безопасность», доктора юридических наук Николая Дмитриевича Литвинова. Автор подошел к Февральской революции 1917 года в России как к завершающему этапу криминальной политики западных стран по ликвидации легитимной власти в Российской империи. Автор нескольких книг по проблемам терроризма, Н.Д. Литвинов сформулировал в статье, как в общем-то во многих из его книг, выводы, которые вызвали серьезные вопросы, с которыми порой трудно согласиться. Но они высветили под определенным углом те стороны жизни России, которые казалось бы и известны, но слабо изучены. Он, например, полагает, что за деятельностью правящего дома Романовых, начиная со времен Петра Первого, западное общество установило политический контроль. По его мнению, многие негативные события в истории России связаны именно с вмешательством извне в действия правящего дома Романовых. Слишком резко и однобоко он трактует участие России в разделе Речи Посполитой, и т.д.

Что касается Февральской революции, автор подчеркивает юридическую некорректность акта об отречении царя. Государь был вправе отречься от самого себя и передать корону своему сыну, но он не вправе был решать этот вопрос за сына, официального наследника престола по действующему законодательству, и передавать корону брату Михаилу Александровичу. Передача Верховной власти великому князю Михаилу была незаконна, великий князь Михаил не мог отказаться 3 марта 1917 года от власти, так как ею не обладал. Он не вступал в наследование престолом.

По мнению Н.Д Литвинова, акт, незаконно подписанный великим князем Михаилом в нарушение Основных Законов, являлся единственным юридическим основанием перехода власти к «законно» созданному Временному правительству. Конституция была упразднена, связь между новой властью и старым порядком – разорвана. Февральский переворот носил негативный характер.

Н.Д. Литвинов весьма критически относится к Государственной думе России до событий 1917 года. Он рассматривает ее как субъекта февральского государственного переворота 1917 года, при этом так оценивает Думу первого созыва: старая Дума оказалась еще более левой и оппозиционной царскому правительству. В ее состав входили более 100 человек из революционно-террористических организаций. В конечном счете Государственная Дума превратилась в скопище этнических группировок, различного рода экстремистских партий, которые враждебно относились к России. Четвертая Государственная Дума, например, в период первой мировой войны проводила ярко выраженную оппозиционную политику, что, конечно, ослабляло национальную безопасность России.

27 февраля 1917 года деятельность Государственной думы Российской Империи была прервана указом императора Николая Второго. Вся дальнейшая ее деятельность противозаконна. По существу ее решение о создании Временного комитета Государственной Думы, а затем и о создании Временного правительства – нелегитимны. Бывшие депутаты, по мнению Н.Д. Литвинова, совершили государственный переворот с захватом государственной власти. Он вносит в диспут проблему дерусификации государственной и политической элиты России.

Совершенно нетрадиционно, и далеко не так, как принято, оценивает Н.Д. Литвинов создание и деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. По его мнению, данное незаконное общественное объединение никак нельзя рассматривать как легитимную власть. Он трактует Петроградский Совет как «незаконную экстремистскую организацию антироссийской направленности». По его мнению, оба органа представляющих с февраля 1917 года в России «двоевластие», являлись нелегитимными проявлениями власти террористических группировок прозападной направленности.

В контексте статьи Н.Д. Литвинова весьма интересна позиция члена редакционного совета

нашего журнала, первого заместителя председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; члена бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации А.И. Александрова. Он, как широко известный, авторитетный специалист в области уголовной и уголовно-процессуальной политики [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 20; 28]. ведет речь о самом главном в этой сфере, затрагивает те вопросы, которые сформулировал в своей презентации профессор В.В. Лазарев. Материал, предлагаемый профессором А.И. Александровым, будирует творческие мысли и позиции современников в интересах обеспечения легитимной и справедливой политической власти в нынешней России.

В дискуссию включилась кандидат юридических наук из Перми Елена Алексеевна Брылева. По ее мнению, к ответам на вопросы, вызываемые статьей профессора В.В. Лазарева «Право и революция», следует подходить, руководствуясь позицией, предложенной профессором В.М. Шафировым, о понимании права. Проанализировав дискуссию о правопонимании, она поддерживает вывод В.М. Шафирова о том, что «Конституция находится над законом и олицетворяет право». Поэтому к ответу на вопросы редакции журнала в развернувшейся дискуссии необходимо подходить через содержание Конституции Российской Федерации.

В пятом номере журнала была предложена позиция известного российского ученого и политического деятеля, одного из авторов ныне действующей Российской Конституции, политика, волей судьбы находившегося в центре политических событий рождения новой России [69; 71], проректора Московского государственного университета им М.В. Ломоносова, и.о. декана Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного юриста Российской Федерации Сергея Михайловича Шахрая [70]. Он как бы продолжил мысль Е.А. Брылевой о том, что к ответу на обсуждаемые вопросы следует подходить через смысл действующей Российской Конституции, на что обращает внимание и профессор В.М. Шафиров [67].

Анализируя различные типы правопонимания, В.М. Шафиров отмечает, что катализатором решения задачи синтеза различных концепций (школ) правопонимания в отечественной теории права стала Конституция России 1993 г. По его мнению, впервые в нашей истории концепция правопонимания была положена в основу и закреплена в Конституции, притом на базе человекоцентристской методологии [66].

С.М. Шахрай предложил подходить комплексно к изучению нашей истории, в том числе и революции, 100-летний юбилей которой грядет. Здесь необходимы совместные усилия политологов, социологов, экономистов, историков, философов, футурологов, и конечно юристов. Ответы на вопросы, сформулированные не только редакцией журнала, но и самой жизнью, по его мнению, очень значимы в первую очередь для элит [29; 36; 39]. Так он четко сформулировал свой подход к проблеме: «Лучше спорная конституция, чем бесспорная революция».

Интересно и справедливо оценил профессор С.М. Шахрай намерения Временного правительства сохранить прежний, основанный на результатах Судебной реформы 1864 г. «юридический быт» России [10; 13; 17; 31; 33; 34; 38; 41; 43; 44; 45; 47; 48; 63; 73; 76]. В то же время он пришел к выводу о том, что Октябрь полностью отказался от старого права, законности, юридических институтов, и за последующую свою 70-летнюю историю не смог сформулировать национальную идею соотношения права и справедливости [21; 25; 26; 65; 74; 75]. Созданная новой властью конституционная, правовая и правоприменительная системы были недосягаемы для основ гуманизма и общечеловеческих ценностей.

Возвращение «домой к праву», к идеалам и идеям судебных уставов 1864 года стало возможным, по мнению С.М. Шахрая, лишь с начала 90-х годов XX века. Уроки недавней истории помогли избежать нашей стране – Союзу ССР – новой революции, гражданской войны и «большой крови» в начале 90-х годов. Общественный энтузиазм и нарастающее напряжение удалось направить не на баррикады, а в конституционное русло: на споры по конституционным проектам и предвыборную борьбу. Это спасло Россию от кровопролития.

Существенный интерес вызывают мысли

С.М. Шахрая по поводу легитимации государственной власти, его позиция по поводу отречения от власти императора Николая II совпадает с мнением Н.Д. Литвинова [40]. Действительно, отречение от власти Николая II сразу и за своего сына выглядит «странным» с юридической точки зрения. Прав С.М. Шахрай, когда полагает, что история не дала Учредительному собранию шанс заявить о легитимности новой, постмонархической власти. Прав он и тогда, когда пишет о «минах замедленного действия», олицетворяющих игнорирование требований легитимации любой государственной власти.

Весьма любопытно звучат слова автора и по поводу национальной основы построения федерации. Возможно, эта основа также выступает «миной замедленного действия», способной изнутри взорвать такое сообщество.

Очень благожелательны заключительные мысли С.М. Шахрая. Давно пора вернуть в нашу общую историю всех тех, кого мы забыли.

Доктор юридических наук, профессор В.Б. Малинин из Ленинградского (областного) государственного университета им. А.С. Пушкина и доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор Ратгерсского университета Ю.Г. Фельштинский (Нью-Брансуик, США) посвятили свою статью в пятом номере журнала проблеме денег и революции [42]. Они обосновывают необходимость наличия больших денег для совершения революции, показывают, откуда революционеры брали деньги на организацию революционного движения в России, начиная с 1905 года и до Октября 1917 г. Предлагаемый в статье материал о конкретных фактах «приобретения» денег революционерами порой выглядит тенденциозно и не всегда подкреплен конкретными ссылками на источники, но его нельзя игнорировать как авторскую гипотезу.

С каждым годом все больше и больше «всплывает» фактов некорректного «приобретения» денег на нужды революции из заграничных (враждебных для России) источников, в результате экспроприации имущества у собственников и просто благодаря откровенным уголовным преступлениям, включая убийства. Предлагаемый материал еще раз свидетельствует о том, что эволюционный путь развития общества всегда более предпочтителен, нежели революционный, и задача современной мировой цивилизации заключается в необходимости предотвращения революционного движения, где бы оно не возникало и от кого бы то не исходило.

В шестом номере журнала предложил извлечь уроки из Февральской революции 1917 г. в России профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацкий. В результате Февральской и Октябрьской революций Россия за столетний свой юбилей пережила, по его мнению, триумф и падение: две мировых войны, две революции, слом вековых устоев, жестокие социальные эксперименты, массовые репрессии, и в то же время – построение нового государства, эпоха великих надежд, невиданного энтузиазма, творческого труда, время выдающихся открытий и достижений промышленности, науки, образования, литературы. Мы бы добавили – в космосе, в энергетике, военно-промышленном комплексе, мировоззрении и сознании людей, всей государственной идеологии [54]. Можно ли сопоставить эти, казалось бы, взаимоисключающие общественные явления?

Ю.В. Аманацкий обращает внимание читателя на то обстоятельство, что к началу второго десятилетия XX века Россия подошла как государство, претендующее на роль сверхдержавы, как лидер по целому ряду показателей общественного, экономического, финансового, демографического и других направлений развития. К 1913 г. она занимала первое место в мире, обогнав США по темпам экономического и промышленного развития. Великобритания, Германия, Франция, Япония и другие страны были далеко позади. Происходило полное перевооружение российской армии и флота. Представитель Санкт-Петербургского университета МВД приводит пророческие слова известного французского экономиста и политического обозревателя, редактора журнала «Экономист Европы» Эдмона Тери, который предупреждал: «Если дела европейской нации будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., – Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Конечно, у России к 1917 году были не только значительные достижения, но и существенные проблемы. О них также в статье идет речь.

Оценивая события февраля-марта 1917 года, Ю.В. Аманацкий приходит к выводу о том, что они послужили «запалом для смуты,

превзошедшей по масштабу потрясений ту, которую наша страна пережила и преодолела тремя веками раньше», т.е. он считает анализируемые события сравнимыми со Смутой 1611-1612 годов.

Если из Смуты XVII века Россия вышла благодаря национальному патриотизму народа, вооруженного инициативой Минина и Пожарского, то в 1917 году судьба страны была повернута в другую сторону иными энтузиастами, преследующими цели не возрождения и развития России, а разжигания костра мировой революции и слома всех национальных государственных механизмов повсеместно в мировом сообществе.

Автор статьи вновь ставит перед собой и нами вопросы:

1) Что произошло, как называть происшедшие события, как могло случиться, что такая процветающая страна, какой стала Россия к 1914 году, пала в кровавую бездну саморазрушения?
2) Как после всех жертв народ смог воспрянуть и победить сильнейшего врага – фашизм?
3) И наконец, а был ли в самом деле у России шанс сохранить стабильность, успешно развиваться и избежать надвигающейся катастрофы?

Ответы на каждый из трех вопросов, безусловно, интересны. Редакция предлагает обратить на эти вопросы внимание и подискутировать.

Ю.В. Аманацкий обращает внимание на то, что 23 и 24 февраля 1917 г. наблюдалось очень активное стачечное движение женщин. На фоне массовых забастовок возникли их протестные демонстрации, вызванные в первую очередь проблемами производства, доставки и продажи черного хлеба для семей рабочих. Бастующие сорвали великолепно организованное производство хлеба на заводе «Айваз», в связи с чем количество забастовщиков моментально увеличилось с 30 до 90 тысяч человек. По данным Охранного отделения, только лишь за один день 23 февраля из-за стачек прекратили работу 50 фабрично-заводских предприятий.

Во второй половине этого дня бастующие присоединили к себе рабочих военных заводов: Патронного, Снарядный цех морского ведомства, Оружейный, завод «По Воздухоплаванию».

Многие женщины оторвались от кухонных кастрюль и включились в активное революционное движение. Вот почему автор статьи обратился к презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция» [35, стр. 51] и статье редакции журнала по поводу вопроса о возможности женщин «сварить право в кастрюлях» [46]. Право в кастрюлях они сварить не способны, резюмирует он, а создать опасность для правопорядка, а следовательно, и для права в целом, вполне способны. Что и произошло в феврале-марте 1917 года в Петрограде. Редакция соглашается с такой позицией исследователя.

Ю.В. Аманацкий подробно рассказывает о том беспределе, которой творился в эти дни на Путиловском заводе, как избивали и калечили полицейских, что творилось в казармах солдат Петроградского гарнизона, как начался военный мятеж и какие жертвы он повлек за собой. Солдаты убивали офицеров, жертвами суда Линча пали сотни полицейских и городовых. Он приводит слова очевидца того времени, генерала К.И. Глобачева: «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни… не поддаются описанию. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально разрывали на части. Некоторых распинали у стен. Некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям… Одного… пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней сожгли живьем».

Исследователь говорит о предательстве интересов империи, монархии, а следовательно, и Отечества, со стороны начальника штаба Ставки генерала М.В. Алексеева, а за ним и генералитета армии. При этом он поддерживает позицию, сформулированную ранее в статье участвующего в дискуссии заведующего кафедрой теории государства и права МГЮА(у), профессора А.В. Корнева [32, стр. 29]. Рассуждает о процедуре отречения Императора Николая II от короны и нелегитимности приобретения власти теми, кто к ней пришел, совершив государственный переворот. Здесь он солидаризируется с участвующими в дискуссии доктором юридических наук Н.Д. Литвиновым [40, стр. 29] и проректором МГУ им М.В. Ломоносова, профессором С.М. Шахраем [70, стр. 18].

Читателям интересна и приведенная им оценка февральских событий, сделанная нашим выдающимся соотечественником, очевидцем тех событий, философом И.А. Ильиным: «Крушение монархии было крушением самой России,

– *считал великий философ,* – отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не "российская республика", как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель». И.А. Ильин увидел в февральско-мартовских событиях страшные предвидения наших гениальных писателей А.С. Пушкина и Ф.М. Достоевского о бесах и бесовщине, бесчестии и оскудении духа, противопоставленном господстве зла над добром, несправедливости, прикрываемой своим антиподом, над гуманизмом и добротой.

Ю.В. Аманацкий предлагает для обсуждения вывод потомка белых эмигрантов, князя Д.М. Шаховского о том, что рассматриваемые революционные события являются «геноцидом русского народа», который привел к утрате не только элиты, но и самого драгоценного для России того периода сословия, на котором она строилась – русского крестьянства.

Ученый информирует читателей о московской научной конференции, состоявшейся в феврале 2017 года, и тех вопросах, которые там прозвучали.

- февральские события 1917 г. – трагедия для народа, снесение государства как института, легитимной, признанной народом формы организации общества;
- эти события отражали интересы не народа, не общества в целом, а потребности узких социальных групп, крупного капитала и олигархии;
- инициации Февральского переворота вызвали в стране неуправляемый хаос, объективную угрозу российскому суверенитету, которая и была реализована;
- политическая элита тогдашней России не пошла на то, чтобы свои частные интересы подчинить интересам Отечества.

В конечном счете все указанные выводы сводятся к главному: российская политическая элита не смогла, а возможно, не захотела работать на благо страны, решать системные и не такие уж страшные проблемы, которые тогда имелись. А это привело к подмене диалога резней, кровопролитием, гражданской войной.

Роль и предназначение политических элит нельзя недооценивать [27; 30; 37].

В данном случае идет речь об ответственности элит за судьбу Родины. К сожалению, в те дни столетней давности российская элита не смогла сдержать народ и спасти его от революции, хаоса, трагедии и мучений, как пишет участник дискуссии профессор С.М. Шахрай. Не смогли они весь общественный энтузиазм и нарастающее напряжение направить не на баррикады, а на обсуждение конституционных проблем и на предвыборную борьбу. Необходимо было все это течение направить в конституционное русло [70, стр. 18].

По мнению Ю.В. Аманацкого, в феврале-марте был совершен государственный переворот и началась Красная смута. Плодом Февраля стал Октябрь. Именно Февраль выступил спусковым крючком Русской смуты.

Исследователь анализирует внутренние и внешние причины государственного переворота и приходит к неутешительному выводу.

С горечью надо признать, констатирует он, что революцию сделали не только народ, иностранные агенты, постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам бредни о царской семье, генералы и даже монархисты. Получается, заключает Ю.В. Аманацкий, в наших бедах виноваты в первую очередь мы сами. И с этим приходится согласиться.

Февральские события 1917 г. – не стихийное выступление рабочих, а целенаправленная подрывная акция группы лиц, в которую входили военные генералы, руководство заводами, банкиры и политики, во главе с А.Ф. Керенским. Действовала эта группа планомерно, как считает Ю.В. Аманацкий, в интересах американских и западных банкиров, иностранных разведок, стремясь вывести А.Ф. Керенского на первые роли и придать ему образ вождя революции.

Февральский переворот, полагает ученый, устранение державного лица разрушили последнюю преграду, которая оберегала общество от лавинообразного распада и разложения. Февраль спровоцировал великую Русскую смуту.

В стране произошла «дегуманизация

общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров».

Завершая свои размышления, Ю.В. Аманацкий приводит позицию главного научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук В. Лаврова, прозвучавшую на московской конференции. На вопрос, была ли альтернатива революции 1917 года, он ответил: Альтернативой революциям 1917 года было жесткое подавление Февральской революции. После такого подавления страна оказалась бы в числе победителей в Первой мировой войне, получила бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы в соответствии с договорами с Великобританией и Францией, продолжилось бы успешное экономическое развитие России. В целом она стала бы самой мощной военно-экономической державой в мире. Не было бы ни красного террора, ни ГУЛАГа, ни насильственной коллективизации, и, вполне возможно, мощной России удалось бы предотвратить Вторую мировую войну.

Такой ответ историка может вызвать несогласие специалистов; если это так, просим имеющимся мнением поделиться с читателями журнала.

Вместе с тем, с нашей точки зрения бесспорно другое замечание Ю.В. Аманацкого. Он полностью солидарен с автором действующего Основного закона России о том, что пусть будет спорная Конституция, чем бесспорная революция [70, стр. 17]. Весь смысл его статьи – это призыв всех к недопущению новой революции.

Профессор В.И. Крусс предлагает нам к событиям столетней давности и последовавших за этим процессом подойти с позиций изобразительно-поэтического художественного творчества. Дискутируя на разных уровнях восприятия реальности, сегодня многие, в том числе и ученые, переживают анализируемые события, обдумывая, размышляя не только в условиях прозаического восприятия, но и в творческо-художественном воплощении.

В презентации В.И. Крусса совместно с тверскими дизайнерами представлена экспозиция «Кумачовые витражи», проходившая в Центральном выставочном зале города Твери, посвященная столетнему юбилею революционных событий 1917 года и 20-летию Тверских дизайнеров. Инициатором дизайнерского исполнения арт-инсталляции выступила художник-дизайнер Ольга Котенёва-Пушко, а политико-правовое содержание в поэтической форме подготовил профессор В.И. Крусс. Экспозиция вызвала живой интерес у жителей города Твери и его гостей. Редакция журнала предлагает арт-инсталляцию читателям. Она была инспирирована обсуждаемой в нашем журнале статьей-презентацией профессора В.В. Лазарева «Право и революция».

Арт-инсталляция будирует мысли у тех, кто с ней знакомится, и вызывает определенные вопросы. Ответы на вызываемые вопросы и сами вопросы редакция надеется увидеть на страницах журнала. Более того, мы считаем необходимым представление в журнале со стороны профессора В.И. Крусса не только арт-инсталляции, блестяще «вписанной» в формат витража, с ее политико-правовым содержанием, в представляемом номере, но и в «пакете» с ней соответствующей научной статьи в будущем номере, с соответствующими коннотациями.

Профессору В.И. Круссу с коллегами-дизайнерами в арт-инсталляции удалось не только учесть ситуационный неологизм, вызванный архитектурной конструкцией фронтона Центрального выставочного зала в Твери (три пролета по восемь окон), но и вместить в архитектуру философии текст «Кумачовые витражи», что под силу лишь признанному поэтическому мастеру. Тем более, ситуация требовала «вписывания» не более двух строк в витраж. Получилось яркая по форме и глубокая по содержанию авторская концепция событий столетней давности и последовавшей за ними противоречивой истории нашего Отечества.

Предлагаемой арт-инсталляцией В.И. Крусс как бы солидаризируется с профессором Санкт-Петербургского университета МВД России Ю.В. Аманацким в том, что события 1917 года повлекли за собой в стране последствия достаточно противоречивые: с одной стороны – отход от закона и права, уничтожение наработанного за прошедшие столетия правового материала, игнорирование достижений правового прогресса и национальной культуры в целом, ее носителей, физическое и нравственное уничтожение отечественной элиты, русской православной церкви, массовые репрессии, ГУЛАГ…; с другой стороны – И все-таки – надежда,

а не злоба. Колокола.

Невиданный патриотизм и повсеместный массовый героизм по существу всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Уходить на закат.
В Сталинград.
Превращаться в свечение.
Русский значит – солдат.
Ополчение.
1941-1943.

Победа над фашизмом, восстановление народного хозяйства, покорение космоса, обеспечение атомного паритета с США, создание и сплочение мировой системы социализма, организация Варшавского договора и подъем на неимоверную высоту военно-промышленного комплекса, обеспечение господства государственно-правовой идеологии…

С одной стороны, как показывает в арт-инсталляции профессор В.И. Крусс:

Все, кто не веровал
в блошек подкованных
В списках расстрелянных,
мобилизованных.
1918-1921

Или:

Лагеря Вы мои, лагеря;
Завязали глаза кумачом.
Хорошо бы совсем
без царя;
полоснули по жиле
серпом.
1937

С другой:

Как это стало возможно?
Как мы такое смогли?
Тебе салютует, Боже,
советская часть Земли.
1943-1945.

Или:

Надышаться бы впрок!
Целина как испарина.
И весенний шнурок
на ботинке Гагарина.
1957-1961

А между этими историческими вехами… 1945-1961 гг. опять же не все однозначно. Жизнь без войны, но Колыма и Соловки остались. Освобождение от потерь в военное лихолетье еще не избавляло от зэковского лагеря. Кубанское плодородие. Жизнь колхозного двора (не всегда безоблачная), переполняющая сердца рядовых советских граждан гордость за истинные мировые свершения Курчатова, Королева…, оставление под «американской брюшиной» острова Свободы – Куба, плач «кузькиной матери» после сказанных слов на трибуне ООН; и в то же время горечь распространенной по всей стране (но на небольшой ее территории, объективно подходящей для этого) кукурузы; лишение декадентов гражданства и оправка их на чужбину; в то же время рубль наш, почти золотой, а «в хоккей мы канадцев порвали», застой в стране и афганские сквозняки…

Сколько много противоречий в нашей жизни! И они не закончились завершением Советской истории. События, начавшиеся в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, не избавили нас от противоречивой жизни. Скоро мы будем отмечать 25-летие действующей Российской Конституции, которая определила человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), 200-летие великого русского гения, писателя и философа Федора Михайловича Достоевского, который предупреждал нас еще в XIX веке о Бесах, стремящихся уничтожить мировую цивилизацию и сам мир. К сожалению, они и сегодня еще не извелись, не ушли из нашей жизни. Они орудуют на Украине, в Европе, в Америке, пытаются вызвать повсеместную ненависть к нашей стране и российскому народу, навязать нам свои так называемые западные ценности [11; 12; 15; 16; 18; 19; 22; 23; 24; 49; 50; 51; 52; 53; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 64], явно нам не подходящие. Они пробрались кое-куда и внутри Российского государства – на Болотную площадь, девицы из Pussy Right – на амвон главного православного храма России, к Вечному огню, чтобы пожарить на нем шашлыки. А сколько их много на площадках СМИ, театров и кино, откуда они поливают грязью нашу российскую действительность и народного Лидера, стремятся развязать новую Смуту, разжечь костер безумных потрясений, ввергнув в пучину бессмысленных испытаний российских людей.

Почему же так происходит? Этот и многие другие вопросы возникают в результате дискуссии, развернувшейся благодаря статье-презентации профессора В.В. Лазарева «Право и революция», которая актуализировала многие материалы, представленные в номерах 3-5 нашего журнала, а теперь и сюжеты, предлагаемые профессором В.И. Круссом в арт-инсталляции «Кумачовые витражи». Уверены, данное предложение еще больше заинтересует участников дискуссии, привлечет к ней новых авторов.

Список литературы

1. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
2. Александров А.И. Современная уголовная политика России: понятие, структура, содержание // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2012. – № 3(302). – С. 173-188.
3. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
4. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: Сборник статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева / Под ред. Н.Г. Стойко. – СПб.: СПбГУ, 2015. – С. 15-24.
8. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика России на современном этапе: понятие и основные направления // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2011. – № 3(40). – С. 310-319.
9. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
10. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
11. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
12. Ананских И.А., Серпухова О.Ю., Шелепова М.А. Формирование новой концепции брака и семьи в западной христианской церкви (американский профессор Джеймс В. Браунсон о новом прочтении Священного Писания) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 181-188.
13. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
14. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
15. Бурова С.Н. Современная семья: крах или другая жизнь?// Социология. – 2015. – № 2. – С. 4-15.
16. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
17. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
18. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П., Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Философия права, добра, зла и преступности. Рецензия на книгу А.И. Александрова «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» / Вступительное слово Член-корреспондента российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 185-196.
21. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.

22. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
23. Исаева Е.А. Трансформация института семьи: опыт зарубежных стран // Социально-юридическая тетрадь. Вып. 3: Семья в пространстве права: сборник научных трудов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 110-123
24. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
25. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
26. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
27. Керимов А.Д. Стратегические просчеты российской политической элиты. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 48 с.
28. Керимов А.Д., Халипова Е.Д. Зло и преступность: нравственное и правовое измерение (рецензия на монографию Александрова А.И. «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013) // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 234-241.
29. Колядин А.М. Политическая элита современной России: является ли она субъектом развития? // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11.
30. Колядин А.М. Политическая элита: понятие и сущность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 45-53.
31. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
32. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
33. Коротких М.Г. Судебная реформа 1864 года в России (Сущность и социально-правовой механизм формирования): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
34. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1994.
35. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
36. Левада Ю.А. Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения.- 2006. – № 1.
37. Левада Ю.А. Элита и «массы» в процессах трансформации // Кто и куда стремится вести Россию? – М., 2001.
38. Легкий Д. М. Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 201–217.
39. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
40. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
41. Луковская Д.И., Дунаева Н.В. На пути к Судебным уставам 20 ноября 1864 года: документальные свидетельства разработки государственными органами Российской Империи реформы судоустройства и судопроизводства в 1857 – 1862 гг.: Вступительная статья // Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – С. 8-16.
42. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
43. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
44. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
45. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
46. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д.ю.н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 27

47. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014.
48. Рейснер М.А. Право: Наше право; Чужое право; Общее право. – Л.; М.: Госиздат, 1925. – 276 с.
49. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
50. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
51. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
52. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
53. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
54. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
55. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
56. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
57. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
58. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
59. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
60. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
61. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
62. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
63. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
64. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
65. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
66. Шафиров В.М. Конституция и правопонимание // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 307-318. – в сб. 344 с.
67. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
68. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
69. Шахрай С.М. Беловежские соглашения: мифы и факты // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2001. – № 4(12). – С. 3-5.
70. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
71. Шахрай С.М. Неизвестная Конституция. Constitutio incognita. – М.: Красная звезда, 2013. – 320 с.
72. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических

преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
73. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
74. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
75. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
76. Юристы и революция – pro i contra / Авт.-сост. С.М. Шахрай, К.П. Краковский. – М.: Кучково поле, 2017. – 552 с.

АМАНАЦКИЙ Юрий Валентинович,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: yuriy.v.a@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ

Аннотация. *Рассматриваются исторические события февраля-марта 1917 года, их оценка, причины, последствия и уроки.*

Ключевые слова: *отечественная история; столетие февральской революции 1917 года; вооружённый переворот; причины и последствия революции.*

AMANATSKIY Yu.V.

THE FEBRUARY REVOLUTION 1917: THE LESSONS OF HISTORY

The summary. *The article discusses the historical events of February-March 1917, their assessment, causes, consequences and lessons.*

Key words: *national history; the centenary of the February revolution of 1917; an armed coup; causes; consequences of the revolution.*

2017 – юбилейный год революций. Исполнилось 100 лет с начала событий, которые изменили ход российской и мировой истории, это прежде всего февральская и октябрьская революции 1917 года. В этом гигантском по насыщенности событий столетии происходило разное, Россия пережила триумфы и падения: две мировые войны, две революции, слом вековых устоев, жестокие социальные эксперименты, массовые репрессии, и одновременно – построение нового государства, эпоха великих надежд, невиданного энтузиазма, творческого труда, время выдающихся открытий и достижений в промышленности, науке, образовании, литературе, искусстве.

Вне этих грандиозных событий невозможно рассматривать в том числе и нашу отечественную историю, они призваны напомнить нам о том, что столетие назад пережила Россия, ее народ, задуматься об истоках произошедшего и оценить его последствия. Очевидно, что осмыслить этот период крайне важно. Наш выдающийся историк В.О. Ключевский заметил: «История не учительница, а надзирательница magistra vitae (наставница жизни): она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» (1893 г.) [1].

Уже неоднократно представителями различных сфер современного творческого и научного сообщества, в том числе исследователями в области социально-политической истории, на основании фактов и цифр озвучивалась мысль: к началу второго десятилетия XX века Россия стремительно становилась сверхдержавой, лидером по целому ряду показателей общественного, экономического, финансового, демографического и других направлений развития. В этом есть своя большая правда, при всех недостатках и несовершенствах тогдашней жизни. Россия к 1913 году была перед Первой мировой войной на первом месте в мире по темпам экономического развития, перегнав даже Соединенные Штаты по темпам промышленного развития, тем более,

Японию, и Германию, и Великобританию, и Францию. Страна очень быстро развивалась [16]. Происходило полное перевооружение русской армии, планирующее закончиться к 1917 году. Война России была невыгодна.

Зарубежный журналист и экономист Эдмон Тери предупреждал: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 года идти так же, как они шли с 1900 по 1912-й, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении» [14].

Вместе с тем было бы безответственно закрывать глаза на то, что у России к 1917 году накопилось огромное количество проблем, которые тогдашнее руководство не смогло решить. Это и земельный, в первую очередь крестьянский, вопрос. И отсутствие конструктивного взаимодействия с думской оппозицией. И общий кризис власти. И полное бессилие правительства перед революционной, во многом клеветнической, но крайне эффективной пропагандой.

100 лет назад, в конце февраля – начале марта 1917 года, произошли события, которые в молниеносно короткий срок изменили государственный строй России и послужили запалом для смуты, превзошедшей по масштабу потрясений ту, которую наша страна пережила и преодолела тремя веками раньше. Эти события названы были Февральской революцией.

Когда такой драматичный, противоречивый период нашей истории соединен воедино «своеобразной лентой времени», у многих возникает существенные вопросы. Первый: что произошло, как называть происходящие события, как могло случиться, что такая процветающая страна, какою стала Россия к 1914 году, впала в кровавую бездну саморазрушения? Второй: как после всех жертв народ смог воспрянуть и победить сильнейшего врага – фашизм? Третий – а был ли в самом деле у России шанс сохранить стабильность, успешно развиваться и избежать надвигавшейся катастрофы?

Напомним краткую хронику событий февраля – марта 1917 года. В историографии сложилась традиция вести отсчет революции с 23 февраля (8 марта), когда в Петрограде на фоне массовых забастовок состоялись протестные демонстрации, среди участников которых особенным недовольством отличились женщины, возмущенные тем, что им пришлось подолгу простаивать в очередях за хлебом, и многим из них этот хлеб не доставался. Из-за снежных заносов, а также, из-за саботажа чиновников возникли транспортные трудности с доставкой муки в столицу. Бастующими была сорвана работа завода «Айваз», где осуществлялась выпечка хлеба именно для рабочих. Причём работа по выпечке была поставлена на этом заводе очень хорошо [18, стр. 502].

Главными застрельщиками забастовки стали текстильщицы Выборгского района. Их делегатки отправились по другим заводам и вовлекли в забастовку около 30 тысяч человек. К вечеру это число достигло 90 тысяч человек [9, стр. 254].

Главные лозунги бастующих были не политические, а «Дайте хлеба!» Из сообщений Охранного отделения от 23-го февраля 1917 года: «23-го февраля с 9 часов утра, в знак протеста по поводу недостатки чёрного хлеба в пекарнях и мелочных лавках, на заводах и фабриках района Выборгской части начались забастовки рабочих, которые затем распространились на некоторые заводы, причём в течение дня были прекращены работы в 50 фабрично-заводских предприятиях, где забастовали 87 534 человека рабочих» [6, стр. 42].

Во второй половине дня главный удар бастующих пришёлся на военные заводы: Патронный, Снарядный цех морского ведомства, Орудийный, Завод «По Воздухоплаванию».

24 февраля в газетах появилась официальная информация о том, что хлеба в Петрограде достаточно, что военное интендантство выделило из своих запасов муку для продажи, но волнения не улеглись: демонстрации продолжались и под влиянием оппозиционных и радикальных партийных агитаторов приобретали политическую направленность – появились лозунги «Долой самодержавие!» и «Долой войну!».

Вот почему возник вопрос у профессора В.В. Лазарева по поводу права, женщин и кастрюль [11]. И у редакции журнала: «способны ли женщины в кастрюлях «сварить» право» [15]. Право в кастрюлях они сварить не могут, а вот опасность для правопорядка, а следовательно, и для права, создать вполне способны, что и наблюдалось 23 февраля 1917 года в Петрограде.

Особую роль в февральских событиях сыграла ситуация на Путиловском заводе. Там, ещё 18 февраля 1917 года рабочие одного из цехов потребовали 50% прибавки к зарплате. Причём,

выдвигая такое непомерное требование, рабочие бастующего цеха не посоветовались со своими товарищами из других цехов [9, стр. 257]. Когда же директор завода наотрез отказался выполнять это требование, рабочие устроили сидячую забастовку. Дирекция пообещала сделать надбавку в 20%, но одновременно 21-го февраля уволила рабочих бастующего цеха. Эта крайне неумная, с точки зрения интересов администрации, мера привела к распространению забастовки на другие цеха. 22-го февраля администрация объявила о закрытии этих цехов на неопределённое время. «Это означало, – справедливо пишет Г. М. Катков, – что тридцать тысяч хорошо организованных рабочих, в большинстве высококвалифицированных, были буквально выброшены на улицу» [9, стр. 257]. Не вызывает никаких сомнений, что действия администрации Путиловского завода способствовали успеху революции. Точно также не вызывает сомнений, что вся эта забастовка 23-го февраля была тщательно спланирована. Как опять-таки справедливо пишет Г. М. Катков «причины забастовок всё ещё совершенно темны. Невозможно было массовое движение такого масштаба и размаха без какой-то направляющей силы» [9, стр. 255].

Демонстранты вступали в драку с полицейскими и, превосходя их числом, во многих случаях избивали и калечили их. Для восстановления порядка из казарм было выведено несколько частей петроградского гарнизона, однако в ряде случаев солдаты отказывались выполнять приказы по разгону буйствовавших демонстрантов. До сотни участников беспорядков было арестовано, в нескольких случаях полицейские и солдаты открывали огонь. Среди демонстрантов были десятки убитых и раненых. При этом, однако, умножились случаи неисполнения солдатами приказов своих командиров. Поэтому аресты произведены были и в воинских частях, но эти аресты не пресекли неповиновение нижних чинов приказам командиров, и в конце концов протестные настроения вылились в военный мятеж [6, стр. 42].

27 февраля (12 марта) взбунтовался Волынский полк. Этот день и есть начало революции. 27 февраля 1917 года, в день, когда начался вооруженный мятеж в Петрограде, император Николай II находился в Ставке в Могилеве. Спичку к пороху поднес старший унтер-офицер Волынского полка Тимофей Кирпичников, который сагитировал солдат своей части не выполнять приказ о подавлении беспорядков. Взбунтовавшиеся убили своего командира штабс-капитана Лашкевича. Между тем после этого убийства для восставших солдат Волынского полка мосты были сожжены. За содеянное они, по законам военного времени, подлежали расстрелу, и терять им уже было нечего. Агитация удалась в лейб-гвардии Павловском, затем в Литовском гвардейском полках и в других частях. В большинстве полков петроградского гарнизона настроение было примерно такое же, как и в Волынском полку. Через несколько часов после начала мятежа вся Выборгская сторона оказалась в руках восставших полков. Затем взбунтовавшиеся части по Литейному мосту переправились на левый берег Невы. К середине дня 27 февраля большая часть города оказалась в руках мятежников. В разных концах столицы слышалась стрельба. Солдаты убивали командиров, пытавшихся удержать их от мятежа, на улицах жертвами суда Линча пали сотни полицейских – городовых. Некоторые из них были зверски растерзаны в ходе «бескровной и великой» революции. По словам генерала К.И. Глобачева, «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни… не поддаются описанию. Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально разрывали на части. Некоторых распинали у стен. Некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям… Одного… пристава привязали веревками к кушетке и вместе с ней сожгли живьем» [5, стр. 519].

28 февраля к бунту присоединились матросы Кронштадта, названные вскоре потом «красой и гордостью революции». Ими были убиты военный губернатор Кронштадта адмирал Р.Н. Вирен и десятки офицеров.

Под контролем мятежников оказался Таврический дворец, куда спешно прибыло несколько десятков депутатов незадолго до этого распущенной Императором Государственной Думы. Таврический дворец, стал своего рода штабом революции. Так в одном дворце водворились два явочным порядком образованных самочинных учреждения, каждое из которых претендовало на верховную власть или, по меньшей мере, на участие в ней: Временный комитет Государственной Думы и Петроградский Совет.

Столица империи была потеряна, но страна, за

исключением нескольких городов, не была еще вовлечена в мятеж. Действующая армия оставалась в повиновении Императору и им поставленным военачальникам. Эпицентром событий становилась Ставка и штабы фронтов и армий. Дальнейший ход и исход мятежа зависели с этих пор от верности генералов присяге.

Как писал один из них, депутат Думы А.А. Бубликов, назначенный в последствии Министром путей сообщения, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено» [8].

Начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев сознательно дезинформировал о положении дел и императора, и командующих фронтами и главное – императора, стремясь к такой развязке, которая подразумевала изменение государственного строя, более определенно – отказ царя от самодержавного правления.

Как отметил в своей статье, участвующей в дискуссии, профессор А.В. Корнев, начальник штаба Ставки М.В. Алексеев, а за ним генералитет предали своего Императора [10, стр. 29].

1 марта Петроградский совет издал резолюцию, которая вошла в историю под названием «Приказ № 1». В нем предписывалось в целях защиты революции провести в армии реформу, фактически лишавшую ее боеспособности. Поздним вечером 1 марта император Николай II принял командующего Северным фронтом генерала Н.В. Рузского, пытавшегося убедить царя в преимуществах конституционной монархии в сравнении с монархией самодержавной, которые он находил в том, что конституционный монарх не несет ответственности за происходящее в стране (как писал дневнике сам император это происходило в неподобающей форме).

После этого 2 марта в 15 часов Николай II принял решение: не подвергать жизнь больного сына сугубой опасности, оставить его при себе и отречься в пользу брата Михаила. «Кругом измена, трусость и обман» писал император в своём дневнике! Император подписывает манифест об отречении, потому что считает: этим шагом он стабилизирует ситуацию в стране. В манифесте он об этом прямо заявляет: если я являюсь препятствием к победе в войне, если моя фигура может стать причиной гражданской войны, тогда – я ухожу. Но поступали ли законно и ответственно те, кто добивался отречения? Эта уступка воспринимается как слабость власти, и дальше начинается развал. Тем не менее, многие современные юристы, политические и общественные деятели ставят под сомнение правомерность состоявшегося отречения. Об этом пишут участвующие в дискуссии доктор юридических наук Н.Д. Литвинов [12, стр. 20] и профессор С.М. Шахрай [20, стр. 18]. Тем более, основные законы Российской империи, принятые в 1906 году, отречения вообще не предусматривали [21].

5 марта 1917 года исполком Петроградского Совета принял постановление об аресте всей царской семьи, конфискации ее имущества и лишении принадлежащих к ней лиц гражданских прав.

К февральским событиям 1917 года можно относиться и называть их по-разному: считать ее концом отечественной истории вслед за Солженицыным; новым началом, за которым последовала совершенно иная эпоха; причину Революции можно видеть в особом цивилизационном пути развития России или в роковом стечении обстоятельств. Применяемый термин «буржуазно-демократическая революция» – это марксистский взгляд. А вот как, например, характеризовал революционную историческую катастрофу И.А. Ильин: «Крушение монархии было крушением самой России, отпала тысячелетняя государственная форма, но водворилась не “российская республика”, как о том мечтала революционная полуинтеллигенция левых партий, а развернулось всероссийское бесчестие, предсказанное Достоевским, и оскудение духа, а на этом духовном оскудении, на этом бесчестии и разложении вырос государственный анчар большевизма, пророчески предвиденный Пушкиным, – больное и противоестественное древо зла, рассылающее по ветру свой яд всему миру на гибель» [7, стр. 81].

В свою очередь, потомок белых эмигрантов князь Д.М. Шаховской назвал революционные события «геноцидом русского народа», приведшим к утрате не только элиты, но и самого драгоценного сословия, на котором строилась Россия, – русского крестьянства [17].

В Москве в феврале 2017 года состоялась научная конференция «Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917». Выступая на конференции Министр культуры Российской Федерации, председатель Российского военно-исторического общества В.Р. Мединский, заявил: «Февраль – это трагедия для народа, это снесение государства

как института, как легитимной, признанной народом формы организации общества. Причем снесение в интересах даже не общества в целом, а в интересах узких социальных групп. В интересах, как сейчас сказали бы, крупного капитала, олигархии» [13]. «Инициаторы Февральского переворота, по словам главы Минкультуры, вызвали в стране неуправляемый хаос. И это – объективная угроза российскому суверенитету, которая реализовалась в феврале 1917-го» [13]. В сущности, заключил В.Р. Мединский, «сто лет назад трагедией для России стало нежелание умных, образованных, ярких, талантливых людей, представлявших разные политические силы, исповедовавших иногда разные мировоззрения, имевших разные взгляды на будущее страны, на пути к этому будущему подчинить свои частные интересы интересам России, и рука об руку вместе работать на благо страны, решая системные, но не такие уж страшные проблемы. В результате общественный диалог был подменен резней, кровопролитием, гражданской войной» [13].

В данном случае министр культуры ведет речь об ответственности элит за судьбу Отечества. В те далекие столетие назад события элиты России не смогли спасти ее от революции, хаоса, трагедии и мучений. Об этом пишет в своей статье профессор С.М. Шахрай [20, стр. 17].

То, что произошло в феврале-марте 1917 года, – это государственный переворот. Это начало красной смуты, именно красной, потому что ходили с красными знаменами, с красными бантами, и покатилось красное колесо. Оно покатилось не в октябре 1917 года, не во время Октябрьской социалистической революции, а реально «красное колесо» – замечательный термин Солженицына – покатилось в феврале, и оно стало набирать обороты. Смута, бунт, государственный переворот – вот что произошло тогда. Плодом Февраля стал Октябрь. Именно февраль стал спусковым крючком русской Смуты.

Известно изречение, что исторические события не происходят, если у них нет сотни разных причин. Реальную катастрофу, которую пережила Россия в феврале-марте 1917 года, в ней также можно обнаружить и персональную вину ключевых участников этого события, и вовлеченность в него разных общественных слоев и институтов, иностранных государств, и действие некоторых закономерностей исторического процесса. Причины февральской революции, разумеется, были как внутренними, так и внешними (революция как плод иностранного вмешательства).

Прежде всего, это духовно-нравственный кризис Российского общества, который выразился в конкретных действиях российских элит, рабочих, военных. Действия российских элит, безумно, но совершенно сознательно вели страну к Февральскому перевороту. С горечью надо признать, что революцию сделали не только инородцы, иностранные агенты, а постарались все: государственные сановники, парламентская элита, предприниматели-миллионеры, либеральные дворяне, деятели земского движения, великосветские дамы, разносившие по салонам сплетни о царской семье, генералы и даже монархисты. Получается, в наших бедах виноваты в первую очередь мы сами.

Лидерами революции были: кадетский лидер П.Н. Милюков, военный лидер генерал М.В. Алексеев, лидер октябристов, которого смело можно назвать главным мотором февраля, – Н.И. Гучков, М.В. Родзянко, В.В. Шульгин, В.М. Пуришкевич и др. во главе с А.Ф. Керенским.

Великий князь Александр Михайлович Романов в своей книге «Книга воспоминаний», 1933 года пишет: «Следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте?» [3].

По мнению многих историков, произошла Государственная измена во время войны, о чём свидетельствует наличие заговора с участием думцев и генералов, которые ждали лишь отъезда царя из столицы в Ставку, где и планировали совершить дворцовый переворот. Солдатский мятеж было бы легко подавить, если б, на то была воля у генералитета, но он предпочел вступить в сговор с думскими деятелями, затеявшими свержение самодержавия и для этого воспользовавшимися мятежом столичного гарнизона.

Своеобразной завязкой исторической трагедии, после чего она приобрела необратимость, стало отречение императора Николая II, к которому он был принужден не волнениями в

Петрограде, вылившимися в солдатский бунт, но изменой со стороны лиц, призванных служить ближайшей опорой трона, – членов императорского дома и высших военачальников.

Причастность ведущих финансовых кругов, как российских, так и зарубежных к беспорядкам февраля 1917 года, видна из сообщений Охранного отделения. Оно сообщало, что в феврале 1917 года «40 высших членов финансового и промышленного мира приняли участие в собрании. Собрание это имело место в помещении правления одного крупного промышленного предприятия, с участием 3 или 4 представителей больших заграничных банков. Финансисты и промышленники постановили почти единодушно, что в случае нового займа, они дадут деньги лишь народу, но откажут в этом нынешнему составу правительства» [4].

Таким образом, можно с уверенность констатировать, что события февраля 1917 года были не стихийным выступлением рабочих, а целенаправленной подрывной акцией, с целью свержения существующего строя, организованной группой лиц, в которую входило военное руководство заводами, ряд банкиров и политиков во главе с А.Ф. Керенским. Эта группа действовала в интересах группы американских и западных банкиров, иностранных разведок, и действовала по своему намеченному плану. Главной целью начавшихся беспорядков, было вывести на первые роли А.Ф. Керенского и придать ему образ вождя революции – являвшимся ставленником Уолл-Стрита [19, стр. 26-28].

Новая власть в рекордно короткий срок совершила столько глупостей, катастрофических ошибок, было принято такое количество бездарных, самоубийственных решений, что страна была доведена до полного развала и буквально развалена к осени 1917 года. Власть в октябре 1917 года перешла от них к низам – к большевикам. Февральский переворот, устранение державного лица разрушили последнюю преграду, оберегавшую общественную жизнь от лавинообразного распада и разложения. Начались массовые убийства офицеров, погромы дворянских усадеб, церквей и монастырей. Именно Февраль стал спусковым крючком великой русской Смуты.

Можно показать важнейшие трагические события-последствия в этапах единого революционного процесса в России в начале XX века: Первая русская революция в январе 1905 года, Первая мировая война 1914 года, Февральская буржуазная революция 1917 года, отречение и арест царской семьи в марте 1917 года, расстрел (убийство) царской семьи летом 1918 года, Октябрьская социалистическая революция 1917 года (вооружённый переворот) и последующая за ней Гражданская война.

Выступая на конференции посвященной 100-летию революции 1917 года «Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917», ректор МГИМО академик А.В. Торкунов отметил, что тогда же «была разорвана сложно сплетенная, многовековая линия истории России, вектор которой определялся двумя важнейшими началами – государством и христианством» [13]. Страшным последствием революции, по его словам, стала «дегуманизация общественного сознания, утрата устойчивых моральных ценностей и ориентиров» [13]. Серьезный удар был нанесен демографическому потенциалу страны: помимо павших на фронтах Первой мировой войны, погибших от насилия и голода, население сократилось за счет эмиграции. На конференции прозвучали и данные, характеризующие общие невосполнимые потери революционного времени учитывая две войны и две революции: 16–18 миллионов человек. «Мы жили многие годы с формулой, что революции – это локомотив истории. Так вот у нас сегодня есть возможность вернуться и посмотреть, что это был за локомотив на российской почве, на русской земле» [13], заметил научный руководитель Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук, академик РАН, доктор исторических наук А.О. Чубарьян. По его мнению, нужна «прививка против революции» [13], а ею призван стать беспристрастный анализ событий 1917 года и извлечение исторических уроков. «Революции в России не хотел никто, за исключением левых радикалов, но их число было незначительно. Все же остальные, в том числе и те, кто плел нити заговора против императора, были против революции, с тем чтобы заменить царя более подходящей фигурой и избежать худших последствий» [13], – так обозначил позицию свою и своих сотрудников директор Института российской истории РАН Ю.А. Петров.

На вопрос – была ли альтернатива революциям 1917? Владимир Лавров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Института российской истории РАН отвечает: Альтернативой революциям 1917 года было жесткое подавление Февральской революции. После такого подавления страна оказалась бы в числе победителей в Первой мировой войне, получила бы Константинополь, Босфор и Дарданеллы в соответствии с договорами с Великобританией и Францией, продолжилось бы успешное экономическое развитие России. В целом она стала бы самой мощной военно-экономической державой в мире. Не было бы ни красного террора, ни ГУЛАГа, ни насильственной коллективизации, и, вполне возможно, мощной России удалось бы предотвратить Вторую мировую войну [2].

Совершенно прав автор действующей российской Конституции профессор С.М. Шахрай, когда формулирует афоризм: «Лучше спорная Конституция, чем бесспорная революция» [20, стр. 17].

Список литературы

1. Афоризмы и изречения В.О. Ключевского [Электронный ресурс] // URL: http://www.e-reading.club/chapter (дата обращения: 09.02.2017).
2. Были ли реальные альтернативы революции 100 лет назад? [Электронный ресурс] // Другой 1917-й. URL: http://foma.ru/drugoy-1917-y.html (дата обращения: 14.03.2017).
3. Воспоминания великого князя Александра Михайловича Романова // Книга воспоминаний. – Париж, 1933.
4. ГА РФ. Ф. 102 ОО. 1917. Д. 341, ч. 57. Л. 4.
5. Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Под ред. З.И. Перегудовой; сост. З.И. Перегудова, Дж. Дейли, В.Г. Маринич. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2009. – 519 с.
6. Из записки охранного отделения от 24 февраля, предназначенной для сведения полицейских приставов // Ненароков А.П. 1917. Краткая история, документы, фотографии. – М.: Политиздат, 1987. – 255 с.
7. Ильин И.А. Почему сокрушился в России монархический строй? // И.А. Ильин Наши задачи. Т. 2. – Париж, 1956. – 525 с.
8. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/revolucija.htm (дата обращения: 19.05.2017).
9. Катков Г.М. Февральская революция. – Париж: ИМКА-Пресс, 1984. – 430 с.
10. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
11. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.
12. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
13. Научная конференция «Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917». [Электронный ресурс] //100-летие Революции 1917 года. 2017. URL: http://rushistory.org/proekty/100-letie-revolyutsii-1917-goda (дата обращения: 11.02.2017).
14. Общественно-политическое агентство [Электронный ресурс]: «Национальный журнал», 2017 г. // Режим доступа: http://www.nationaljournal.ru/articles/2017-03-15/3371/ (дата обращения: 17.05.2017).
15. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией д. ю. н., проф. В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 27
16. Российская империя накануне мировой войны [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://русскоедвижение.рф (дата обращения: 11.03.2017).
17. Русская народная линия: информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru 100-летие революции 1917 года / 20.02.2017 (дата обращения: 12.05.2017).
18. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. – Минск: Харвест, 2004. – 1275 с.
19. Холяев С.В. Три Февраля 1917 года. Оценка февральской революции 1917 года // Вопросы истории. – 2003. – № 7. – С. 26-38.
20. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
21. Щендригин Е.Н. Основные законы 1906 года как опыт конституционного строительства в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 38-42.

КРУСС Владимир Иванович,
заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тверь, Россия)
E-mail: t-prava@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФЕВРАЛЬ – ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА И ИХ ШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ ДО НОВОЙ РОССИИ: «КУМАЧОВЫЕ ВИТРАЖИ»

Аннотация. *В арт-инсталляции, подготовленной с помощью художника-дизайнера Ольги Котенёвой-Пушко и размещенной в Центральном выставочном заде г. Твери, приуроченной к 100-летним событиям 1917 г. и 20-летнему юбилею тверских дизайнеров, профессор В.И. Крусс, прибегнув к изобразительно-поэтическому художественному творчеству, продолжает дискуссию, развернутую профессором В.В. Лазаревым презентацией «Право и революция» («Юридическая наука: история и современность», 2017, № 2).*

Он развивает дискуссию уже на ином уровне восприятия реальности. Сегодня многие люди на Земле переживают столетний юбилей событий в нашей стране, обдумывают происшедшее тогда, размышляют о нынешних последствиях и будущем. При этом можно наблюдать не только научно-прозаическое, но и художественно-творческое восприятие бытия и сознания.

Профессор В.И. Крусс предлагает посмотреть на неоднозначность событий столетней давности, в то же время обратить внимание на те последствия, которые они повлекли, их шествие по нашей стране вплоть до образования новой России.

Ключевые слова: *«Кумачовые витражи»; революция; гражданская война; репрессии; Соловки; индустриализация; лагеря; надежда; отсутствие злобы; колокола; солдат; Сталинград; война; Советская земля; Победа; целина; Колыма; вожди; Курчатов; Королев; Гагарин; космос; «кузькина мать»; золотой рубль; «порванные» канадцы; застой; Афганистан; Олимпиада.*

KRUSS V.I.

FEBRUARY-OCTOBER 1917 AND THEIR MARCH THROUGH THE COUNTRY TO THE NEW RUSSIA: «CUMMING STAINED-GLASS WINDOWS»

The summary. *In the art-installation, prepared with the help of artist-designer Olga Kotenyova-Pushko and placed in the Central Exhibition Hall of Tver, timed to the 100-year-old events of 1917 and the 20th anniversary of Tver designers, Professor V.I. Krusse, having resorted to graphic and poetic artistic creativity, continues the discussion developed by Professor V.V. Lazarev presentation "Law and Revolution" ("Legal Science: History and Modernity", 2017, No. 2).*

He develops the discussion already at a different level of perception of reality. Today, many people on Earth are experiencing the centenary of events in our country, they are thinking about what happened then, reflect on the current consequences and the future. At the same time one can observe not only the scientific and prosaic, but also the artistic and creative perception of being and consciousness.

Professor V.I. Kruss offers to look at the ambiguity of the events of a hundred years ago, at the same time pay attention to the consequences that they caused, their march through our country right up to the formation of a new Russia.

Key words: *"Cumming stained-glass windows"; revolution; Civil War; repression; Solovki; industrialization; camps; hope; absence of anger; bells; soldier; Stalingrad; war; Soviet land; Victory; virgin lands; Kolyma; leaders; Kurchatov; Korolev; Gagarin; space; "Kuz'ka mother"; gold ruble; "Torn" Canadians; stagnation; Afghanistan; Olympics.*

Пострадали и хватит.
В шеренгах налево
равняйтесь!
Предполагаемо братья,
вольно!
Обогащайтесь.
1921 -1924
В.Крусс #2420 #0438

Уходи,
умирай,
возродись
В Соловках,
окаянная жизнь!
1924 -1929
В.Крусс #2420 #0438

Вихрей враждебных
звонница
развеселит поневоле.
Индустриальная
к о н н и ц а
топчет чугунное поле.
1929 -1934
В.Крусс #2420 #0438

У соловушки песня.
Под гимнастёркой крест.
Кто-то потом воскреснет.
Свинца на один присест.
1934 -1936
В.Крусс #2420 #0438

Лагеря вы мои, лагеря;
завязали глаза кумачом.
Хорошо бы совсем
без царя;
полоснули по жиле
серпом.
1937
В.Крусс #2420 #0438

В Чкалова мы,
а не в Берию
верили как могли...
Детки, по крайней мере,
славные подросли.
1937-1941
В.Крусс #2420 #0438

Воронки глаз.
Броня утюжит робу.
Боль проросла.
И всё таки – надежда,
а не злоба. Колокола.
1941
В.Крусс #2420 #0438

Уходить на закат.
В Сталинград.
Превращаться в свечение.
Русский значит –солдат.
Ополчение.
1941-1943
В.Крусс #2420 #0438

Как это стало возможно?
Как мы такое смогли?
Тебе салютует, Боже,
советская часть Земли.
1943-1945
В.Крусс #2420 #0438

Жить без войны –
ослепительно просто.
Ночь Колымы
и победные звёзды.
1945-1949
В.Крусс #2420 #0438

В тисках
типографской бумаги
грядущие рдеют века.
Кубанские скачут казаки.
Колхозники мечут стога.
1949-1954
С ПРАЗДНИКОМ, ТОВАРИ
ПРАВДА
Орган Центрального Комитета КПСС
ЗНАМЕНА ПЕРВОМАЯ
В.Крусс #2420 #0438

Не пугайся, не жди,
не созрело заветное
слово...
Проступают вожди
сквозь Курчатова
и Королёва.
1954-1957
В.Крусс #2420 #0438

Надышаться бы впрок!
Целина как испарина.
И весенний шнурок
на ботинке Гагарина!
1957-1961
В.Крусс #2420 #0438

Нас нельзя запугать -
мы упорная сила Союза!
Плачет Кузькина мать.
И тревожно горчит
кукуруза.
1961-1964
В.Крусс #2420 #0438

Октябрята маются
у кремлёвских врат.
В небо возвращается
первый космонавт.
1964-1968
В.Крусс #2420 #0438

Послепражский покой.
Диссидентов куда то послали.
Рубль – почти золотой.
И в хоккей мы
канадцев порвали!
1968-1972
В.Крусс #2420 #0438

Это будёт застоем; в крови;
а пока мы летим на Венеру!
Буратины любви,
новогодних безумств
пионеры.
1972-1979
ВСЕГДА ГОТОВ!
В.Крусс #2420 #0438

Над Афганом сквозняки
раздувают лето
Олимпийские венки
и венок поэта
1979-1982
В.Крусс #2420 #0438

Панихиды как напасть.
Гласность как ужастики.
По талонам – медсанчасть,
водка и фантастика.
1982-1985
В.Крусс #2420 #0438

Го́рбится гордость;
сползает кора.
Детям и взрослым
меняться пора.
1985-1987
В.Крусс #2420 #0438

3 ноября – 4 декабря 2017 года
в Выставочном центре на Советской
Выставка **«ДАЁШЬ ДИЗАЙН!»**
Тверскому региональному отделению
общероссийской общественной организации
«Союз дизайнеров России» 20 лет.

Представлены направления:
арт-объекты, графика, дизайн-педагогика (СУЗы),
мелкая пластика, фотография, дизайн интерьера,
одежда и аксессуары, нон-дизайн.

Участники: Алексей Ушаков, Сергей Жилкин,
Сергей Комкин, Андрей Комлев, Наталья Сиротина
Игорь Гусев, Сергей Федоров, Ирина Клименкова,
Ирина Арзамасцева, Николай Арзамасцев,
Андрей Пучков, Андрей Кулаков,
Николай Погорелов, Александр Антипов,
Линда Клявина, Игорь Ульянов,
Ольга Котенёва- Пушко, Ольга Петрочинина,
Владислав Честнодумов, Владимир Крусс,
Светлана Саламова, Надежда Мартьянова.

План мероприятий на выставке «Даёшь дизайн!»

3 ноября (пт) в **16:00 открытие.**

4 ноября (сб) в **15.00** – «В 20 – Шестьдесят».
Юбилей В.Крусса. Поэтический вечер, новый сборник
"Тема жизни"

11 ноября (сб) – Творческая встреча с Линдой Клявиной.
в **12.00**- мастер-класс по технике батика
в **15.00**- показ одежды, .

18 ноября (сб) в **16.00** – Встреча с автором
«мелкой пластики» Александром Антиповым.

23 ноября (чт) **в 17.30** – Концерт Тверского объединения
композиторов и исполнителей

24 ноября (пт) **в 17.00** – Концерт Тверского отделения
Союза Композиторов России.

2 декабря (сб) в **16.00** – Встреча с графиками СДР.

**ЖДЁМ ВСЕХ НА ОТКРЫТИЕ
И ТВОРЧЕСКИЕ ВСТРЕЧИ!**

МУСАЕВ Магомед Алаудинович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права Московской международной экологической академии, кандидат юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: musaev-ma@rambler.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВОВОЙ ГУМАНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Аннотация. *Обсуждаются проблемы национальной безопасности Российской Федерации в условиях происходящих в мире в настоящее время экономических, политических и прочих трансформаций. Отмечается, что в условиях эпохи глобализации при безусловном доминировании Запада во главе с США необходимо законодательно закрепить положения Стратегии национальной безопасности пакетом нормативных правовых актов, конкретизирующих и развивающих ее положения по всем сферам деятельности государства.*

Ключевые слова: *национальная безопасность; правовой гуманизм; глобализация; монополярный мир; Стратегия национальной безопасности Российской Федерации; законодательство.*

MUSAEV M.A.

LEGAL HUMANISM AND NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

The summary. *The problems of the national security of the Russian Federation in the context of the current economic, political and other transformations in the world are being discussed. It is noted that in the era of globalization, with the unconditional domination of the West led by the United States, it is necessary to legislatively consolidate the provisions of the National Security Strategy with a package of normative legal acts that specify and develop its provisions in all spheres of state activity.*

Key words: *national security; legal humanism; globalization; monopolar world; The National Security Strategy of the Russian Federation; legislation.*

Сегодня проблеме обеспечения национальной безопасности России уделяется весьма существенное внимание. Представляется, что с распадом Советского Союза мир претерпел значительные изменения, заключающиеся как в геополитической перестройке влияния ведущих мировых держав, так в нарушении баланса политических сил на планете, так и в особенностях современной глобализации, затрагивающей жизненно важные интересы всех стран мирового сообщества [45]. Не последнюю роль играют и экологический кризис, который, по некоторым оценкам, часто имеет необратимые последствия [37; 69; 70], бурно развивающиеся демографические процессы, истощение природных ресурсов, повышение разрушающей эффективности современных военных технологий. Огромную роль играет и распространяющийся на планете международный терроризм [15; 36; 40; 68].

В этих условиях Россия оказалась в очень трудной исторической ситуации. С одной стороны она, в силу объективно занимаемого ею

геополитического положения в мире, затрагивает интересы многих государств, оказывая влияние на все процессы, происходящие на планете. С другой стороны, Россия сама имеет свои жизненные интересы в мире. Поэтому экономические, политические и прочие трансформации, происходящие на планете, соизмеряются с критериями обеспечения национальной безопасности [7; 11; 78]. Кроме того, глобализационные тенденции оказывают существенное влияние и на внутреннюю жизнь страны, касаясь ее институциональных устоев в экономике, политике, праве, культуре и других сферах, что также необходимо соизмерять с условиями защищенности национальных интересов, не допуская ослабления государственности как гаранта безопасности [1; 2].

Сказанное объясняет уровень внимания науки к проблеме обеспечения национальной безопасности, начиная с того времени, как мир стал существенным образом меняться. При этом очевидным является необходимость исследования методологического уровня проблемы, разработка подходов к самому современному феномену безопасности. Важнейшим этапом в этих исследованиях является разработка понятия «национальная безопасность», которое позволяет концептуализировать ее модель и создать систему эффективных критериев для разработки всей совокупности средств ее обеспечения, основными среди которых, по нашему мнению, являются политические и правовые средства.

В последнее десятилетие на Западе стала популярной концепция, призванная «теоретически» оправдать складывающийся после распада Советского Союза монополярный мир: мир закономерно развивался от многополярности к биполярности и от нее – к монополярности. Переход к монополярности означает реконструкцию принципов, на основе которых строились ранее международные отношения и международная система безопасности. Длительное время принципы безопасности основывались на идее сотрудничества между государствами-субъектами международных отношений. Краеугольным камнем нормативного поля этой системы был институт государственного суверенитета, делавший каждое государство полноправным участником международной системы безопасности. Юридическое закрепление это получило во Всеобщей декларации прав и свобод человека 1948 года и Уставе ООН. Ясно, что ООН с ее Советом безопасности была тем институтом, который был призван обеспечить функционирование сложившейся системы и защитить ее от деструктивных тенденций. Концепция данной системы международной безопасности сложилась несколько раньше и известна как Вестфальская модель мира или Ялтинско-Потсдамская система. Признавая организацию международных отношений на основе прав человека и, тем самым, многополярность мира, она фактически утверждала биполярный мир, где роль полюсов играли СССР и США.

После распада Советского Союза мир, таким образом, стал монополярным и не усматривает противовеса или альтернативы экономической, технологической и военной мощи США. Таким образом, система международной безопасности реконструируется. Фактически это означает редукцию моральных, политических и правовых принципов предшествующей эпохи. Свою плоть и кровь это обретает в снижении роли и авторитета ООН как гаранта безопасности, значения современной концепции прав и свобод человека как основополагающего принципа международного права, что неизбежно выражается в отказе от незыблемости института государственного суверенитета [3; 10; 13; 27]. Другой стороной этого же процесса является международная нестабильность и бесконечная череда международных конфликтов и региональных войн, которые развиваются на фоне перераспределения мировых природных ресурсов. В складывающейся ситуации неизбежно повышается роль НАТО как военного гаранта стабильности в мире.

Монополярный мир – это мир эпохи глобализации при безусловном доминировании Запада во главе с США. Фактически такая оценка современного мира стала концептуальной основой национальной безопасности США. И это, очевидно, должно учитываться при формировании национальной безопасности современной России. Сегодня в мире существует 37 тысяч транснациональных корпораций. Это единая экономическая сеть, охватывающая всю планету. ТНК составляют треть всех производственных фондов мира, которые производят около 40% продукта, производимого на планете, и осуществляют более половины внешнеторгового оборота. Кроме того, более 80% торговли высшими технологиями и 90% вывоза капитала приходятся также на ТНК. Феномен современной глобализации, таким

образом, непосредственно затрагивает жизненно важные интересы всех государств мира и прежде всего России. ТНК охватывают более трети экспорта обрабатывающей промышленности, 3/4 торговли сырьевыми товарами, 4/5 торговли новыми технологиями. Составляя такую долю в экономике мира, эти глобальные структуры могут влиять и реально влияют на экономику, политику, культуру и прочие сферы жизни стран всего мира, стремясь поставить их на службу своим интересам [33].

Такое положение дел в мире объективно является главной угрозой национальной безопасности России. Не только ограничить суверенитет Российской Федерации, но – разрушить государственность, не только не допустить полноценное и равноправное вхождение России в мировую экономику, но разрушить ее основные институты, свести ее функционирование к торговле сырьевыми ресурсами. Кроме того, превратить страну в свалку радиоактивных отходов, обеспечить сохранение демографической тенденции сокращения населения, а также продовольственную, научно-технологическую и информационную зависимость от Запада. Это те задачи, которые обеспечат укрепление и функционирование складывающейся глобальной системы, где одной из самых богатейших стран мира, с выдающейся культурой и колоссальным интеллектуальным потенциалом отводится вспомогательная роль – роль сырьевого придатка.

Очевидно, что провозглашенный Дж. Бушем «новый мировой порядок» – это не что иное, как доктрина глобального господства Запада во главе с США, основанного на военной мощи и тотальном подчинении основной части экономических ресурсов мира, планомерной военной и политической экспансии во всех регионах мира, представляющих интерес для развития и укрепления складывающейся глобальной системы. «Золотой миллиард» (семь наиболее развитых стран мира) – вот на кого предстоит работать России и всему человечеству, численность которого к середине столетия должна приблизиться к цифре в 12 миллиардов человек.

«Стратегия национальной безопасности США в следующем столетии», разработанная при Б. Клинтоне и утвержденная конгрессом США, главными стратегическими целями в этом столетии однозначно объявляет достижение глобального превосходства и глобального доминирования на основе установления нового управляемого однополярного миропорядка. Ставшее краеугольным камнем этой доктрины положение о поддержке демократии за рубежом есть не что иное, как прямое указание на то, что зоной американских интересов является весь мир и что США готовы использовать любые средства для их реализации.

Фактически США сегодня пытаются сделать все, чтобы обеспечить возможность распада нашей страны как системного образования. Первой в ряду угроз следует назвать бедственное состояние экономики, что является причиной значительного ослабления обороноспособности и военной мощи. Значительную опасность представляет возрастание ядерных, радиационных и технологических катастроф, технологической зависимости и научно-технического отставания от развитых стран, усиление ее «экологической колонизации». Важнейшей угрозой является ухудшение здоровья нации и прогрессирующее сокращение населения. В ряду важнейших угроз стоит продовольственная зависимость России, а также обострение борьбы за передел территорий и природных ресурсов. Особую опасность представляет угроза войн «нового поколения» (информационных, экономических, экологических и пр.), к которым Россия явно не готова и объектом которых она становится.

В свете сказанного очевидно, что действующая с 2009 года Стратегия национальной безопасности слаба. Не случайно она была подкреплена Стратегией национальной безопасности от 31 декабря 2015 года [2]. Первая стратегия полностью не учитывала основных тенденций в этой сфере. Полагаем, что главной слабостью документа является регионализация безопасности. В условиях глобальных трансформаций системы международной безопасности, обусловленных интересами стран «золотого миллиарда» и прежде всего США, это может означать не только неадекватную оценку условий обстановки, но и отказ от претензий быть полноправным субъектом международных отношений. Тем не менее Стратегия верно оценивает главную внешнюю угрозу – формирование однополюсного мира и в качестве идеала провозглашает мир многополюсной. В этом смысле весьма эффективным выглядит акцент на укреплении государственного суверенитета, значении реализации современной концепции прав и свобод человека, роли ООН. Причем последовательная реализация этой

Стратегии, институционализация ее норм в законодательстве могла бы значительно улучшить состояние безопасности страны. В этом смысле законодательное обеспечение национальной безопасности современной России выглядит малоэффективным и требует решительного прорыва. Если применение права является способом реализации национальной безопасности, то как можно говорить об эффективной защите интересов личности, общества и государства при столь слабой разработанности законодательства в этой сфере.

Сегодня в стране действует более 800 различных нормативных правовых документов, обеспечивающих функционирование системы национальной безопасности и защиту интересов личности, общества и государства. Нельзя сказать, много это или мало. Все зависит от эффективности действующего законодательства. И если Стратегия национальной безопасности принята, то ее действие должно быть обеспечено соответствующим нормативным правовым полем. Принятые законодательные акты в области национальной безопасности, включая и новый закон о безопасности, в основном касаются частных угроз в различных видах безопасности. Так, в целом приходится говорить о слабости нормативно-правового обеспечения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Необходимо законодательно закрепить положения Стратегии пакетом нормативных правовых актов, конкретизирующих и развивающих ее положения по всем сферам деятельности государства.

Прежде всего, следует внести ряд дополнений в новую редакцию Федерального закона «О безопасности». Сферы деятельности государства, которые оговариваются в Стратегии, должны быть выражены в структуре и функциональных обязанностях правительства. Поэтому необходимо внести изменения и в ныне действующий Закон «О Правительстве Российской Федерации».

В целом, необходимо, во-первых, определить систему органов национальной безопасности и их сферу деятельности, во-вторых, урегулировать координацию их деятельности и взаимодействия, в-третьих, определить содержание и модификации оперативной деятельности спецслужб и установить порядок использования ее результатов, в-четвертых, в новом законе необходимо указать на важность принятия федерального конституционного закона о безопасности. Кроме сказанного, необходимо предусмотреть право государства на применение всего комплекса мер по защите национальных интересов, которые заключаются в поддержании целостности государства, утверждении единого суверенитета Федерации, сохранении единого экономического пространства, соблюдении однородности правового статуса гражданина на всей территории Российской Федерации. При этом новая редакция закона должна в обязательном порядке предусмотреть право государства на экстраординарные меры.

Странно то, что до сих пор у нас нет внятной международной доктрины. В условиях современных трансформаций международных отношений система национальной безопасности не может быть эффективной без соответствующего нормативного обеспечения. Задачи, которые стоят перед государством в международной сфере, требуют принятия закона о международной доктрине Российской Федерации. Не достаточно лишь констатировать наличие внешних угроз. Необходимо создать эффективные юридические механизмы противодействия этим угрозам. Законодательные акты по обеспечению безопасности в международной сфере должны способствовать сохранению и развитию активного внешнеполитического курса России, ее полноправному участию в глобальных и региональных экономических и политических структурах, осуществлению законодательных мер по укреплению доверия и стабильности в мире.

В сфере экономики законодательные акты необходимо ориентировать на реализацию стратегии социально-экономического развития России при строгой увязке с задачами обеспечения национальной безопасности.

В военной сфере давно назрело принятие закона «О военном бюджете», который бы заложил прочный фундамент финансово-экономического обеспечения военного строительства. Но необходим и более общий закон, который бы регламентировал весь процесс военного строительства, связующего между собой различные, в том числе правовые, административные, экономические аспекты взаимоотношений субъектов военного строительства. В этом законе необходимо также отразить и механизмы противодействия угрозам войн «нового поколения», которые уже стали реальностью и для

России, и для всего мира. С точки зрения правового гуманизма, важнейшую роль играет вопрос социальной защиты военнослужащего [30]. Это следует обязательно предусмотреть в разработке указанного закона.

России сегодня трудно поддерживать состояние вооружений на необходимом для отражения возможной агрессии уровне. Концепция национальной безопасности не рассматривает ни одно государство в качестве возможного военного противника. Однако в складывающихся международных условиях нельзя исключать различного рода военных провокаций со стороны иностранных государств, в том числе и прямую агрессию. Поэтому оснащение армии современным оружием является одной из приоритетных задач национальной безопасности. В связи с этим необходимо предусмотреть акцентированное законодательное обеспечение государственной программы вооружения. Во всех развитых странах существует соответствующий закон. В России также необходимо принять закон «О государственной программе вооружений». Закон должен отражать приоритеты в этой сфере, определять соответствующие программы и механизм их реализации, включая подконтрольность Федеральному собранию.

Большую роль в обеспечении национальной безопасности сегодня играет институт коллективной безопасности. Россией значительный вклад в этом направлении был сделан Договором о коллективной безопасности, предусматривающим меры по коллективной защите интересов стран СНГ. Необходимо развивать данное направление деятельности путем согласования соответствующих нормативно-правовых механизмов в этих странах, развивать военно-интеграционные процессы с этими странами.

Большую работу предстоит проделать в направлении дальнейшего совершенствования законодательного обеспечения правоохранительной безопасности. Важны скоординированные усилия всех ветвей власти, направленные на коренное изменение криминальной ситуации в стране, создание условий для эффективной борьбы с преступностью и терроризмом, обеспечения эффективной защиты прав и свобод граждан. Значительным позитивным шагом в этом направлении стало создание Федеральной службы войск национальной гвардии РФ и самих войск [44; 46; 47; 48; 49; 50; 51].

В складывающейся ситуации необходимо завершить разработку основ законодательной государственной политики в области борьбы с терроризмом, которая должна предусматривать как единство усилий всех ветвей власти, так и использование потенциала общества. Принципы и механизмы обеспечения этой политики необходимо внести в действующие законодательные акты, касающиеся борьбы с терроризмом, предусмотреть финансирование с учетом возможностей федерального бюджета.

Правовые и организационные основы борьбы с терроризмом, субъекты этой деятельности и принципы их взаимодействия, роль различных государственных и негосударственных органов в противодействии терроризму определяются ныне действующим Федеральным законом «О борьбе с терроризмом». Однако практика применения этого Закона показывает, что он не охватывает важнейшие аспекты деятельности, которые фактически являются террористическими, играют решающую роль в его возникновении и развитии. Например, в поле действия этого Закона не попадает финансирование террористической деятельности [8; 12; 35]. Закон не дает четких оснований преследовать лицо, которое финансирует терроризм, поскольку его действия непосредственно не направлены на совершение преступления. Эти пробелы в законодательстве необходимо устранить, так как они позволяют уходить от ответственности лицам, причастным к терроризму, снижают эффективность борьбы с терроризмом вообще, мешают утверждению правового гуманизма.

Программу и механизмы законодательной государственной политики в области противодействия терроризму необходимо внести особым законодательным актом, который должен определять приоритетные направления правоохранительной деятельности в области противодействия терроризму и обеспечения комплексной безопасности объектов повышенной опасности.

В свое время Генеральная Ассамблея ООН определила три наиболее серьезные угрозы для человечества, к которым, наряду с оружием массового поражения и последствиями техногенной деятельности человека, отнесла распространение наркотиков.

Россия вот уже несколько десятилетий подвергается массированному воздействию со стороны международного наркобизнеса. Небывалых

масштабов достигло распространение на территории страны жестких наркотиков, в первую очередь – героина и других опиатов. Происходит постоянный рост связанных с наркотиками преступлений. Армия наркоманов продолжает втягивать в свои ряды все более молодых рекрутов (по статистике, средний возраст лиц, впервые употребивших наркотики, снизился до 13–14 лет). Растут и другие негативные тенденции [26; 31; 38; 42; 77].

Все более отчетливо выстраиваются в единую цепь наркобизнес, незаконные операции с оружием, отмывание денежных средств, полученных преступным путем, и терроризм. Все это несет прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Противодействие распространению наркотиков складывается из нескольких частей: снижение спроса, лечение и реабилитация наркоманов, создание препятствий для предложения наркотиков. Последнее относится к деятельности правоохранительных органов и спецслужб.

Излишние препятствия в оперативной деятельности создает несовершенство законодательства (отсутствие ряда давно разработанных, но не принятых основополагающих законов, в первую очередь – закона «Об организованной преступности», института «мнимого соучастия», эффективного механизма защиты свидетелей и т. п.). Важна вся система законодательного обеспечения уголовной политики России [6; 9; 28; 71; 72; 73; 74], включая все ее составные части: уголовно-правовая политика [25; 29; 60], уголовно-процессуальная политика [5; 58; 61], оперативно-розыскная политика [18; 20; 21; 22; 24; 53; 54; 75; 76], уголовно-исполнительная политика [55; 56; 57], уголовно-превентивная политика [52] и уголовно-организационная политика [59]. Лишь комплексная реализация всех составляющих элементов уголовной политики способна обеспечить национальную безопасность нашего Отечества.

Осложняющими факторами являются «прозрачность» госграницы на значительном ее протяжении, упрощенный режим въезда-выезда, порождающие масштабную нелегальную иммиграцию жителей среднеазиатских государств – участников СНГ, Китая, Северной Кореи, Вьетнама [16; 17; 43].

К сожалению, приходится констатировать, что разработанная система общегосударственных мер в сфере пресечения незаконного оборота наркотиков по ряду объективных и субъективных причин в необходимом объеме на настоящий момент не реализована.

Большие опасения вызывает состояние демографической безопасности современной России. В настоящее время в России рождается менее 30% здоровых детей, их доля к 2015 году составила 15–20%. Возрастает тенденция к росту генетического груза в населении: уровень рождаемости неполноценных детей в 1992 году составил 17% при критическом уровне 18%, после которого процесс деградации нации становится необратимым. Увеличивается общая смертность, а детская продолжает оставаться на высоком уровне. Сегодня средняя продолжительность жизни в России для мужчин составляет 66,5 лет, а для женщин 77 лет. От развитых стран по продолжительности жизни Россия все-таки отстает. При сохранении существующих тенденций возможно сокращение численности населения.

. По одному из прогнозов к 2020 году Россия потеряет 14 млн. человек. К 2040 году население России составит около 90 млн. человек, а к 2050 году оно сократится в два раза. При сохранении этих демографических тенденций к середине столетия численность государствообразующего русского этноса составит 25 млн. человек [14].

Очевидно, что для сохранения хотя бы нынешнего демографического состояния необходимы чрезвычайные усилия. В крайние годы российские власти и Президент В.В. Путин уделяют данной проблеме пристальное внимание. Благодаря этим усилиям и принятым мерам в стране наметились положительные тенденции. Численность российского населения увеличивается вот уже восемь лет подряд. До 2009 года в России 14 лет наблюдалось сокращение населения. А с 2009 года наблюдается тенденция умеренного роста численности россиян. Уже к началу 2016 года население России составило 144,2 миллиона человек, что по оценке специалистов соответствует уровню середины 1986 года. Для развития наметившейся тенденции необходимо целенаправленная деятельность российского правительства [80].

Чтобы сохранить государственность и образ жизни россиян, для поддержания и дальнейшего увеличения темпов экономического роста необходимо развивать наметившиеся положительные тенденции. Нужна четкая прогрессивная

демографическая политика страны, подкрепленная соответствующим законодательством, отвечающим требованиям Концепции национальной безопасности.

Ставшая в последние годы популярным мнение, что демографическую проблему Россия может решить лишь путем либерализации миграционного законодательства, не выдерживает никакой критики. Миграция является дополнительным ресурсом экономики в поддержании темпов экономического роста в условиях депопуляции. Речь идет, прежде всего, о трудовой миграции. Однако это не имеет никакого отношения к воспроизводству населения. Более того, миграция объективно представляет собой угрозу, в том случае если она является средством восполнения естественной убыли коренного населения. Такая ситуация может привести к реконструкции государственности и образа жизни страны.

Поскольку безопасность имеет социокультурную основу, опираясь на ментальный уровень адаптации человека в мире, то она непосредственно связана с духовными факторами, обеспечивающими интеграцию индивидов в социальное целое. Поэтому человеческая жизнь и собственность в разных исторических, социальных и культурных срезах наполняются разным ценностным содержанием. Отсюда, как лишение человеческой жизни, так и лишение собственности в разных контекстах имеют разный смысл и осознаются по-разному в качестве опасности. Значит, система безопасности, как совокупность санкционируемых государством взаимосвязанных и взаимообусловленных способов и средств предотвращения и ликвидации опасности в качестве угроз личности, обществу и государству, также является обусловленной историческим, социальным и культурным контекстами. Очевидна, таким образом, обусловленность системы безопасности традиционной духовностью народа, составляющего государственное целое, так как очевидна роль интегрирующей и обусловливающей национальной идеи в ее становлении. Нам чужды западноевропейские и американские духовные ценности [41; 62; 63; 65; 66] и дороги свои отечественные ценности (традиционная семья, соборность, гуманизм, патриотизм) [4; 23; 39; 64].

В пределах очерченных рамок, на наш взгляд, становится очевидным целый ряд проблем теоретико-правового порядка. Функционирующее в России законодательство делает объектом безопасности личность, общество и государство. Но общий правовой контекст, в целом определяемый правовым гуманизмом, очевидно, делает безопасность личности приоритетным направлением в функционировании системы безопасности, благодаря доминированию гражданско-правового. При этом критериальной основой охраняемого государством права, реализуемого через такие аксиологические доминанты, как свобода, равенство, справедливость, становится частная собственность (неприкосновенность частной собственности). Подобная модель, как социальная технология, функционировала бы достаточно хорошо, при условии, что Россия являлась бы формальным бессодержательным образованием, не имеющим исторических, социальных, культурных, этнических и прочих особенностей. Но поскольку это не так, Россия постоянно сталкивается с трудностями, порождающими двойную интерпретацию. Отсюда возможно и альтернативное решение: либо следует изменить право, либо россиян (изменить ментальность). Подобная тенденция в формировании системы безопасности России указывает на то, что оно происходит под воздействием внешних формальных факторов, преобладание которых объясняется более ранними радикально-либеральными тенденциями в российской политике, опирающимися также и на сильную в России традицию классического русского западничества. Между тем есть основания для утверждения, что данные тенденции ведут не столько к усилению системы безопасности России, сколько к ее ослаблению.

Так, например, проблема незаконной миграции России, при непосредственном влиянии которой идет процесс формирования многих аспектов международного права, делает указанные проблемы очевидными. Оказывается, что и феномен незаконной миграции – явление отнюдь не универсального порядка; ее содержание и смысл также определяются системой аксиологических доминант. Фактически это означает, что конкретное деяние в разном правовом поле не обязательно будет иметь одинаковую квалификацию. По сути дела, борьба с незаконной миграцией – явление того же порядка. Но такая, верная, по сути, квалификация имеет неоднозначную оценку с точки зрения стандартов европейского законодательства. Камнем преткновения являются «права» и «свободы», обозначенные Европейской конвенцией о защите прав

человека и основных свобод 1950 года. Так, благодаря традиционной для Европы интерпретации «прав» и «свобод» борьба с незаконной миграцией получает иную квалификацию и расценивается как их нарушение. Между тем, как мы уже отмечали, Россия, вступив в 1996 году в Совет Европы, вынуждена либо выйти из его состава, в целях реализации собственной модели безопасности и завершения государственного строительства, либо, оставаясь его членом, пожертвовать собственной государственностью. Если отбросить политическую подоплеку противоречий между Россией и Советом Европы по вопросам соблюдения прав человека, то следует признать: европейцы всегда понимали как незаконную сущность соответствующих миграционных потоков, так всю полноту их угрозы безопасности России, Европы и всего мира, так и то, что Россия сегодня уже никогда не пожертвует своей государственностью во имя членства в Совете Европы. Важность для Европы иметь Россию в союзниках порождает примечательную ситуацию: Европа делает вид, что Россия остается в пределах правового поля, обозначенного членством в СЕ, а Россия – что данное правовое поле не так уж и диссонирует с внутренними объективными тенденциями формирования системы безопасности России. При этом очевидно то, что современная Россия старается освободиться от поверхностного понимания проблемы безопасности и следовать собственным рецептам в борьбе с угрозами безопасности, важной составной частью которых является незаконная миграция.

Следует отметить, что начиная со второй половины 90-х годов власть начала осознавать важность построения системы безопасности России с учетом традиционно-ментального фактора, на основе традиционной духовности. Об этом свидетельствует целый ряд принятых правительством нормативных документов. Достаточно упомянуть о принятой в 1996 году Концепции государственной национальной политики, акцентирующей внимание на том, что после распада СССР начался новый этап в развитии государства на основе традиций российской государственности, принципах федерализма и гражданского общества, признающей важность формирования государства на самобытной культурной основе, с учетом традиционных ценностей и других культурных стереотипов.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации, принятая в 1997 году, отмечает важность поиска интегрирующей общество национальной идеи на основе самобытной культуры России как условия формирования системы национальной безопасности. Концепции национальной безопасности Российской Федерации, принятые в 2000 и 2015 году, констатируя необходимость построения международной системы безопасности на основе соблюдения принципа многополярности мира, особое место отводят и укреплению традиционной духовности России как условия развития правовой государственности и гражданского общества. Стратегия национальной безопасности до 2020 года снимает с повестки дня этот вопрос.

Подводя итоги анализа в данной статье, следует отметить, что исходя из понимания национальной безопасности как совокупности санкционируемых государством взаимосвязанных и взаимообусловленных способов и средств предотвращения и ликвидации опасности в качестве угроз личности, обществу и государству, мы полагаем, что правовой гуманизм, права и свободы человека, основополагающее содержательное значение в которых имеет идея западноевропейского антропоцентрического гуманизма, играют в ней центральную системообразующую роль. Поэтому, на наш взгляд, в ее обеспечении становится очевидным целый ряд проблем теоретико-правового порядка. Функционирующее в России законодательство делает объектом безопасности личность, общество и государство. Но общий правовой контекст, очевидно, делает безопасность личности приоритетным направлением в функционировании системы безопасности, благодаря доминированию гражданской составляющей. При этом критериальной основой охраняемого государством права, реализуемого через такие аксиологические доминанты, как свобода, равенство, справедливость, становится частная собственность (неприкосновенность частной собственности). Подобная тенденция в формировании системы безопасности России указывает на то, что оно происходит под воздействием западной (светской) идеи гуманизма, доминирование которой объясняется более ранними радикально-либеральными тенденциями в российской политике, опирающейся также и на сильную в России традицию классического русского западничества.

В то же время необходимо подчеркнуть закономерные трудности, которые встречаются в реализации правового гуманизма в России, на неадекватное данной государственно-правовой идеологии российское правопонимание, которое играет большую роль в интерпретации права, порождая множественные коллизии в отношении норм международного законодательства, большой объем которого интегрирован правовой системой России. Дискуссия по правопониманию вовлекает сегодня все больше и больше исследователей в свою орбиту [19; 32; 67; 79].

Итак, следует сделать вывод о том, что система безопасности, как совокупность санкционируемых государством взаимосвязанных и взаимообусловленных способов и средств предотвращения и ликвидации опасности в качестве угроз личности, обществу и государству, обусловлена историческим, социальным и культурным контекстами. Поэтому формируемая система безопасности во многом определяется духовностью народа, которая на концептуальном уровне выступает в виде идеи безопасности. Функционирующее в России законодательство основано на признании гуманизма в качестве ведущего императива построения системы безопасности. Это определяется тем, что общий правовой контекст делает безопасность личности приоритетным в функционировании системы безопасности, благодаря доминированию гражданско-правового начала. При этом критериальной основой охраняемого государством права, реализуемого через такие аксиологические доминанты, как свобода, равенство, справедливость, становится частная собственность (неприкосновенность частной собственности).

Однако следует подчеркнуть, что правовой гуманизм в современном российском праве имеет конституционные основы. Конституция Российской Федерации реализует идею человека как универсального и автономного существа, формирует нормативное поле, институционализирующее его как субъект общественных отношений, права. Конституционные основы правового гуманизма в России закрепляются совокупностью норм, устанавливающих основы конституционного строя и перечень основных прав и свобод человека и гражданина. Федеративное устройство Российской Федерации направлено на наиболее полную реализацию идеологии правового гуманизма [34].

Соответственно, формирование и функционирование правового поля современной России характеризуется рядом противоречий, которые определяются проблемами в сфере формирования правовых норм и институтов, противоречащих лежащим в основе правовой системы правовым принципам и правовым идеям, плохой корреляцией нормативно-правового поля с традиционно-ментальными факторами населения, определяющими альтернативную культивируемой правом императивность жизнедеятельности. Данные группы противоречий могут быть объяснены непоследовательностью реализации легитимируемого правовой системой правового гуманизма и его несоответствием содержанию традиционного для населения правосознания и правопонимания.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
2. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
3. Абезгильдин Р.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Сетевые структуры в противодействии коррупции, экстремизму и посягательству на государственный суверенитет // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 1. – С. 47-58.
4. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
5. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
6. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной

политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
7. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
8. Александров Р.А., Горбашев В.В., Ильичев В.В., Кондрат Е.Н. Терроризм и наркобизнес: финансово-экономическая обусловленность // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 28-30.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
10. Артамонова Г.К., Шумков Д.В., Реуф В.М. Концепция государственного суверенитета: социально-политические и идейно-теоретические истоки // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 44-48.
11. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
12. Викторов Г.В. Терроризм и экстремизм: к вопросу о совершенствовании механизма пресечения каналов финансирования // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 121-125.
13. Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Т.А., Биктасов О.В. Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3(27). – С. 14-25.
14. Вишневский А.Г. Перспективы демографического развития России и роль миграции // Аналитический вестник. – 2003. – № 9 (202).
15. Волеводз А.Г. Уголовно-правовое противодействие международному терроризму // Уголовное право. 2014. № 2. С. 128-134.
16. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
17. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
18. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 39-47.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 23-40.
24. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
25. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
26. Зоиров С.Д. Криминальный оборот наркотических средств: опасность для человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 134-147.
27. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Суверенитет государства и суверенитет народа в современной европейской мысли // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 50-64.
28. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
29. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
30. Коровников А.В. Социальная защита военнослужащих: становление, развитие и правовое регулирование. – М., 1995.
31. Корчагин О.Н., Чирков Д.К., Литвиненко А.С. Синтетическое наркотики в России как реальная угроза национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015, – № 1(33). – С. 245-253.

32. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 20-29.
33. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. – М., 2001.
34. Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – 344 с.
35. Мурадян С.В. Проблемы квалификации финансирования терроризма по международному праву // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 92-97.
36. Нигметов Н.А. О необходимости создания общегосударственной системы профилактики терроризма и экстремизма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
37. Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А. Взаимодействие общества и природы: концепция правового моделирования // Региональная экология. – 2003. – № 3-4. – С. 75-78.
38. Почему вымирают русские. – М., 2004.
39. Сальников В.П. Историческая память, историко-правовые исследования и патриотическое воспитание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 6-9.
40. Сальников В.П. Российское законодательство в сфере борьбы с терроризмом и проблемы его применения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 1. – С. 9-11.
41. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
42. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
43. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. – № 3. – С. 13-17.
44. Сальников В.П., Борисов О.С., Кондрат Е.Н. Комментарий к Федеральному закону от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2016. – 312 с.
45. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
46. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С Войска национальной гвардии современной России и их предназначение // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 130-145.
47. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Войска национальной гвардии Российской Федерации – начало большого пути // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 121-125.
48. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Полномочия войск национальной гвардии по обеспечению деятельности в условиях ограниченных режимов // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 147-153.
49. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Право и порядок применения физической силы, спецсредств, оружия, боевой и специальной техники военнослужащими (сотрудниками) войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 117-125.
50. Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 136-149.
51. Сальников В.П. Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Проблемы содействия войскам национальной гвардии в выполнении возложенных на них задач, обеспечение полетов воздушных судов войск национальной гвардии // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 142-148.
52. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
53. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
54. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
55. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
56. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
57. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.

58. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
59. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
60. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
61. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
62. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
63. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
64. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-23.
65. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
66. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
67. Сидоренко А.И., Ибрагимова Ю.Э., Залоило М.В. Интегративное понимание права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 43-58.
68. Стесиков И.А. К вопросу разработки эффективной системы противодействия терроризму в Российской Федерации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 141-146.
69. Тарайко В.И. Государственно-правовая политика России в области обеспечения экологической безопасности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 67-75.
70. Тарайко В.И. Экологическая безопасность России / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 198 с.
71. Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32.
72. Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205.
73. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
74. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Том 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
75. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
76. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.
77. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. – 2011. – № 4. – С. 5-14.
78. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
79. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 30-38.
80. http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0693/barom01.php

ОГАНЕСЯН Степан Мхитарович,
профессор кафедры теории и истории права и государства Юридического института Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЭВОЛЮЦИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (60-90 ГГ. XX ВЕКА)

Аннотация. *Рассматривается пенитенциарная политика Советского государства в 50-90 гг. XX века. Перечисляются основные нормативные акты, регламентирующие деятельность мест лишения свободы, анализируются принятые нововведения. Отмечается, что вплоть до настоящего времени в российской пенитенциарной системе происходят позитивные перемены, хотя ее развитие остается во многом противоречивым.*

Ключевые слова: *пенитенциарная политика; гуманизация исполнения наказаний; места лишения свободы; соблюдение прав человека; исправительно-трудовое законодательство; осужденные.*

OGANESYAN S.M.

EVOLUTION OF THE PENITENTIARY POLICY AT THE FINAL STAGE OF THE EXISTENCE OF THE SOVIET UNION (60-90 YEARS XX CENTURY)

The summary. *The penitentiary policy of the Soviet state is considered in the 50-90's. XX century. The main statutory acts regulating the activity of places of deprivation of liberty are listed, the adopted innovations are analyzed. It is noted that up to the present time positive changes are taking place in the Russian penitentiary system, although its development remains largely contradictory.*

Key words: *penitentiary policy; humanization of the execution of sentences; places of deprivation of liberty; respect for human rights; correctional labor legislation; convicts.*

Насилие над личностью, утвержденное в уголовной политике в форме беззакония, не могло не отразиться на деятельности мест лишения свободы. Негуманное отношение проявлялось как непосредственно к самим осужденным, так и косвенно, через создание условий, в которых они отбывали наказание [34, стр. 13].

В середине 50-х гг. утверждается такая форма правового регулирования и командно-административного управления деятельности мест лишения свободы, как совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, суть которой четко отражена в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР №-1443 – 719 от 25.10.56 «О мерах по улучшению работы МВД СССР» [21, стр. 20].

Следует подчеркнуть, что именно это постановление положило начало серьезной перестройке деятельности системы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Во исполнении указанного постановления было разработано положение об исправительно-трудовых

колониях и тюрьмах МВД СССР 1958 г. [49, стр. 25].

Как показывает практика, 50-е г. стали этапом критической переоценки организационных структур исполнения уголовного наказания, в виде лишения свободы, содержание их работы, подготовки частичной реализации реформы уголовно-исполнительной системы со всеми ее репрессивными атрибутами. Правовой основой реформы системы исполнения уголовных наказаний, стали основы уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик, утвержденные на второй сессии Верховного Совета СССР 5 созыва 25 декабря 1958 г. [1]

В РСФСР Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах было утверждено Указом ПВС РСФСР 9 октября 1961 г. [48, стр. 15-24].

Положение предусматривало в целях раздельного содержания разных по степени общественной опасности категорий осужденных и дифференцированного на них воздействия четырех видов режима: общего, усиленного, строгого и особого. Тюрьмы, как места лишения свободы, сохранялись, но только для осужденных, нуждающихся в особо строгой изоляции. С принятием данных положений ликвидировался один из основных недостатков прежнего распределения осужденных по видам режима – совместное содержание впервые осужденных и неоднократно судимых [8]. В Положении об ИТК и тюрьмах (1961 г.) система дисциплинарного воздействия была дополнена новыми видами. В перечне мер поощрения были включены предоставления к досрочному переводу из тюрьмы в ИТК; предоставление и перевод из ИТК особого режима в колонию строгого режима; предоставление к условно-досрочному освобождению, или замене неотбытой части лишения свободы более мягким наказанием; предоставление к помилованию.

Введены были некоторые новые виды взысканий: внеочередное дежурство по уборке помещений и территории ИТК; перевод на пониженную норму питания; перевод в ПКТ общего и усиленного режима до трех месяцев, в ИТК строгого режима – до шести месяцев, и в колонии особого режима до одного года, в тюрьмах – на строгий режим. Прекратили свое существование виды взысканий, предусмотренных Положением (1956 г.), также как, водворение в ШИЗО до 20 суток с выводом на работу, и до 15 суток без вывода на работу; водворение в одиночные штрафные камеры до 30 суток; аннулирование ранее начисленных рабочих дней.

Несовершеннолетние осужденные до 18 лет содержались в ИТК общего и строгого режимов для несовершеннолетних.

В отличие от общесоюзного Положения 1958 г. вид режима теперь стал назначаться судом, а не администрацией ИТУ, а изменяться тоже только судом и лишь в случаях, определенных законом.

Были введены установленные образцы одежды осужденных в ИТК, в том числе полосатая для особо опасных рецидивистов. Была введена одежда установленного образца и для лиц, отбывающих наказание в колонии для несовершеннолетних. Вещи осужденных на основании перечня запрещенных к хранению вещей и предметов изымались и сдавались на склад учреждения.

Наказание должно было отбываться, как правило, только в одном месте, а правила прогрессивной системы в их новой редакции не требовали обязательного перевода осужденных в другие ИТУ, для чего в каждой колонии были созданы помещения камерного типа. Было сокращено количество свиданий, передач и посылок, их вес был уменьшен до пяти килограммов. Иными словами, с 1962 г. началось ужесточение порядка исполнения наказания в виде лишения свободы. В то же время были четко определены меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным, и устранены развлекательные излишества.

Принципиально важным нововведением явилось отнесение общеобразовательного и профессионального обучения осужденных, к числу основных средств их исправления и перевоспитания. Обязательное профессионально-техническое обучение осуществлялось создаваемыми в ИТУ профтехучилищами. Признавалась целесообразной организация в каждой ИТК собственного производства. Практически в каждом учреждении создавались общеобразовательные школы, их значение для ИТУ трудно переоценить.

До середины 50-х гг. провести анализ дисциплинарной практики в ИТУ по существу не представлялось возможным, так как учет применяемых мер дисциплинарного воздействия осуществлялся различными службами. В частности,

поощрения учитывались, причем далеко не во всех случаях, в воспитательных аппаратах, а взыскания в службе охраны и надзора. В начале 60-х гг. персональный учет поощрений и взысканий осужденных осуществлялся в отряде, однако данные дисциплинарной практики в целом по ИТУ, а тем более по республике не сообщались. Вследствие чего невозможно было анализировать уровень, структуру и динамику дисциплинарных проступков осужденных, и на этой основе разрабатывать соответствующие мероприятия по укреплению дисциплины в местах лишения свободы.

В научных источниках обращалось внимание на тот факт, что в некоторых колониях воспитательная работа подменяется административными мерами, взыскания стали главным методом воздействия, причем администрация делает ставку на самые строгие меры [37, стр. 43]. В отдельных подразделениях руководители увлекаются водворением осужденных в ШИЗО, считая, что наказание тем эффективнее, чем оно суровее, и забывая об иных формах и методах профилактической работы [33].

Проведенные выборочно исследования в практике применения дисциплинарных мер воздействия в тот период времени помогли вскрыть недостатки в существующей дисциплинарной практике в ИТУ. Количество наложенных взысканий значительно превышало число объявленных осужденным поощрений. Преобладали, главным образом, строгие меры взысканий. Так, например, в 1957 г. из всех объявленных осужденным взысканий водворение в ШИЗО составило 58,2%, а перевод на более строгий режим – 5,9% [32, стр. 167–170].

Для применения поощрений в некоторых случаях не было достаточных оснований. Поощрение выносилось либо только за результаты труда, либо только за дисциплинированность, без комплексного учета этих и других факторов. Довольно часто поощрения объявлялись осужденным, имеющим по 2-3, а иногда и более не снятых, или не погашенных взысканий. Имелись случаи необоснованно частых вынесений взысканий [32, стр. 175].

Нарушения режима, совершаемые осужденными, на практике подразделялись на значительные и малозначительные. В журнале учета нарушений значительные проступки перечислялись по видам (отказ от работы, пьянство, изготовление и хранение холодного оружия, картежные игры, промотание вещей, пронос в жилую зону запрещенных предметов, неповиновения и оскорбления представителей администрации), а характер малозначительных нарушений не раскрывался, и они учитывались под общим названием «прочих» нарушений. Удельный вес значительных проступков в общей структуре нарушений режима, составлял около 50%. Большинство из них приходилось на такие виды нарушений, как отказ от работы (от 26% до 71%), пьянство.

В свое время как очень значимое для всей правоохранительной системы СССР было расценено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 июля 1966 г. «О мерах по усилению борьбы с преступностью».

В числе других задач постановление требовало повысить ответственность руководителей и должностных лиц за борьбу с правонарушениями осужденных и предписывало общественности более активно участвовать в деятельности ИТУ. Особое внимание обращалось на организацию воспитательной работы с лицами, осужденными за хулиганство. Для этого были подготовлены специальные программы.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. был введен административный надзор за лицами, освобожденными из ИТУ, отбывшими меру наказания за особо опасные государственные преступления, особо опасными рецидивистами, а также осужденными за тяжкие преступления, если они являются злостными нарушителями режима, не вставшими на честный трудовой путь. Это положило начало новому направлению противодействия преступности путем установления гласного административного надзора за потенциальными правонарушителями. Из содержания постановления вытекало требование о повышении ответственности должностных лиц ИТУ за более качественный отбор и представление осужденных к условно-досрочному освобождению, равно как и более дифференцированно осуществлять воспитательный процесс с различными категориями осужденных.

В 1965–1967 гг. были приняты новые Положения о наблюдательных комиссиях и комиссиях по делам несовершеннолетних.

В июле 1968 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о

трудовых колониях для несовершеннолетних. Этот документ без существенных изменений и дополнений вошел в проект готовившегося исправительно-трудового законодательства, соответствующая работа была завершена принятием Верховным Советом СССР 11 июля 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и Положения о предварительном заключении под стражу [3; 4].

Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик определили принципы и установили общие положения исполнения и отбывания всех видов наказания, чем подтвердили намерение государства в последующем на базе исправительно-трудового права сформировать уголовно-исполнительное.

В развитие названных Основ в 1970?1971 гг. были приняты исправительно-трудовые кодексы союзных республик. В РСФСР исправительно-трудовой кодекс был принят 18 декабря 1970 г. и введен в действие 1 июня 1971 г. Начался процесс обновления ведомственных актов, а также некоторая перестройка системы исполнения наказания.

Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в мае 1970 г., ориентировало на усиление борьбы с нарушениями режима, повышение эффективности образовательного и профтехнического обучения осужденных, развитие их полезной инициативы. Там же обращалось внимание на улучшение работы с лицами, освобожденными из ИТУ, и указывалось на необходимость привлечения внештатных сотрудников и усиления помощи ИТУ со стороны шефских организаций. В развитие исправительно-трудовой политики был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1970 г. «Об условном осуждении с обязательным привлечением осужденного к труду» [5].

Начавшаяся в семидесятые годы работа по созданию кодифицированных нормативных правовых актов – «Свода Законов Советского государства» – совпала с подготовкой и принятием в 1977 г. новой Конституции СССР.

В ходе работы над Сводом Законов, в частности разделов, содержащих акты, регламентирующие порядок исполнения наказаний, ученые и практики встретились с необходимостью решения ряда проблем. И первое – это уточнение предмета правового регулирования исправительно-трудового права, а также его места в общей системе права. Это было связано и с тем, что на основании Указов Президиума Верховного Совета СССР от 8 и 15 февраля 1977 г. значительно расширился диапазон применения условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденных к труду*. Они регламентировали также исполнение условного осуждения с обязательным привлечением осужденного к труду.

Очень важным нововведением стала организация колоний-поселений для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

В августе 1979 г. была принята очередная партийная директива – постановление ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране общественного порядка и усилении борьбы с правонарушениями». МВД СССР разработало специальный план мероприятий по устранению отмеченных постановлением недостатков. В частности, перед ИТУ были поставлены задачи профилактики правонарушений и повышения эффективности в использовании всех средств исправления и перевоспитания осужденных, укрепления связи с общественностью, повышения ответственности работников органов, исполняющих наказания, укрепления среди них дисциплины и строжайшего соблюдения ими законности.

Период после принятия Конституции СССР 1977 г. был характерен внесением значительных изменений и дополнений в уголовное и исправительно-трудовое законодательство Союза ССР и союзных республик.

Давно уже возникла необходимость в четком правовом регулировании исполнения наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия. Наконец, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. было утверждено Положение о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, которое определило порядок исполнения наказания в виде лишения права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью, исполнения штрафа, общественного порицания, конфискации имущества и лишения воинского или специального звания [7]**.

Еще в 1977 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. [6] раздел II-А, определивший порядок и условия исполнения условного осуждения к лишению

свободы с обязательным привлечением к труду и условного освобождения из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, был внесен в ИТК РСФСР, тем самым был расширен предмет правового регулирования исправительно-трудового права (в соответствии с Законом РФ ст.ст. 24(2), 25, 26, 47(1), 53(2), 187 исключены из УК РСФСР, из ИТК РСФСР исключен раздел II-А [11]).

Учитывая, что все условные наказания исполнялись на основании одних принципов, а предмет исправительно-трудового права продолжал расширяться, встала задача подготовки проекта нового уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик, что, по сути дела, знаменовало новый этап истории советского исправительно-трудового права – его преобразования в уголовно-исполнительное право

В августе 1988 г. была завершена разработка «Доктринальной модели Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик».

16 июля 1990 г. Коллегия МВД СССР одобрила концепцию реформы уголовно-исполнительной системы. Концепция предусматривала разделение учреждений на три типа – открытого, полузакрытого и закрытого режимов содержания.

На основе Доктринальной модели и концепции реформы уголовно-исполнительной системы был разработан проект Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Здесь по-новому решались вопросы регламентации порядка и условий исполнения наказания, режимных требований их дифференциации в зависимости от вида ИТУ, поведения осужденных, их отношения к труду и обучению.

Кроме того, была разработана концепция по перестройке деятельности органов, исполняющих наказания в виде лишения свободы, доцентом А.Г. Перегудовым (Уфимская высшая школа МВД РФ), а также концепции Рязанской высшей школы МВД РФ и Всесоюзного института повышения квалификации руководящих работников ИТУ.

Человек – это высшая ценность, и в условиях государственного принуждения стоит задача закрепления в нормах и институтах форм, средств и методов исполнения уголовного наказания и иных уголовно-правовых мер, которые охраняют интересы общества и отдельной личности, не имея целью причинения физических страданий, или унижения человеческого достоинства осужденных [35, стр. 9].

В 1989 г. в Вене представители государств участников СБСЕ подписали итоговый документ, в котором содержатся обязательства названных государств соблюдать международные стандарты обращения с заключенными [36].

Государства-участники договорились о создании социальных процедур выполнения своих обязательств по гуманитарным вопросам [36, стр. 190-203]. К числу таких процедур относятся три конференции по человеческому измерению СБСЕ: Париж (1989), Копенгаген (1990), Москва (1991). Среди проблем, обсуждающихся на этих совещаниях, отдельно обсуждался вопрос об улучшении обращения с лицами, лишенными свободы в любой форме, а также о соблюдении в отношении этой категории граждан, международно-признанных стандартов. В документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, в частности, отмечалось, что государства будут обращаться гуманно и с уважением достоинства, присущего человеческой личности, со всеми лицами, лишенными свободы, а также будут соблюдать международно-признанные стандарты, существующие в этой области [22, стр. 15].

Положения названных документов ко многому обязывают государства-участников СБСЕ и международных пактов о правах человека, в том числе Россию. 22 ноября 1991 г. была принята Декларация прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, в которой провозглашена преимущественная сила общепризнанных международных норм, относящихся к правам человека перед законами России [9].

Важным этапом на пути приближения к международно-правовым нормам в области прав человека, а также обращения с осужденными явился, принятый в июне 1992 г. Закон Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в исправительно-трудовой кодекс РСФСР, уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [10]. Закон был направлен на повышение эффективности исполнения уголовных наказаний, соблюдение прав человека и приведению законодательства России в соответствие с международными нормами по вопросам содержания осужденных.

Внесенные изменения затрагивают значи-

тельное число статей и потому, можно сказать, выражают генеральное направление реформирование всей системы исполнения наказания. Законодатель еще раз подтвердил устойчивую тенденцию политики государства на переход в исполнение наказаний от жестких карательных мер воздействия на осужденных к широкому стимулированию их правомерного поведения. На это указывают многие статьи Закона, предусматривающие для отбывающих наказание, широкие льготы.

Реформа уголовно-исполнительной системы Российской Федерации во многом нацелена на гуманизацию исполнения наказания и формирование всесторонне развитой личности, исключая кару как средство исправления и перевоспитания; это основывается на том, что криминогенная роль репрессивного воздействия на преступника широко признана, как одна из причин рецидива [18, стр. 46]. Предполагалось коренное изменение исправительно-трудовой политики [41; 42; 43] как составной части уголовной политики в целом [17; 31; 44; 52; 53; 54], корреспондирующей с ее остальными составными частями – уголовно-правовой политикой [30; 46], уголовно-процессуальной политикой [12; 13; 14; 15; 29; 47], оперативно-розыскной политикой [23; 24; 25; 26; 27; 28; 39; 40; 55], уголовно-превентивной политикой [38] и уголовно-организационной политикой [16; 45; 51]

Значительные изменения в деятельность мест лишения свободы внес Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы» от 21 июня 1993 г. [2] В Законе особое место отводится повышению обеспечения прав осужденных, детальной регламентации применения к осужденным физической силы, технический средств, оружия. Закон впервые устанавливает принципы уголовно-исполнительной системы, что является несомненным достижением [50].

Однако с развалом Союза ССР надобность в названных основах отпала, но актуализировалась задача создания уголовно-исполнительного законодательства нового государства – Российской Федерации.

В заключение статьи сделаем некоторые выводы. Государственная политика в области исполнения наказания, в конечном счете, отражает состояние экономики страны и идеологические установки правящих классов, слоев, групп. Поэтому интересен процесс развития уголовно-исполнительной политики на различных этапах эволюции Советского Союза.

ГУЛАГ следует рассматривать как уникальное для истории нашей страны социально-политическое и правовое явление, имеющее чрезвычайно противоречивый характер. В период ГУЛАГа государство максимально использовало дешевый труд заключенных для выполнения экономических задач, зачастую ценой здоровья и жизни многих тысяч осужденных.

Нельзя забывать также о том, что ГУЛАГ – это не только и не столько политическое явление, сколько государственно-необходимое. Не случайно, самую жесткую критику ГУЛАГу дают именно представители интеллигенции, люди с обостренным чувством к унижению человеческого достоинства.

Кроме того, следует отметить, что в период войны издавались акты, которые предусматривали досрочное освобождение заключенных из ИТУ. Так, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» подлежали освобождению заключенные, осужденные по указам ПВС СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений » от 26 июня 1940 г. и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» от 10 августа 1940 г., а также за маловажные бытовые преступления и др. Заметим еще, что это решение не является воссозданием института условно-досрочного освобождения (он будет восстановлен после смерти Сталина). Во исполнение упомянутого Указа было освобождено, как явствует из справки ГУЛАГа, 420 000 заключенных [19].

В период 1941–1945 гг. во многих подразделениях пенитенциарной системы из-за несносных условий проживания и работы смертность была достаточно высока. Так, в 1941 г. в Ураллаге умерло 1510 человек, в Сызранском особлагпункте – 1039 человек. В целом за 1941 г. умерло 100 997 заключенных, в 1942 г. – 248 877, в 1943 г. – 166 967, в 1944 г. – 60 948, в 1945 г. – 43 848 заключенных [20, стр. 23].

Долгие годы советская исправительно-трудовая политика формировалась в атмосфере секретности в кабинетах ЦК КПСС и МВД СССР,

в прямой зависимости от преходящей политической конъюнктуры и усмотрения руководства без учета общественного мнения и международного опыта.

В целом мы можем констатировать, что пенитенциарная система советского государства в последние почти сорок лет существования СССР претерпела серьезные изменения. Прежде всего это касается восстановления законности в деятельности пенитенциарных учреждений. ИТУ стали более открытыми для общества. В дальнейшем, после провозглашения курса на демократические преобразования в 1985 г., пенитенциарная система принципиально изменилась и уже к концу существования СССР (1991 г.) по многим позициям преодолела реликты административно-командной системы. В последующие годы вплоть до настоящего времени в целом в пенитенциарной системе происходят позитивные перемены, хотя ее развитие остается во многом противоречивым. Мы полагаем при этом, что учет исторического опыта развития пенитенциарной системы Российского государства поможет быстрее привести ее в соответствие с современными международными стандартами.

Примечания

* Условное освобождение с привлечением осужденных к труду применялось и раньше, но ограниченно (см.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий народного хозяйства»). Эта форма освобождения получила название «освобождения на химию», поскольку большинство из них были направлены на строительство предприятий химической промышленности. Это же название в народе осталось и до сегодняшнего дня, хотя такой формы освобождения не существует.

** В РСФСР одновременное Положение было утверждено Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1984 г. В Положении воспроизводились и конкретизировались нормы союзного документа, и урегулировалось исполнение ст. 21 УК РСФСР в части увольнения от должности и возложения обязанности загладить причиненный ущерб.

Список литературы

1. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.
2. Закон РФ от 21 июля 1993 г. N 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. № 33. – Ст. 1316.
3. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1965. – № 40. – Ст.890.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1967 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1967. – № 23 – Ст.535.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1970 г. «Об условном осуждении с обязательным привлечением осужденного к труду» // Ведомости Верховного Совета СССР. – № 24. – Ст. 204.
6. Указ Президиума ВС РСФСР от 11 марта 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1977. – № 12. – Ст. 258.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 года «Об утверждении Положения о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1983. – № 12. – Ст. 175.
8. Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах министерства внутренних дел РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1961. – № 37. – Ст. 556.
9. Декларация прав и свобод человека и гражданина // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 52. – Ст. 1865.
10. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 29. – Ст. 1687.
11. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.

– 1993. – Ст. 360, 361.
12. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России (теоретический и историко-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
13. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
14. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.
15. Александров А.И. Участие граждан в производстве по уголовным делам в свете демократизации современной уголовно-процессуальной политики России // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 14-18.
16. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
17. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
18. Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных. – Домодедово, 1994.
19. ГАРФ. Ф. 9414. – Оп. 1. – Д. 143. – Л. 8.
20. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 1.
21. Детков М.Г. Содержание карательной политики советского государства в виде лишения свободы в 30-50 гг. – Домодедово, 1992.
22. Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Культурная инициатива. – М., 1991.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
27. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
28. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
29. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
30. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
31. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
32. Ляпунов Ю.И., Рогулин Г.И. Дисциплинарная практика в исправительно-трудовых учреждениях // Труды Высшей школы МВД СССР. Выпуск 4. – М., 1959.
33. Макаров Е.Л. Дисциплинарная ответственность осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы исправительно-трудовой науки и практики в свете решений XXIV съезда КПСС. – Алма-Ата, 1972. – С. 289–294.
34. Маковик Р.С. О правовом положении граждан, подвергнутых лишению свободы в исправительно-трудовых колониях // Актуальные проблемы исправительно-трудового права (Теория и практика). – Рязань, 1989.
35. Маслихин А.В. Понятие принципа гуманизма советского исправительно-трудового права // Проблема гуманизации исполнения уголовных наказаний. – Рязань, 1990.
36. Права человека. Сборник универсальных и региональных международных документов / Сост.Л.Н. Шестаков. – М., 1990.
37. Рыбин С. Против извращений в дисциплинарной практике // К новой жизни. – 1960. – № 9.
38. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
39. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
40. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной

политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
41. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
42. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
43. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
44. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
45. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
46. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
47. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
48. Сборник нормативных актов, регламентирующих работу ИТУ. – М., 1964.
49. Стручков Н.А. Нужна новая концепция исполнения наказания // Правовое и организационные основы исполнения уголовных наказаний. – М., 1991.
50. Ткачевский Ю.М. Новое в уголовно-исправительном праве / Закон «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы от 21 июля 1993 г.». // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 1995. – № 1. – С. 19-21.
51. Третьяков И.Л. Нормативно-правовые и организационно-административные интегранты уголовной политики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 169-178.
52. Третьяков И.Л. Уголовная политика и ее политико-правовая сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 198-205.
53. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
54. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
55. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

ШАФИРОВ Владимир Моисеевич,
главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: ashafirov@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА

Аннотация. *Материал подается с позиций конституционного правопонимания. По мнению автора, обеспечение права есть многоаспектная проблема. Она не ограничена рамками государственно-принудительного воздействия, не должна отождествляться с ним. Эффективное действие права гарантируется как с помощью положительных, так и негативных обеспечительных средств.*

Ключевые слова: *право; конституционное правопонимание; права, свободы и обязанности; обеспечение права.*

SHAFIROV V.M.

THE PROBLEM OF ENSURING LAW AND CONSTITUTIONAL UNDERSTANDING OF LAW

The summary. *The material is submitted from the standpoint of constitutional legal understanding. According to the author, ensuring the right is a multifaceted problem. It is not limited to the framework of state-compulsory influence, it should not be identified with it. Effective action of law is guaranteed both with the help of positive and negative security funds.*

Key words: *law; constitutional legal understanding; rights, freedoms and duties; security of law.*

Вопрос об обеспечении права – один из ключевых в правоведении. Динамическое состояние права проявляется в его действии, осуществлении. Но осуществление права происходит не только благодаря усилиям самих обладателей прав, свобод и обязанностей, но и при основательной поддержке их правомерного поведения со стороны государства, общества. Более того,

обеспечение эффективного действия – отличительная черта, особое преимущество именно права. Все иные социальные регуляторы не имеют в своём арсенале столь мощной, разнообразной, институционально оформленной системы средств, претворения своих правил поведения. Не случайно, обеспеченность традиционно выделяется большинством учёных в качестве одного из основных признаков права (независимо от принадлежности к школе правопонимания). В этом своём качестве обеспечение есть своеобразный «камертон», зная суть и значение которого можно выяснить место и роль всех иных понятий, раскрывающих систему условий, средств, благоприятствующих реализации права. Вопрос только в том, что вкладывается в понимание обеспечения права, с какими средствами оно связывается. От ответа на данный вопрос в решающей степени зависит эффективность действия самого права, реальность ожиданий, в первую очередь, граждан, отдавших предпочтение правомерному поведению.

Исторически сложилось так, что в теории на и практике широко распространено суждение об обеспеченности права, прежде всего, государственным принуждением. Этому есть и философское обоснование. С точки зрения И. Канта, по сравнению с этическим законодательством юридическое законодательство допускает и иной мотив, а не саму идею долга. Таким подходящим мотивом юридического законодательства является внешнее принуждение. Юридическое законодательство (строгое право) «…должно принуждать, а не быть привлекательной приманкой» [18, стр. 126]. Поэтому право и правомочие принуждать одно и то же. В соответствии с взглядами И.Канта философом В.С. Соловьевым выделена такая черта права как «принудительное требование реализации определённого минимального добра» [25, стр. 40].

Поэтому принудительность относится к важнейшим признакам права, без которого невозможно его существование и функционирование в государственно-организованном обществе. Так, крупнейший немецкий юрист XIX в. Р. Иеринг писал, что «ходячее определение права гласит: право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм (государство есть единственный источник права). И это определение, по моему мнению, вполне правильно» [17, стр. 238].

Взгляд на право, как на силу, навязывающую обществу совокупность исходящих от государства велений, приказов к должному поведению, был положен в основу правопонимания советской общетеоретической и отраслевой науки. Принудительности в правовом регулировании придавалось универсальное, всеобщее значение. Властное, административно-командное воздействие права имеет место во всех случаях, в отношении всех субъектов, включая и добровольно осуществляющих закон.

Представленная точка зрения на соотношение права и принудительности вполне логична для концепции юридического позитивизма. Именно данная теория сформировала образ строго, чисто внешнего, формального, ограничивающего свободу, обязательно-принудительного права. И это не удивительно. Ведь центральным понятием в юридическом позитивизме является понятие «должное». «Право в так называемом объективном смысле всегда выступает в качестве масштаба, известного шаблона, служащего внешним основанием для оценки поступков людей, средством для регулирования их поведения.

Здесь право, любая норма проявляет себя как должное, подкрепляемое государственным принуждением, обязательное поведение» [3, стр. 16].

А.Ф. Черданцев подводит под это историческое обоснование: «Если бросить взгляд на историю возникновения нормативных систем, в т.ч. и права, то увидим, что первые нормы – это запреты (табу). В праве только что возникшем из обычаев основную долю составляют нормы-запреты, нормы-обязанности, ограничивающие свободу. В любой и современной правовой системе эти нормы представлены в большинстве. В системе права есть специальные отрасли, основной задачей которых является ограничение свободы в интересах свободы других лиц (уголовное право, например). Даже в современном гражданском праве обязывающие и запрещающие нормы превалируют над управомочивающими и диспозитивными. Каждые запрет и обязанность – это формы несвободы» [26, стр. 33].

Такая позиция вряд ли конструктивна. В большинстве они могут быть лишь в тоталитарном, полицейском государстве. В правовом государстве должен быть притягательный для граждан

образ права. В нем действует правило: «Можно делать все, что правом не запрещено». В системе права преобладают отрасли, регулирующие позитивные отношения. Наличие норм уголовного права (за исключением ошибочных) одобряется большинством населения, ведь многие из них основываются на библейских заповедях, охраняют нравственность, безопасность личности, общества и государства. Ограничение свободы уголовным кодексом касается правонарушителей.

Представление о праве как должном, ограничивающем свободу принудительном явлении не вписывается в современную конституционную модель правопонимания. Конституция России закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 18) [1]; «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный естественно-позитивный характер.

В Конституции РФ также установлено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст.2); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» (ст.18).

Признание высшей ценности человека и его прав и свобод не означает умаление других ценностей. С.И. Захарцев и В.П.Сальников, внесшие существенный вклад в теорию современного правопонимания, выразили озабоченность, не принижаются ли тем самым другие ценности: «…Родина, государство, вера, наконец, жизнь и здоровье своих соотечественников»? [16, стр. 83-84]. Данная озабоченность справедлива. Названные авторами ценности не менее значимы. Поэтому в Конституции РФ установлено: «Осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3, ст. 17); «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом… в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч.3., ст. 55).

Проблемы конституционного ограничения прав и свобод граждан находят свою научную разработку в отечественной литературе [11; 13; 15; 19; 20; 21; 23; 24]. В то же время, права и свободы являются наиболее адекватным и полным юридическим выражением свободы человека. Свободное состояние личности, есть правовое состояние. Оно носит реальный, а не формальный характер. Свободная человеческая личность также невозможна без прав и свобод, как без сердца, нервной системы, легких и т.п. Поэтому «не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46-54 Конституции Российской Федерации (ч.3, ст. 56)». Лишение этих прав ведет к полной утрате человеком своей личности, своего достоинства, свободы. Идеалом здесь служит положение: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

В связи с этим возникает вопрос: «А можно ли посредством принуждения обязать использовать права»? Ответ очевидный – нельзя. Права и свободы связаны с возможным, а не должным поведением. Предписаниями (а значит потенциально и принудительными правилами) могут быть лишь юридические нормы, закрепляющие обязанности. Только предписаниям свойственны признаки: государственно-властное веление, общеобязательность, принудительность исполнения. Права и свободы закрепляются в управомочивающих нормах. Признаки управомочивающей нормы таковы:

- правило предложение. Оно не предписывает, каких либо действий (бездействий), а содержит ориентиры желательного, выгодного для субъекта поведения;
- наделяет субъектов, посредством формулировок « вправе», «может» свободой распоряжаться своими правами;
- реализация правила предложения непосредственно зависит от признания и принятия её субъектом;
- обеспечивается обществом государством с помощью позитивных средств воздействия.

Другими словами, санкция управомочивающей нормы может устанавливать только позитивные обеспечительные средства, наступающие за добросовестное и активное использование

прав и свобод.

Итак, при дозволительном правовом регулировании, внешнее воздействие, основанное на властной принуждающей силе, не просто не работает, оно недопустимо. Отличительная особенность такого воздействия в том, что оно является не принуждающим, а позитивно побуждающим, что и склоняет индивида принять осознанное, добровольное и выгодное решение. Поэтому важно конструировать содержание нормативных регулятивных средств, так чтобы человек, которому адресованы права и свободы, обратил на них внимание, осмыслил их, увидел в них именно то самое, недостающее, открывающее и гарантирующее путь к желанной цели, проявил готовность воспользоваться ими. Одно внешнее, формальное осуществление прав и свобод без развитого правового внутреннего настроя не даст необходимого результата ни личности, ни обществу. Без этого невозможно ускоренное качественное решение проблем в сфере малого и среднего бизнеса, повышения производительности труда, конкурентоспособности отечественного производства, материнства, семьи, демографии и т.д., т.е. везде, где не обойтись без социально-правовой активности граждан. Учёт внутренней стороны правомерного поведения важен на всех стадиях работы механизма правового регулирования.

Таким образом, для конституционного (естественно-позитивного) правопонимания – обеспечение права есть многоаспектная проблема. Она не ограничена рамками государственно-принудительного воздействия, не должна отождествляться с ним. Действительная социальная ценность права заключается не в подчинении, устрашении человека, подавлении его активности, а в том, что оно выступает как целый комплекс юридически гарантированных возможностей свободного выбора личностью позитивных решений и действий при реализации прав и свобод, и благоприятных условий при соблюдении и исполнении обязанностей.

В правовом государстве человек в полной мере обретает свободу, проявляет свою индивидуальность, получает простор для собственного активного поведения. А раз это так, то совершенно противоестественно принуждать гражданина жить по праву (и тем более к использованию своих прав и свобод), т.е. к тому, что соответствует его природе, свободной воле и интересам. Другое дело сформировать, поддержать, развить на основе согласия, равновесия социально-правовую активность личности. Это настоятельная и острая необходимость. Но здесь в первую очередь нужны позитивные средства обеспечения права. Сводя же обеспечение права к принуждению, мы тем самым молчаливо признаем их второстепенность, считая главными в работе юридического механизма те элементы, которые пускаются в ход для борьбы с отклоняющимся от принципов и норм поведением. На самом деле все должно быть наоборот. Вся созидательная энергия, сила правовой власти должна быть направлена, в большей степени на укрепление и развитие позиций личности, ведущей себя правомерно и правоактивно.

В составе юридического механизма обеспечения права следует выделить, несколько блоков позитивных средств: «блок содействия правомерной деятельности», «блок охраны, защиты прав и свобод», «блок правового стимулирования», «процедурно (процессуальный) блок», «блок правового образования», «блок самообеспечения личностью своих прав».

Блок «содействие правомерному поведению» – это создание благоприятных условий при правомерном осуществлении гражданами социально-правовых ролей (собственника, предпринимателя, избирателя и т.д.). Субъекты содействия гражданам в осуществлении их прав различны. Прежде всего – это органы власти, должностные лица, специалисты этих органов. Оказывать содействие – их прямая обязанность. Задача публичных органов не принудить к выбору правового варианта поведения, не навязать свои «услуги», а создать такие комфортные условия, которые со всей очевидностью демонстрируют преимущество юридических процедур, инструментов в приобретении необходимых благ. Субъектами содействия могут быть различные организации, физические лица. Формы содействия: правовое информирование, толкование (официальное и неофициальное), юридическое консультирование, медиация, проведение юридически значимых мероприятий и т. д. Содействие осуществлению прав, свобод и обязанностей граждан, как способ их обеспечения пока еще не занял подобающего ему места, но за ним большое будущее. В процессе его развития появляются новые формы, например, инвестирование судебных затрат гражданина (истца, ответчика и

т.д.). В наше время у самых обычных граждан, подчас нет ни финансовых средств, ни уверенности в собственных силах на то, чтобы отстоять свои права. С инициативой стать инвесторами выступили квалифицированные юристы, которые готовы взяться за дело (после ознакомления с ним), имеющее перспективы. В Интернете уже создан специальный ресурс – PLATFORMA, где любой гражданин сможет оставить заявку, чтобы найти юриста инвестора или адвоката, согласного работать в счет будущей победы. Граждане не несут никаких финансовых рисков. Средства предоставляются на безвозвратной основе. Если процесс проигран, человек никому ничего не должен. Просто расчет инвестора не оправдался. В случае победы все расходы возмещает проигравшая сторона, кроме того, юрист-инвестор получает процент от взысканной компенсации. Инвестором может выступить любое лицо, заключив договор с юристом или адвокатом.

Блок «охраны, защиты прав и свобод». Каждый компонент данного блока имеет самостоятельное значение. Правоохрана эффективна, если она проводится систематически, без вмешательства в ход реализации индивидами своих прав, а лишь извне ограждает от отрицательного воздействия негативных факторов социальной среды, эксцессов отдельных лиц, групп, выражает готовность оперативно реагировать на любое потенциально возможное нарушение. Охрана проводиться в формах: надзора и контроля за соблюдением прав и свобод, проведения непосредственных юридически значимых действий по охране прав, осуществления охранных мероприятий с использованием специальных технических средств и т.д. К сожалению, в теории и практике роль охраны в механизме обеспечения прав и свобод недооценивается. В количественном отношении преобладают нормативно-правовые акты о защите прав.

Защита прав нужна тогда, когда посредством охранных мероприятий обеспечить права и свободы затруднительно или невозможно. Основания защиты прав и свобод: правонарушение, объективно-противоправное деяние, спор о праве, событие, повлекшее негативные последствия (страховой случай). К способам защиты прав и свобод относятся: признание прав и свобод, восстановление прав и свобод, компенсация вреда управомоченному, возмездие за нарушение прав и свобод.

Блок «правового стимулирования». Правовое стимулирование обращено к внутренней стороне правомерного поведения. Существует мнение, что государство безучастно к ситуациям правомерного использования или неиспользования прав, свобод. Это ошибочное мнение. Да, принудить человека вести себя сознательно, добросовестно и разумно нельзя, а вот побудить к этому просто необходимо. Поэтому законодатель, желая особо выделить устойчивое, полезное поведение субъектов, использует прилагательное добросовестный: добросовестный приобретатель, добросовестный покупатель, добросовестный налогоплательщик, добросовестный супруг и т.д. В правовом стимулировании нуждаются как управомоченные, так и обязанные субъекты. Средствами стимулирования являются правовые льготы и правовое поощрение. Другое дело, что чёткой законодательной концепции решения проблемы, например, правового поощрения сегодня нет. Так, в гражданском законодательстве лишь только защита гражданских прав ставится в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно. При этом разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений только предполагаются (п. 3 ст. 10). Представляется, оправдано было бы установить, что добросовестность и разумность не только – предполагаются, но и при осуществлении прав – поощряются во всех случаях, во всех отраслях права. Назрела потребность разработки межотраслевого кодекса о поощрении.

Блок «процедурно (процессуальный)». Процессуальная форма подкрепляет, усиливает функционирование всех других средств обеспечения права, а, в конечном счёте, значительно повышает эффективность работы всего правообеспечительного механизма. Правовые процедуры, чтобы гарантировать эффективное осуществление прав, свобод и обязанностей должны соответствовать требованиям простоты (доступности), экономичности, оперативности, надежности, безопасности. Например, при грамотной, хорошо продуманной, спланированной работе все вопросы, связанные с судебным разбирательством гражданские дела вполне под силу решать оперативно и качественно, а, значит, в отведенный законом срок (два месяца). К сожалению, пользуясь правом сводного выбора, недобросовестные судьи могут на основании ст. 169 ГПК РФ (отложение разбирательства дела)

неоднократно переносить рассмотрение дела по существу в другое судебное заседание, а в соответствии со ст. 216 ГПК РФ, приостановить производство по делу. Даже несложные дела могут затягиваться не на один год. Оснований для этого находиться предостаточно: постоянное истребование дополнительных доказательств, приглашение новых специалистов, назначение многочисленных, дублирующих друг друга экспертиз и т.д. Обнадеживает то, что граждане начали активнее пользоваться своим правом на получение денежной компенсации за затягивание рассмотрения дела, установленное Федеральным законом РФ от 4 мая 2010 года «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» [2].

Блок «правового образования». Правовой закон способен успешно функционировать только тогда, когда закреплённые в нём принципы, нормы права осознаны и усвоены личностью, направляют её поведение изнутри. Если интериоризация правового закона отсутствует или является недостаточной, то неосознанное следование ему, не позволяет воспользоваться широкими и многообразными правовыми возможностями, а также добросовестно исполнять и соблюдать обязанности. Профессиональное юридическое образование требует качественного обновления. Во главу угла его должен быть поставлен человек его права, свободы и обязанности. Оно должно стать, прежде всего, содержательным, а формальная его составляющая должна уйти на второй план. Правовое образование (непрофессиональное) необходимо как взрослым, так и детям. Гражданское правовое образование важно начинать с детства и проводить всю жизнь. Уже давно ставиться вопрос о введении в школах полноценного преподавания права. Это позволит молодым гражданам страны успешно социализироваться, активно осуществлять свои правовые роли избирателя, налогоплательщика, потребителя и.д.

Блок «самообеспечения личностью своих прав». Прежде говорилось об идущей извне правообеспечительной деятельности. В той или иной жизненной ситуации бывает важно, чтобы человек был способен самостоятельно обеспечить свои права и свободы. Эта важная форма проявления правовой активности граждан. Право на самозащиту закреплено в Конституции РФ. «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45). Случаи организации самозащиты установлены отраслевым законодательством (причинение вреда в состоянии необходимой обороны – ст. 1066 ГК РФ, обоснованного риска – ст. 41 УК РФ и др.).

Изложенное не означает, что принуждение не входит в содержание признака обеспеченность права. Юридическое принуждение должно иметь место лишь тогда, когда не соблюдаются, не исполняются обязанности. Оно должно проводиться посредством положительных юридических процедур и состоять в профессионально отлаженном применении мер правового принуждения. Такие меры должны дополняться позитивными специально-юридическими средствами (гарантиями). Сочетание мер правового принуждения и позитивных обеспечительных средств, способно создать надежный заслон правонарушениям, поднять престиж права, закона, ослабить пока еще сильные позиции правового нигилизма [10; 12; 14; 22].

Значимым фактором здесь выступает и синкретизм современной правовой культуры [4; 5; 6; 7; 8; 9], но это уже самостоятельное направление изучения проблемы обеспечения права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2017
2. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.
3. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан: Учебное пособие. – М.: МГУ; ИНФРА-М – НОРМА, 1997.
4. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.

5. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
6. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
7. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
8. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
9. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
10. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
16. Захарцев С.И.., Сальников В.П.. Философия. Философия права. Юридическая наука: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
17. Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. – СПб., 1881.
18. Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч.2. – М.: Мысль, 1965.
19. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
20. Кондрат И.Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139-152.
21. Кондрат И.Н. Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58-70.
22. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
23. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Свобода личности и чрезвычайное законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 464 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
24. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
25. Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск, 2001.
26. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 30-38.

ГЛУЩЕНКО Петр Петрович,
заместитель декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения по научной работе, руководитель магистерской программы «Правозащитная деятельность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: ppg.polundra@yandex.ru

ГАЦАЛОВ Руслан Рамазанович,
руководитель Аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Северная Осетия – Алания, магистрант юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ И ЗАЩИТЫ

Аннотация. *Представлена классификация политических прав и свобод российских граждан, раскрыто их содержание и механизм обеспечения реализации и защиты.*

Ключевые слова: *Конституция России; Российская Федерация; классификация политических прав и свобод; правозащитное законодательство; механизм правозащитной деятельности; правовые методы; средства и способы защиты политических прав и свобод граждан.*

GLUSHCHENKO P.P.
GATSALOV R.R.

POLITICAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION: A MECHANISM FOR ENSURING THEIR IMPLEMENTATION AND PROTECTION

The summary. *Classification of political rights and freedoms of Russian citizens is presented, their content and mechanism for ensuring implementation and protection are disclosed.*

Key words: *Constitution of Russia; Russian Federation; classification of political rights and freedoms; human rights legislation; mechanism of human rights activities; legal methods; means and ways of protecting political rights and freedoms of citizens.*

В правовом, демократическом государстве, признающим политическое многообразие, многопартийность особое место отводится политическим правам и свободам. Классификация и особенно содержание политических прав и свобод граждан Российской Федерации имеют значительный разброс во мнениях, убеждениях, предпочтениях. Н.Г. Шурухнов, В.В. Мечиков, в учебном пособии к политическим правам и свободам граждан Российской Федерации как составной части их конституционно-правового статуса [37] относят право на объединения, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (ч.1 ст. 20 Конституции РФ). Авторы предлагаемой статьи, соглашаясь полностью в том, что данное право имеет политическое звучание, тем не менее убеждены в необходимости отнесения его одновременно к личным правам и свободам граждан, ибо они самостоятельно решают нужны ли им какие-либо союзы, объединения или нет. Указанные выше ученые к политическим правам и свободам также относят:

- право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетировать (ст. 31 Конституции РФ);
- право участвовать в управлении делами государства (ч.1 ст. 32 Конституции РФ);
- право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвовать в референдуме (ч.2 ст. 32 Конституции РФ);
- право обращаться лично, направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ);
- право участвовать в отправлении правосудия (ч.5 ст. 32 Конституции РФ).

М.В.Баглай в учебнике к политическим правам и свободам также относит право на свободу печати и информации [1]. Авторский коллектив под ответственным редактированием А.Н. Кокотова и М.И.Кукушкина к политическим правам и свободам, на наш взгляд, обоснованно относят:

а) право нормотворческой инициативы;
б) право на местное самоуправление;
в) право на свободу мысли, слова;
г) право на свободу массовой информации;
д) право на защиту Отечества [15, стр. 146].

Сравнительно-правовой анализ содержания правовых и литературных источников, имеющих выход на классификацию политических прав и свобод, позволил убедиться в том к политическим правам и свободам граждан Российской Федерации – составной части их конституционно-правового статуса вправе отнести:

а) право на непосредственное выражение власти народа, посредством участия в референдумах (ч.3 ст. 3 Конституции РФ);

- право на сохранение гражданства и запрет его изменения (ч.3 ст. 6 Конституции РФ);
- право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (ст. 30 Конституции РФ);
- право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31 Конституции РФ);
- право на местное самоуправление (ст. 12 Конституции РФ);
- право на свободу политического многообразия, многопартийности (ч.3 ст. 13 Конституции РФ);
- право на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч.1 ст. 32 Конституции РФ);
- право избрать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч.2 ст. 32 Конституции РФ);
- право на равный доступ к государственной службе (ч.4 ст. 32 Конституции РФ);
- право участвовать в отправлении правосудия (ч.5 ст. 32 Конституции РФ);
- право обращаться лично, коллективно в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституция РФ);
- право на получение достоверной информации об окружающей среде (ст. 42 Конституции РФ);
- право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч.3 ст. 46 Конституции РФ);
- право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе и бесплатно (ст. 48 Конституции РФ);
- право на защиту отечества (ч.1 ст. 59

Конституции РФ);
- право на защиту и покровительство Российской Федерации за ее пределами (ч.2 ст. 61 Конституции РФ);
- право иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) (ч.1 ст. 62 Конституции РФ);
- право законодательной инициативы граждан (отсутствует).

Далее всесторонне исследуем содержание указанных выше политических прав и свобод, порядок и особенности их реализации и защиты, проблемы, этому препятствующие, пути, направления повышения эффективности правозащитной деятельности [2; 3; 5; 7; 27] в процессе реализации и особенно защиты представленной классификации политических прав и свобод граждан Российской Федерации. Авторы исследования убеждены в том, что первостепенное значение в числе политических прав граждан, в том числе российских следует отдавать *праву граждан на непосредственное заявление, выражение власти через референдум и свободные выборы,* закрепленные ч.3 ст. 3 Конституции РФ. Правда сразу следует оговориться в части касающейся референдумов и , не только потому, что после принятия Федерального конституционного закона о Референдуме ни один из них еще не был проведен. Причины в механизме его запуска. Обращение к референдуму фактически возложено только при условии согласия на него Президента России и Единой России, ведь его нельзя использовать за год до выборов и один год после выборов, а затем после утверждения главой государства. Касательно свободных выборов, вызывает недоразумение по поводу того, что не имеет никакого значения количество участвующих в выборах, за исключением выборов Президента, а ведь ч.1 ст. 3 Конституции гласит: «1. Носителем суверенитета и **единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ**». Отказ от права граждан голосовать против всех, тоже показатель «свободных выборов».

К результатам свободных выборов необходимо отнести подбор и расстановку избирательных комиссий, досрочное голосование, открепительные талоны, возможности наблюдателей за ходом подсчетов голосов и многое другое, требующее действий, а не заявлений о важности свободных выборов и участии граждан в референдумах.

Важным политическим правом мы считаем право на незыблемость, сохранение гражданства и запрет его изменения как это закреплено ч.3 ст. 6 Конституции РФ, гласящей, что «3. **Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его**». История свидетельствует о том, что ранее данный «институт» исправно срабатывал, в том числе не без помощи «зарубежных друзей» наносят существенный политический ущерб государству. Правда, одновременно следует сказать и о том, что «поведение» отдельных так называемых реформаторов, жаждущих переустройство, но в их пользу не мало, однако с ними нужно работать, а не «предоставлять» возможность путем лишения гражданства пускаться во все тяжкие против государства, народа.

Право на объединение, включая право создания профессиональных союзов для защиты своих интересов, закрепленное ст. 30 Конституции РФ, имеет особое значение политического характера, ибо гражданин сам решает самостоятельно либо совместно следует ему решать многие вопросы и проблемы. Кстати данное право, одно из тех которое провозглашено Всеобщей декларацией прав человека, Международными пактами о гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах, закреплено Декларацией прав и свобод человека и гражданина 22 ноября 1991 г., Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенцией СНГ о правах и основных свободах 1995 г. Следует отдать должное Международной организации труда, которая в Декларации о целях и задачах Международной организации труда от 10 мая 1944 г. и Декларацией об основополагающих принципах и правах в сфере труда от 19 июня 1998 г. к числу основополагающих прав человека относят а) свободу объединений и действенное признание права на ведение коллективных переговоров [28, стр. 18-29]. К сожалению, но приходится констатировать, что профсоюзы в Российской Федерации утратили функции, которые исполняли в прошлом государстве. В настоящее время они раздроблены и не способны как прежде быть адвокатами, судьями, прокурорами – настоящими защитниками трудящихся, а не работников [13, стр. 54-162; 33, стр. 434-383; 33, стр. 449-483]. Одновременно важно подметить, что созданное объединение

народного фронта (ОНФ) не без участия, стремления Президента Российской Федерации, имеющее право отношения к политическим правам и свободам играет значительную, позитивную роль в обеспечении реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц [14, стр. 38].

Ст. 31 Конституция РФ закреплено весьма знаменательное политическое *право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование*. Его реализация и защита осуществляются не без проблем, нарушений, которые нередко специально провоцируют спецорганы, уполномоченные обеспечивать порядок на использование своих сил, спецсредств, затем тиражируемых в искаженном виде за рубежом. Другое дело, что представители таких органов обязаны быть подготовлены так, чтобы не давать поводов, принимая дозволенные меры заранее, в целях локализации отдельных эксцессов. Некоторые решения относительно запрета пикетирования конечно вызывают сомнения и вопросы, ибо нужно защищать права и законные интересы тех, чьи права нарушены, а ответа от должностных лиц не получить иным образом, кроме пикетирования.

Согласно ст. 12 Конституции РФ «В Российской Федерации признается и *гарантируется местное самоуправление… в пределах своих полномочий самостоятельно*». Из этого следует, что каждому гражданину – субъекту муниципальных правоотношений предоставлено право на участие в местном самоуправлении. Более того, согласно ч.2 ст. 3 Конституции РФ «2. **Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления**» [6; 10; 17; 18; 21; 22].

Важным *политическим правом, политической свободой* граждан Российской Федерации автор считает закрепленное ч.3 ст. 13 Конституции РФ *политическое многообразие, многопартийность*. В силу того, что в самом названии права содержится ответ на то, что политическое многообразие, политический плюрализм, многопартийность, провозглашенные правовым, демократическим государством ко многому обязывают все органы государственной и местной власти, все взрослое население, ибо от провозглашения до реального срабатывания данного права еще далеко. Подтверждением тому реальность, отношение к существующим, действующим партиям и зарегистрированным министерством юстиции России, однако мало чего делающих, способных делать для пользы народа – избирателя, государства в целом.

Особое место в ряду политических прав и свобод реально занимают:

а) *право на участие в управлении делами государства* как непосредственно, так и через своих представителей (ч.1 ст. 32 Конституции РФ);

б) *право избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч.2 ст. 32 Конституции РФ);*

в) *право на равный доступ к государственной службе (ч.4 ст. 32 Конституции РФ) и право участвовать в отправлении правосудия (ч.5 ст. 32 Конституции РФ).*

Представленные политические права и свободы, закрепленные ст. 32 Конституции Российской Федерации фактически вправе признать политическим ядром, фундаментом политической жизни государства, общества, каждого здравомыслящего человека жаждущего процветания государству. Уверен, что абсолютное большинство граждан разделяет ответ Президента Российской Федерации В.В. Путина одному из журналистов на форуме региональных СМИ 7 апреля 2011 г. о том, что он видит **Россию самостоятельной, мощной, эффективной, современной, устремленной в будущее страной, в которой жить приятно и престижно** [14, стр. 2].

Однако хотеть, желать и добиться желаемого не одно и тоже. Проблемы имеют место в реализации абсолютно всех перечисленных политических прав в ст. 32 Конституции РФ. Гражданин Российской Федерации получивший высшее образование бакалавра не только не имеет равного доступа к государственной службе, но даже на любую должность не допускается. Вряд ли представитель любой политической партии, кроме Единой России способен на равных соревноваться при поступлении на государственную службу, в процессе избрания в Парламент, на иные важные должности как-то: Уполномоченные по правам человека, председатели избирательных комиссий, судьи конституционного, Верховного судов, губернаторы и

иные высокопоставленные должности. При таком подходе, появление Российской Федерации, как ее определил выше Президент России ждать придется очень долго.

Особенно не терпимым считаем фактически отмену содержания ч.3 ст. 32 Конституции РФ, в которой черным по белому записано, что «3. **Не имеют право избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда**», ст. 5 Федерального закона № 51- ФЗ от 18 мая 2005 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. ФЗ № 106-ФЗ, 107-ФЗ, № 128-ФЗ, № 274-ФЗ 2006 и № 64-ФЗ от 26 апреля 2007 г.) [19, стр. 34-45].

В силу особой значимости данного «законотворчества», которое запрещено ст. 135 Конституции Российской Федерации гласящей, что «**1. Положения глав 1,2 и 9 Конституции Российской Федерации не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием**», приводим содержание ст. 5 указанного выше ФЗ № 51-ФЗ в полном объеме без купюр.

Глава 1. Общие положения.

4. Не имеет права избирать и быть избранным, участвовать в осуществлении других избирательных действий гражданин Российской Федерации, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда.

41. Не имеет права быть избранным депутатом Государственной Думы гражданин Российской Федерации, имеющий гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства.

42. Не имеет права быть избранным депутатом Государственной Думы гражданин Российской Федерации:

1) осужденный к лишению свободы за совершение тяжкого и (или) особо тяжкого преступления и имеющий на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанное преступление;

2) осужденный за совершение преступления экстремистской направленности, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации, и имеющий на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанное преступление;

3) подвергнутый административному наказанию за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, если голосование на выборах депутатов Государственной Думы состоится до окончании срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию;

4) в отношении которого вступившим в силу решением суда установлен факт нарушения ограничений, предусмотренных пунктом 1 статьи 56 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», либо совершения действий, предусмотренных подпунктом «ж» пункта 7 и подпунктом «ж» пункта 8 статьи 7б Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», если указанные нарушения либо действия совершены в период, не превышающий четырех лет до дня голосования.

5. Гражданин Российской Федерации, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда о лишении его права занимать государственные должности и течение определенного срока, не может быть зарегистрирован в качестве кандидата на выборах депутатов Государственной Думы, если голосование на выборах состоится до истечения установленного судом срока.

Вызывает недоумение неоднократное обращение в различные органы, в том числе и в Конституционный суд Российской Федерации с обоснованием рассмотреть предложение об избрании в качестве присяжных заседателей студентов старших курсов «3-го и старше) юридических факультетов, зарекомендовавших себя подготовленными и ответственными, главное, знающими законодательство гораздо в большей степени те, кто не является юристом. Гораздо больше было бы пользы для граждан, имиджа судов, а студенты могли бы составить запасной, будущий список лиц, на должности в судах. К праву отправления правосудия также относятся общественные защитники и обвинители допускаемые в уголовный процесс. Президент Российской Федерации предлагает

возможности института присяжных заседателей значительно повысить и обязательно использовать его в процессе рассмотрения дел в отношении женщин, пенсионеров и иных лиц. Несмотря на то, что автор противник нынешнего порядка подбора присяжных заседателей, считает, что наличие 12 мнений значимей одного или даже трех судей. В тоже время мы убеждены в том, что после избрания присяжных заседателей необходимо обучать уголовному праву и уголовно-процессуальному праву.

Особую роль в жизни граждан обязано сыграть *право на обращения лично, коллективно в органы государственной власти и местного самоуправления,* закрепленное ст. 37 Конституции Российской Федерации и подкрепленное Федеральными законами: «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» и «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в которых четко, конкретно представлены порядок и правила использования указанного выше конституционного права. Практика свидетельствует о том, что данный правовой метод защиты прав, свобод и законных интересов используется гражданами более чем в 90 из 100 случаев восстановления конституционных прав и свобод.

В условиях проблем, существующих в окружающей среде, состоянии экологии, должное место уже занимает и будет занимать *право граждан на получение достоверной информации*, закрепленное ст. 42 Конституции РФ [11; 20; 29; 30]. Гражданам нередко приходится обращаться за получением достоверной информации об окружающей среде, экологической обстановке в государственные и частные инстанции, нередко в прокуратуры, занимающиеся расследованием преступлений и правонарушений экологического характера.

В современных условиях межгосударственных правоотношений, далеко не дружеского отношения многих государств к Российской Федерации, отстаивающей многополярность, пунктуальное соблюдение Устава ООН крайне важное значение заняло п*раво граждан на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод граждан*, закрепленное ч.3 ст. 46 Конституции РФ. Порядок и особенности использования данного права определены ч.3 ст. 46 Конституции РФ гласящей, что «**Каждый вправе в соответствии** *с международными договорами Российской Федерации обращаться в* **межгосударственные органы по защите прав и свобод человека***, если исчерпаны все имеющиеся внутри государственные средства правовой защиты*». Из статьи, по нашему убеждению следует, что для обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека необходимы: а) наличие межгосударственного договора Российской Федерации о такой возможности и б) исчерпание всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты. Непросто гражданам, но возможно выяснить наличие конкретного международного договора Российской Федерации о правовой помощи [31, стр. 427-429], сложнее определиться с тем, что понимать под исчерпанностью всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты. Мы убеждены в том, что исчерпанностью следует признавать отказ государственных или местных органов решить проблему гражданина по существу и, обращение в судебный орган положительных результатов не достигло [4; 8; 12; 23; 25; 26; 35; 36]. Однако имеет место точка зрения о том, что исчерпанность налицо только, если все органы власти и Конституционный суд Российской Федерации отказали положительно решить проблему гражданина.

Сложности возникли в связи с тем, что Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации в 2015 г. наделила Конституционный суд Российской Федерации правом решать исполнять или отказать в исполнении решения Европейского суда по правам человека. Сложность заключается в том, что согласно ч.3 ст. 46 Конституции РФ Конституционный суд РФ обязан исполнять решения и постановления Европейского суда по правам человека до тех пор, пока не будет изменено содержание ч.3 ст. 46 Конституции РФ. Более того, Государственная Дума согласно ст. 135 Конституции Российской федерации не вправе пересматривать самостоятельно положения глав 1,2 и 9 Конституции РФ, о чем мы ранее уже упоминали. Данное решение естественно ни политических, ни экономических «преимуществ» не добавит, а ухудшение межгосударственных отношений на данной почве весьма вероятно.

Важное место следует, по нашему мнению признать за п*равом граждан на получение*

квалифицированной, в том числе, бесплатной юридической помощи [9], как это следует из ч.1 ст. 48 Конституции РФ, правда ее содержание далеко не безупречно в силу того, что второе предложение ч.1 ст. 48 фактически отменяет первое. Доказательства нашему заключению: первое предложение гласит, что «1. **Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи**», итак каждому гражданину России гарантируется именно квалифицированная юридическая помощь. Однако, второе предложение звучит иначе, а именно: **«В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатной». Получается, что в законе представлена некая часть граждан, которым не гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи**, а ведь это самые нуждающиеся именно в квалифицированной юридической помощи. С тем, чтобы в этом убедиться, достаточно ознакомиться с содержанием ст. 26 Федерального закона от 26.04.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», гласящей, что «Юридическая помощь гражданам Российской Федерации, среднедушевой доход которых ниже величины прожиточного минимума, установленного законом соответствующего субъекта Российской Федерации, оказывается бесплатно в следующих случаях:

1) истцам – по рассматриваемым судами первой инстанции делам о взыскании алиментов; возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с трудовой деятельностью;
2) ветеранам Великой Отечественной войны – по вопросам, не связанным с предпринимательской деятельностью;
3) гражданам Российской Федерации – при составлении заявления о назначении пенсии и пособий;
4) гражданам Российской Федерации, пострадавшим от политических репрессий, – по вопросам, связанным с реабилитацией.

Перечень документов, необходимых для получения гражданами Российской Федерации юридической помощи бесплатно, а также порядок предоставления указанных документов определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Юридическая помощь оказывается во всех случаях бесплатно несовершеннолетним, содержащимся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Содержание данной ст. 48 Конституции РФ получается следует понимать так, что при наличии оплаты гарантируется квалифицированная юридическая помощь каждому, имеющему соответствующую денежную сумму, а бесплатная только тем, кто представлен в ст. 26 Федерального закона № 63-ФЗ, ибо они не располагают теми суммами, которые установлены за получение квалифицированной юридической помощи. Указанное, и не только обязало студенческую юридическую клинику юридического факультета ГУАП еженедельно по понедельникам с средам оказывать бесплатно юридическую помощь в ней нуждающихся, а с 16 апреля по субботам она будет оказываться еще и профессором Глущенко П.П., который с 1982 г. оказывает ее бесплатно в библиотеке «Ржевская» Красногвардейского района.

Исключительно важным и значимым автор исследования считает право и обязанность защиты Отечества, закрепленных ст. 59 Конституции РФ, одновременно являющимся и священным долгом перед народом, обществом, государством, памятью тех, кто государство строил, защищал и восстанавливал. Необходимо подчеркнуть, что в последние годы стало гораздо меньше тех, которые кичились способностью уйти от военной службы, а тех, кто шел добровольно служить считали недостойными с ними общаться.

Право на защиту и покровительство Российской Федерации за ее пределами, закрепленное ч.2 ст. 61 Конституции РФ свидетельствуют о том, что «Человек, его право и свободы являются высшей ценностью», в силу чего таковыми признаются даже в период его нахождения за пределами государственных границ.

Нельзя не обратить внимание на содержание ч.1 ст. 62 Конституции РФ согласно которой «Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство)» и одновременно выразить свое недоумение касательного того, как такой гражданин будет исполнять свой гражданский долг сразу перед несколькими государствами. По нашему мнению, указанный вид так называемой демократии вряд ли полезен государству,

и фактов это подтверждающих предостаточно.

Рассматривая содержание политических прав и свобод граждан в Российской Федерации, не считаем ошибочным заявить о том, что очень жаль, что ст. 104 Конституции РФ «источнику власти в Российской Федерации… – многонациональному народу», человеку, провозглашенному высшей ценностью не представлено право законодательной инициативы. Кстати это единственный народ в Европе, который таким правом почему-то не наделен. Мы убеждены в том, что в правовом демократическом государстве данное политическое право обязано быть закреплено конституционно.

Завершая исследование содержания значимости политических прав и свобод – важной, если не первостепенной составной части конституционно-правового статуса граждан Российской Федерации следует заявить, руководствуясь юридической практикой и личным опытом, что для их реализации и защиты с успехом могут быть использованы ранее представленные *правовые методы*: убеждение, обжалование, контроль и надзор; *правовые средства*: возбуждение административных расследований, обращение к институту юридической ответственности; **правовые способы**: административно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, конституционно-правовой и международно-правовой [16; 24; 32].

Список литературы

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2002. – 800 с.
2. Боер В.М, Глущенко П.П. Правовая регламентация правозащитной деятельности в сфере трудовых правоотношений: теория и практика, проблемы / Монография. – СПб.: ГУАП, 2015. – 114 с.
3. Боер В.М, Глущенко П.П. Теория и практика организации осуществления правозащитной деятельности / Монография. – СПб.: ГУАП, 2015. – 79 с.
4. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
5. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
6. Булатов Р.Б., Глущенко П.П. Муниципальная власть в механизме правозащитной деятельности: история и современность, теория и практика. Монография. – СПб., 2016.
7. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
8. Вишневская И.Г. Особенности исполнения решений Европейского Суда по правам человека судами Российской Федерации. / Закон. Право. Государство. – 2014. – № 2.- С.124-136.
9. Глущенко П.П. Юридическая помощь: право, обязанность, возможность и реальность ее получения // Юридическая помощь – обязанность государства и (или) долг и обязанность юриста? Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста 2-3 декабря 2015 г. – СПб.: ГУАП, 2015. – С. 36-56.
10. Глущенко, П.П., Булатов, Р.Б. Механизм правозащитной деятельности: полномочия и предметы ведения его осуществления органами муниципальной власти / Закон. Право. Государство. – 2016. – № 2(10).
11. Дзейтов С.А., Сальников В.П., Соболь И.А., Шапиев С.М. Региональная экология и право // Региональная экология. – 1998. – № 2. – С.31.
12. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11.
13. Институт охраны труда в Российской Федерации: история и современность / Монография. / Под общ. ред. П.П, Глущенко. – СПб.: СПбАУиЭ, 2010.
14. «Комсомольская правда» в Санкт-Петербурге. – 2016. – 8 апреля.
15. Конституционное право России: учебник/ Ответ. ред. А.Н. Кокотов и М.И. Кукушкин. – М.: Норма, 2008.
16. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
17. Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46.
18. Медведев С.М., Числов А.И., Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
19. Научно-практический комментарий к Федеральному закона «О выборах депутатов Государственной Думы

Федерального Собрания Российской Федерации». – М.: МедиаПресс, 2007.
20. Очередько В.П., Сальников В.П., Соболь И.А. Взаимодействие общества и природы: концепция правового моделирования // Региональная экология. – 2003. – № 3-4. – С. 75-78.
21. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
22. Роженцев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
23. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
24. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
25. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
26. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
27. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
28. Сборник правовых актов Международной организации труда, действующих в Российской Федерации / Сост. Маврин С.П. – СПб., 2004.
29. Соколова Н.Р. Совершенствование правовой регламентации обращения с отработанными нефтепродуктами – эффективное направление охраны окружающей среды, обеспечения экономической безопасности / Закон. Право. Государство. – 2015. – № 2(6). – С.132-139.
30. Соколова Н.Р., Меркуцева О.В. Экологические и эколого-правовые риски в сфере недропользования // Закон. Право. Государство. – 2016. – № 1(9). – С. 246-252.
31. Список действующих договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам // Механизм организации и осуществления государственно-правовой защиты прав, свобод и законных интересов граждан в Российской Федерации: Монография / Под рук. П.П. Глущенко. – СПб.: СПбУУиЭ, 2013.
32. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
33. Харин К.С. Трудовое право Германии. Монография. – СПб.: ГУАП, 2013.
34. Харин К.С. Трудовое право России. Особенная часть. Курс лекций. – СПб.: ГУАП, 2008.
35. Цмай В.В. Механизм рассмотрения и разрешения жалоб в Европейском суде по правам человека и порядок исполнения принятых постановлений / Закон. Право. Государство. – 2014. – № 2. – С.114-123.
36. Цмай В.В. Проблемы реализации гражданами части 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации // Юридическая помощь – обязанность государства и (или) долг и обязанность юриста? Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню юриста 2-3 декабря 2015 г. – СПб.: ГУАП, 2015. – С. 113-119.
37. Шурухнов Н.Г., Мечиков В.В. Конституционное право Российской Федерации в схемах. – М.: Эксмо, 2010

БУЛАТОВ Рашид Борисович,
профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор
E-mail: bulatovrash@mail.ru

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: andreytso@mail.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Анализируется становление и развитие муниципальной власти в России, которое проходило под влиянием формирования российской государственности со времен Древней Руси до современной Российской Федерации. Отмечается, что каждое государство является правопреемником и продолжателем предыдущего государства, и в то же время само служит источником правопреемства. Исключением из этого правила стали революционные события 1917 года.*

Ключевые слова: *муниципальная власть; местное самоуправление; государство; государственность; правопреемственность.*

BULATOV R.B.
ANDREYTSO S.Yu.

MUNICIPAL AUTHORITY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The summary. *The formation and development of municipal power in Russia, which was influenced by the formation of Russian statehood from the times of Ancient Rus to the modern Russian Federation, is analyzed. It is noted that each state is the legal successor and continuer of the previous state, and at the same time itself serves as a source of succession. An exception to this rule were the revolutionary events of 1917.*

Key words: *municipal authority; local government; the state; statehood; succession.*

Исторический аспект развития местного самоуправления раскрывается в значительном числе исследований [24; 64]. В контексте нашей интерпретации рассмотрим становление муниципальной власти в России, которое проходило под влиянием формирования российской государственности.

Государство, государственность складывались веками. Связанная с ними терминология так же относится к далекому прошлому. В самом деле: как возник сам термин «государство»? Для ответа на этот вопрос необходимо, на наш взгляд,

«смотреть в корень». А он в слове «суд»: государство. Исторически была потребность в общении людей. Всегда были такие суждения, как: судить, рассудить, осудить, засудить, судейство...

В этом же ряду находятся производные от «государства» слова: государственность, государь, государыня... А Общество? Будучи социальным источником зарождения, становления и совершенствования государственности и ее институтов, оно изначально предназначено воспитывать уважение к социальному строю и создавать условия для выполнения социально-правовых норм поведения людей, которые в той или иной степени охватывают все сферы жизнедеятельности общества, природопользования, в частности.

Обратимся к истории формирования российской государственности. *Древнерусское государство*. Оно уходит своими корнями к временам родовой организации, начиная от матриархата (материнский род) и патриархата (отцовский род). Впоследствии стали востребованы социально- этнические общности – племена, союзы племен, народность, нация, в их числе была славянская общность (русские, украинцы, белорусы, поляки, чехи...). Эти народы говорят на славянских языках.

Возникновение древнерусской государственности произошло у восточных славян Древней Руси на рубеже VIII-IX в.в. Причины этого были самые разные, пожалуй, наиболее существенной является разложение родоплеменного строя. К VIII в. образовалось 14 племенных союзов по типу военных объединений. Наступила эпоха ранней феодальной монархии: раздробленной и децентрализованной. Управление осуществлялось доверенными людьми князя, его сыновьями, которые опирались на военные гарнизоны.

Ростки древнерусской государственности коренятся в разложении родоплеменных кровнородственных связей и отношений. Замена их на территории, населенные восточными славянами. По мере развития Древней Руси, все явственнее вырисовывались «контуры» и основные элементы государственности: территории с населяемыми их людьми и княжеская власть. Последняя существовала, как бы в двух измерениях, т.е. власть князя и власть его наместников на местах (местная власть, говоря условно). В условиях территориальной раздробленности с ее князьями объективно не остается вариантов разграничения по типу: «центр» – «места» (соответственно: «центральная власть» – «местная власть»).

«Нормативно-юридическую» базу древнерусского строя составляло обычное право. Это совокупность неписанных правил поведения (обычаев), сложившихся в обществе в результате их неоднократного, традиционного применения и санкционирования государством [60, стр. 925]. Специфичны и источники обычного права (письменные памятники): тексты договоров Древней Руси, церковные уставы и т.д. Особый документ обычного права – «Русская правда» [28, стр. 13. Она представляет собой свод древнерусского феодального права в трех редакциях: Краткая, Пространная, Сокращенная (списки – XIII-XVI в.в.). «Русская правда» включает: Правду Ярослава Мудрого, Правду Ярославичей, Устав Владимира Мономаха и др. По своей природе обычное право как бы двоякого свойства и как совокупность неписанных правил поведения (обычаев) представляет собой, образно говоря, фактическую конституцию локального (местного) уровня. Сам же факт санкционирования неписанных правил превращает их в писанные (юридические) нормы, опять же местного значения [м1].

Московское государство. После распада Киевской Руси появились русские княжества с характерной для той поры (XII-XV вв.) политической раздробленностью. Обособились Новгородская и Псковская республики (государства), русские земли в составе Великого княжества Литовского, Московское княжество (XIII-XV в.в.). [28, стр. 14] Тенденция к «собиранию» русских земель наметилась во второй половине XIV в. Центром объединения стало Московское княжество (ХШ-XVв.в.). Централизация же государственного аппарата объединенных земель послужила фактором преобразования всей системы публичной власти, включая верховную власть. Великий князь «Всея Руси» Иван IV (Грозный) с 1547 г. стал первым русским царем. Титул «Великий князь» был изменен на титул «Русский царь». Тем самым свершилось правопреемство царской Россией великого княжения «Всея Руси».

Зарождение и становление централизованного Русского (Московского) государства обусловило новое соотношение властей и прежде всего центральной власти. Верховную государственную власть представлял русский князь Иван IV, а при

нем была Боярская Дума.

С середины XVI и до середины XVII вв. было задействовано земское движение (проводились земские соборы). В составе собора – Боярская Дума, «Освещенный Собор» («церковные иерархи»), посады («городское население», «посадские люди») и выборные от дворянства*. Кстати, Соборное уложение 1649 г. (Свод законов) было принято Земским собором 1648-1649 г.г.

В те же годы состоялась *земская реформа.* Наместничье управление, которое строилось на основе кормления в городах, черных и дворовых волостях, было заменено местными выборными органами (земские и губные избы). Появились: земский староста, земский дьячок и целовальник... . Также были введены должности губных учреждений. Поначалу они ведали сыском и судом по уголовным делам, а впоследствии и иными вопросами текущего управления.

В результате реформ сложился *земский строй* [17], в основе которого было *местное (земское) самоуправление.* Эволюционное развитие российской государственности сменяло эпоху за эпохой. Последующее развитие выглядит так: Русское (Московское) государство (XV-XVIII вв.) – Российское самодержавие (XVII в.-начало XX в.). Очередность развития российской государственности: период абсолютизма, переход к конституционной монархии (начало XX в.).

В научной литературе активное развитие местного самоуправления в России принято относить к середине XIX – началу XX вв. Именно в это время русские ученые обратили внимание на действующие в зарубежных странах модели местного самоуправления, стараясь осмыслить взаимоотношения государства с местной самоорганизацией и определить роль местного самоуправления в механизме государственной власти [24, стр. 219].

Однако к концу 70-х гг. наступил кризис земских учреждений: земства практически прекратили своё функционирование, так как их перестали посещать «гласные», т.е. лица, имеющие право голоса в органах земского самоуправления. Интересы населения не реализовывались, а городские управы взяли земства под свой контроль, сделав их частью государственного управления. Как представляется Т.А. Дугарской и В.Н. Кузнецову, это произошло из-за того, что идеи самодержавия с единой сильной централизованной властью не были совместимы с идеями децентрализации, то есть с идеями наделения земств собственной, автономной от государства властью, и не подчинённой ему [24, стр. 320].

Абсолютизм (абсолют – лат. слово – безусловный, неограниченный) – это форма государства, главе которого принадлежит неограниченная верховная власть [60, стр. 10]. Это видно из обращения к главе российского государства. В специальном акте, врученном Петру I 22 октября 1721 года, записано: «Всепресветлейший державнейший монарх, всемилостивейший наш самодержец». Россия превратилась в империю [4]. Стали господствовать имперские нормативно-правовые акты во всех сферах жизни государства и общества [27; 32; 40; 57; 62].

Российская Империя. Её период в истории отечественной государственности занимает исключительное место. Именно с неё начинается государственное правопреемство. «Российская Федерация как суверенное государство в соответствии с действующим законодательством является правопреемником и продолжателем Российской Империи, Российской Республики, Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и Союза Советских Социалистических Республик (СССР)» [59, стр. 9].

Иными словами, Российская Империя, как правопреемное государство, обладает, на наш взгляд, особым статусом. Суть его заключена в основополагающих факторах:

1- абсолютизм верховной императорской власти (всех ее ветвей);
2- губернская территориальная организация имперского государства (губернские реформы 1708, 1775 г.г., Положение о губернских учреждениях 1864 года);
3- централизация государственной системы (бюрократизация) как разветвленного, профессионального аппарата (Табель о рангах 1722 года; Правительствующий сенат, коллегии, министерства...);
4- новая модель судебной власти (Судебная реформа 1864 года, судебно-административная реформа 1889 года, местные и общие суды; прокуратура – с 1722 г. [6; 8; 29; 34; 38; 47; 51; 53; 58; 67]);
5- модификация местного управления, самоуправления в условиях абсолютизма

(всесословное самоуправление, городское, сельское);

6- социальная основа власти в Российской Империи (привилегированное дворянство, служивое сословие, раскрепощенное крестьянство);

7- новая система русского права (становление отраслевого законодательства, государственное право (основные государственные законы), Свод законов 1832 года).

Таков в общих чертах каркас Российской Империи – основа исторического правопреемства в сфере государственности. Таким образом, Российская Империя, базируясь на Отечественном опыте государственности средневековья, воспринимая прогрессивные факторы социального устройства, вписывалась в новую эпоху; претерпевала требования и условности новых факторов; учреждала институты, отвечающие прогрессивным тенденциям (см. примеры выше).

Из нововведений, дополнительно к упомянутым, поистине историческими явились, по меньшей мере, несколько событий:

а) создание Свода законов Российской Империи (1832 г.) с включением в него «Основных государственных законов». Наступило время, когда Россия (юридически) твердо вступила на путь Закона. «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» (по тексту Основных Законов 1906 года, ст.42) [50, стр. 591-599];

б) крепостное право, как форма феодальной зависимости крестьянства в России, оформилось в конце XV в. Судебником 1497 года, а также царскими указами и окончательно – Судебным уложением 1649 года.

Крепостничество господствовало в России почти четыре столетия. Лишь 19 февраля 1861 г. появился Манифест с подробным названием «О всемилостивейшем даровании крепостным лицам прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта». В последующем Указе Правительствующему Сенату (2 марта 1861 г.) предписывалось «об учинении надлежащего распоряжения к приведению в исполнение высочайше утвержденных Его императорским величеством Положений и правил о крестьянах и дворовых людях, вышедших из крепостной зависимости» (их почти два десятка) [50, стр. 18-26].

В заглавном нормативном акте – «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. [50, стр. 26-72] – предусмотрено в общей сложности (кроме введения) три раздела, более десятка глав и 207 статей. В числе рубрик: «Права личные и по состоянию», «Образование сельских обществ и властей», «Сельское общественное управление» (сельский сход и сельские старосты), «Волостное управление» (волостной сход, волостной старшина, волостной крестьянский суд), «Ответственность должностных лиц» и т.д.

Таким образом, предусматривались модели сельской (местной) власти, рассчитанной на значительную часть населения (свободных крестьян) и обширные территории Российской Империи. Если к тому же учесть, что почти следом за «Манифестом» была введена Земская реформа (1864 г.) [46, Стр. 138-144; 61], то становится очевидной тенденция на расширение возможностей населения на прямое участие россиян (подданных) в управлении мирными (мирскими) делами.

Начало XX столетия ознаменовалось историческим явлением в жизни России – учреждением новых «Основных государственных законов» (23.04.1906 г.) [50, стр. 591-599]. В отличие от прежних, принятых в 1832 г., они приобрели черты конституционности [14] [68]. В чём это выразилось?

Во-первых, учреждается конституционный статус верховной самодержавной власти. «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть сам бог повелевает» [54] (указания Основных законов 1832 г. на неограниченность власти теперь уже нет).

Во-вторых, новые Основные законы предусматривали главу четвертую «О Государственном совете и Государственной думе и их образе действий» (ст.ст. 56-74). Более того, в ней было записано, что Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой (ст. 7). [59, стр. 597-599].

В-третьих, сохранены некоторые положения Свода Законов (ст. 24) и подтверждены

нормативные предписания главы третьей («О Законах»).

В-четвертых, обозначены элементы верховенства отдельных статей «Основных Законов» над иными нормативными установками.

В переходный период законодательно незамеченными не остались два проекта: «Проект Основного Закона Российской Империи» и «Проект Основного Закона Российской Империи, измененный земским бюро» [35]. «Основные государственные законы» 1906 года и Основные законы (проекты) – свидетельствуют, на наш взгляд, о существенном эволюционном развитии в демократическом направлении. В то же время, проекты значительно отличаются от официальных документов, прежде всего, структурно, что предопределяет их нормативное содержание. «Основные государственные законы» включают: введение, четыре главы, детализированные 74 статьями. Главы: 1. О существе верховной самодержавной власти; 2.О законах; 3. О правах и обязанностях российских подданных; 4. О Государственном Совете и Государственной Думе.

Иное содержание представлено в Проекте Основного закона Российской Империи, который включает 11 глав: 1. О Российской империи; 2. О Великом Княжестве Финляндском; 3. Об основных правах граждан; 4. Об императорской власти; 5. О Государственной Думе; 6. О министрах; 7. Местные учреждения Российской Империи; 8. О судебной власти; 9. О Верховном суде; 10. О пересмотре Основного закона; 11. Переходные постановления. Всего 80 статей. Обратим внимание на главу VII (Местные учреждения Российской Империи), вернее, на отдельные её нормы. Российская империя делится на губернии, губернии на уезды, уезды на волости или соответствующие единицы иного наименования (ст. 66). Губернии, уезды и волости или соответствующие им единицы образуют самоуправляющиеся союзы, именуемые земствами... (ст. 67). Местное самоуправление должно быть основано на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании (ст. 68). И далее. Судебная власть осуществляется лицами и учреждениями, правительственной власти не подчиненными (ст. 71).

Суммирование факторов эволюционного развития позволяет правомерно заключить: Российская Империя оставила нам богатейшее наследие государственно-правового свойства, конституционного, в том числе. Как же распорядились таким наследием? Переломным событием российской государственности явилось отречение от власти последнего императора России. «Признали мы за благо» – писал Николай II – «отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть». г. Псков, 15 часов, 2 марта 1917 г. Подписал: «Николай II» [49, стр. 600].Тем самым, конституционная монархия Российской Империи была упразднена и появилась «Российская Республика».

В настоящее время отечественные и иностранные исследователи высказывают самые различные мнения по поводу событий столетней давности в России. Не случайно на страницах журнала «Юридическая наука: история и современность» развернута соответствующая дискуссия [5; 13; 16; 37; 41; 44; 45; 52; 66]. Мы же здесь констатируем сам факт окончания истории Российской империи.

В опубликованной «Декларации Временного правительства о его составе и задачах» (3 марта 1917 г.), после поименного перечня Совета Министров (председателя, одиннадцати министров и иных должностных лиц) провозглашалось: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным…; свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек…; отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования…» [59, стр. 605-606].

Необходимость учредительного собрания была подкреплена развернутым «Положением о выборах Учредительного собрания». [59, стр. 610-600] Составленное из трех разделов, множества глав и 258 статей, Положение закрепило следующие комплексы нормативных установлений: I. Общие положения (детализировано десятью главами); II. Об изъятиях из общего порядка производства выборов в Учредительное собрание (преимущественно о составе избирательных округов: Бессарабский, областей войска

Донского, Астраханский, Оренбургский и др., всего десять совокупностей округов); III. О порядке выборов в армии и флоте.

«Российская Республика» – лишь «эпизод» в эволюционном развитии российской государственности (март-октябрь 1917 г.). Через пол – года большевики совершили переворот в пользу Советской власти, отрицавшей историческую преемственность. По воспоминаниям одного из идеологов советского конституционного строительства П. Стучки: «... Когда мы в ноябре 1917 г. свергли буржуазный строй, мы буквально сожгли все законы прошлого мира, признали все права прошлого времени принципиально отмененными...». [63, стр. 20] «... Буквально сожгли все законы прошлого мира...». Да, такова была реальность: принципиальное отделение (якобы не отвечало закономерностям естественного исторического процесса) советского строя от Российской Республики, а тем более – Императорской России.

Идеология непринятия исторического развития, по сути своей, абсурдна и не перспективна, поэтому она дала «трещину» в самом начале Великой Отечественной войны, когда в ноябре 1941 года с трибуны Мавзолея вспомнили о великих предках: Минине и Пожарском, Суворове и Кутузове.

В целом же необходимо отметить, что каждое государство является правопреемником и продолжателем предыдущего государства, и в то же время само служит источником правопреемства. Исключительные элементы «правопреемства»: территория государства, народ (население), суверенитет, властные полномочия внутригосударственного свойства и на международной арене. Государству свойственны многие функции – внутренние и внешние. Будучи взаимосвязанной, развиваясь вместе с преумножением государства, каждая разновидность функций исторически обогащается содержанием.

Советское государство, как было выше отмечено, в лице Российской Республики возникло в результате Октябрьского переворота 1917 года. В тот же день (т.е. 25 октября, по новому стилю – 7 ноября) было опубликовано «Обращение II Всероссийского съезда Советов». А днем позже – Декрет о переходе власти Советам [48, стр. 28].

В «Обращении» от 25 октября (7 ноября) 1917 года II Всероссийского съезда Советов публично заявлено: Советская власть «… обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания...». Там же говорилось, что Совет Народных Комиссаров (временное рабоче-крестьянское правительство) образован «… впредь до созыва Учредительного Собрания».

Приверженность Советской власти Учредительному собранию была явной ложью. Уже на очередном III Всероссийском съезде Советов, т.е. через три месяца после предыдущего съезда (3 (18) января 1918 г.) Председатель ВЦИК РСФСР Я.М. Свердлов заявил: «Вы помните, товарищи, – говорил он, – что Советская власть, издавая ранее какие-либо законы, делала оговорку, – они вводятся в действие «вплоть до окончательного разрешения их Учредительным собранием... ». Теперь же, «...трудовые массы знают и хотят знать одно истинное трудовое Учредительное собрание – это свои Советы, верховный орган революционного пролетариата – Совет Народных Комиссаров. Ясно, что приведенная оговорка к Декретам теперь уже не может быть ничем оправдана. Предлагал бы проголосовать за предложение. Предложение принимается без прений», – подвел итог Я.М. Свердлов. Причины столь молниеносного решения (к тому же без прений) известны: большинство Учредительного собрания отказалось принимать декреты Советской власти.

Исторический пример подтверждения сущности партийного государства мы видим в выводах В.И. Ленина о том, что «...партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу...». [43, стр. 403] А декоративная Советская власть санкционирует партийные установки, даже без прений, как это было с Учредительным собранием.

В качестве аккорда по данному разделу, вероятно, можно обозначить тезис: своеобразной доминантой роли КПСС в Советском государственно-организованном обществе являлась ее конституционализация в новейшей истории. Согласно ст.6 Конституции СССР 1977 года: «Руководящей и направляющей силой Советского общества, ядром политической системы, государственных и общественных организаций является КПСС» [36, стр. 87]. А если к тому же учесть, что проекты законов, включая Основной, предварительно рассматривались и санкционировались в партийных органах всех уровней и рангов и упомянуть о праве партийных органов на законодательную (правовую) инициативу, то нетрудно понять: во-первых, все

законодательство (система права) являлось партийным, а во-вторых, диктатура партии была безгранична и бесконтрольна [15].

Такое состояние российской государственности:

а) противоречило духу и принципам демократии;
б) не могло быть объектом правопреемства Российской Федерации.

Российская (а затем общесоюзная) государственность насчитывает несколько периодов исторического развития. Основанием периодизации служили советские конституции, вернее, – союзные. Советским государственным правом обозначены следующие этапы.

1. Общество и государство на этапе перехода от капитализма к социализму («Декреты Октября», как акты конституционного значения; Первая советская конституция – Конституция РСФСР 1918 года; Первая Конституция Советского Союза 1924 года).
2. Общество и государство на этапе закрепления победы социализма (Конституция СССР 1936 года, конституции союзных и автономных республик, включая Основной Закон РСФСР, и конституционные акты автономных республик в составе Российской Федерации).
3. Общество и государство на этапе развитого социалистического общества и общенародного государства (Конституция СССР 1977 года, а также конституция РСФСР 1978 года, конституции других союзных и автономных республик – субъектов Российской Федерации).

Не преследуя цель дать подробный анализ названных источников, напомним некоторые моменты. Союзная Конституция закрепляла органы Советского государства, образующие в своей совокупности единую систему. Это:

1- высшие органы государственной власти и управления СССР;
2- высшие органы государственной власти и управления союзных республик (их было 15);
3- высшие органы государственной власти и управления автономных республик (их было 20);
4- местные органы государственной власти и управления в союзных и автономных республиках.

Рассмотрим, интересующие нас в первую очередь, местные органы. Союзная Конституция 1977 года (иные основные законы) закрепили уже сложившуюся систему местных советов. Выделим ее особенности:

а) система местных советов составляет часть единой системы советов народных депутатов (глава 12);
б) основа системы местных советов – административно-территориальное деление. В автономных областях и автономных округах также образуются соответствующие советы (с учетом статуса автономий), однако, и они входят в систему местных советов;
в) местные советы народных депутатов осуществляют в принципе единые для всей системы советов основные функции (гл. гл. 12 и 19). Вышестоящие местные советы руководят деятельностью нижестоящих местных советов.

Одним из видов органов Советского государства являются судебные учреждения. Союзная Конституция определяла систему судебных органов, действующих в СССР (ст. 151), а конституции союзных и автономных республик – систему судебных органов, действующих в этих республиках (см., например, ст. 163 Конституции РСФСР). Система судебных органов СССР соответствовала национально – государственному устройству СССР, национально – государственному и административно – территориальному устройству союзных и автономных республик. Соответственно судебная система подразделялась на суды Союза ССР и суды союзных республик, к судам последних относились: Верховный суд союзной республики, Верховные суды автономных республик, краевые, областные суды; суды автономных областей и автономных округов; районные (городские) народные суды. Судьи народных судов, а также народные заседатели избирались: первые – населением, а вторые – в коллективах предприятий, учреждений и организаций.

На рубеже 80х-90хг.г. прошлого столетия в теории периодизации Советского государственно-организованного общества появились новеллы, а именно, идеи и взгляды, явно несовместимые с коммунистической доктриной. Так, по мысли А.А. Чинчикова, периодизация Советского государства и общества выглядела следующим

образом:

а) диктатура пролетариата (1917-1921 г.г.);
б) демократическая республика (1921 г.- конец 20-х г.г.);
в) культ личности – «монархия по-коммунистически» (начало30-х г.г.- 5.03.1953 г.);
г) переход от «монархо-партийной формы» государства к демократической республике (середина 50-х – начало 60-х г.г.);
д) период сталинской «реанимации» (середина 60-х-70-е г.г.);
е) демократическая республика, распад империи (начало 90-х г.г.) [65, стр. 7].

Наша позиция несколько иная, потому что, во-первых, в представленной концепции автора не прослеживаются основания (критерии) периодизации общества и государства Советов, а главное, видимо, в «размытости» тезиса «монархия по-коммунистически» по следующим основаниям.

1. В силу коммунистической системы культ личности был присущ секретарям ЦК КПСС, как говорится, по определению. И не только И.Сталину, но и тому, кто развенчал культ «вождя всех народов», – Н. Хрущеву, а особенно – Л. Брежневу, и, в определенной степени, – первому президенту Российской Федерации – Б. Ельцину.

2. Советское государство по своей природе являлось партийным. И не только государство. В этом же ряду – вся система права России, начиная с конституции, о чём мы выше уже упоминали. Пожалуй, справедливо подчеркнуть: советские конституции регулярно принимались, как бы действовали, а конституционализма в Советской России не было. Во-первых, в силу партийной идеологизации Основного Закона страны; во-вторых, нормативное верховенство в обществе принадлежало Уставу КПСС и иным его документам (особенно совместным постановлениям ЦК КПСС и Совета Министров СССР). Наконец, в-третьих (выше уже упоминалось): «мы должны знать и помнить, – *писал В.И. Ленин,* – что вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия всё исправляет, назначает и строит по одному принципу...». [43, стр. 403]. Нельзя не заметить: налицо ранее неведомый нам симбиоз – «советское партийное государство», производное от него – «партийно-государственная власть».

Из этого логически не следует вывод: все, что было в Советском Союзе, – плохо. Совсем нет. Социологические исследования подтверждают, например, тезис: «Советский человек жив, но ранен». У него самые элементарные требования: безопасность, необходимая зарплата и т.д. Или социологический опрос на тему: «Чтобы вы хотели вернуть из СССР?» [56]. Ответы с доводами (ссылаемся лишь на первые строки): Я бы вернул самую сильную армию в мире (В. Винокур, артист); Я бы вернула хорошее отношение к детям, системе воспитания, которое было раньше (А. Вовк, телеведущая); Я бы вернул порядок (В. Этуш, актер); Я бы вернул советский футбол (В. Маслаченко, спортивный комментатор); Я бы хотел вернуть молодость, теплые, дружеские, человеческие отношения, основанные не на меркантильном интересе, стяжательстве и выгоде, а на любви и преданности (Г. Данелия, режиссер); А зачем вообще что-то возвращать? Страны такой уже нет (Л. Ярмольник, актер).

Дело, в конечном счете, не в подборке взглядов, на те или иные актуальные вопросы. Суть в сравнительном анализе двух государственных систем – советской и постсоветской. Можно предположить, что Россия пережила, пожалуй, две однотипные исторические ошибки, а именно:

1) отрицание Советами государственности наших предков и
2) отторжение советской системы постсоветской Российской Федерацией.

К сожалению, исторически использовался один принцип, представленный в «Интернационале», – «разрушим мир до основанья, а затем…». Как теперь совершенно очевидно, затем следовало бы использовать при той и другой государственной системе (советской и постсоветской) предыдущий отечественный опыт, а не пытаться списывать «зарубежные рецепты» для собственного исторического развития. Исторически «наступив на грабли», властные (т.е. государственные) структуры использовали «инструментарий разрушения» («до основания»): не разработав генеральную концепцию стратегии обустройства новой России, кавалерийским наскоком обрушились на российское общество с «шоковой терапией»; «антиконституционной приватизацией» («ваучеризацией»); развалом союзной государственности; экономических, социальных и иных

основ.

Отсутствие генеральной концепции преобразований пагубно сказалось на самих реформах. Начатые во второй половине 80-х г.г. прошлого столетия (с «перестройки»), умножаясь количественно (население потеряло им счет), они до сих пор страдают существенными погрешностями качества (достаточно вспомнить «пресловутую», как её окрестили, «монетизацию») [2]. Главная их тенденция – реформирование во многом за счет интересов населения, например, неоднократные попытки реформирования ЖКХ.

Итак, более двух десятилетий реформ ушли в прошлое. Безусловно, не бесследно: в стадии становления находятся демократические институты правовой государственности, элементы гражданского общества; сюда же относится признание России правопреемником Советского Союза в международном сообществе и т.д. Однако беспокоит главное: разительное отставание в сфере жизненного уровня людей и, в связи с этим, небывалое ранее расслоение социальных слоев населения (1/3 его нищенствует). Еще одна тревожная тенденция – углубляющееся отторжение властей от населения.

Следует ли укреплять государственность (выстраивать вертикаль власти, обеспечивать материально...)? Безусловно, да. Однако ради интересов народа, всех социальных слоев, а не в угоду власти чиновников, их карьеристских устремлений. Один (из множества) пример, – образование федеральных округов. Их восемь: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный, Северо-Кавказский. Соответственно, – восемь полномочных представителей Президента России (полпредов), их аппаратов, необходимых государственных органов и т.д. [3] Сама идея полпредов (приблизить президентскую власть к субъектам Российской Федерации) – не вызывает сомнения. Но на каких основах? Полпредства существуют не один год. В свое время они многое сделали в интересах обеспечения соответствия местного нормотворчества духу и букве общероссийской Конституции и федеральным законам [25; 26; 30; 31; 39]. А каков результат их дальнейшей деятельности? «Полпред почти не виден» (в зеркале цифр). Так называется статья по материалам общественного опроса [55]. Поименованы наиболее и наименее известные в своих округах полпреды. Если год назад 28% респондентов заявили, что знают, кто является полпредом в их округе, а фамилии полпредов назвали 25%, то сегодня, соответственно: 26% и 21%.

Получается, следовательно, парадоксальная ситуация. Президента России знает (по делам, конечно) многократно превосходящее большинство населения, а полпреды регионов, территориально приближенные к населению, почти не видны жителям федеральных округов. А ведь они, – это своеобразное «око» российского Президента с координационными функциями на уровне федеральных округов. Это, так сказать, президентская ветвь государственной власти. Президентский аппарат [11; 12].

На уровне федеральных округов действует и другая подсистема: совокупность властных структур (представителей отраслевых федеральных органов), таких как управление юстиции, управление внутренних дел и т.д. Кроме того, в рамках федеральных округов действуют системы государственных органов собственно субъектов Российской Федерации. И в каждом федеральном субъекте существует соответствующая его статусу собственная система государственного аппарата: президенты, правительства, комитеты, управления и т.д.

Ассиметричная федерация, которой является Российская, рано или поздно (скорее – первое) подвергнется основательной реконструкции. Но, это – самостоятельная проблема. Здесь же нами были затронуты вопросы предлагаемых населению реформ. Разработка и внедрение всего нового должны осуществляться на основе отечественного опыта (достижения, просчёты), включая и советский опыт. Кстати, Советская Федерация отвечала канонам единения государственно-территориальных структур по принципу «государство в государстве», а конкретно: субъектами Союза ССР были союзные республики. В четырех из них, – субъектами служили автономные республики. Местные же автономии (области, округа) были составными элементами краев и административных областей.

Федеративное устройство, закрепленное в нынешней Российской Конституции, не отвечает самой конституции. Оно – ассиметрично, т.е. конституционно, что парадоксально, объединяет разные по статусу субъекты. По юридической конституции во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти

«все субъекты Российской Федерации между собой равноправны» (ст. 5) [1]. По фактической же конституции (реальному состоянию), – это разные природные ресурсы, экономика, бюджеты, налоги, проблемы финансового обеспечения, статус собственной системы органов государственной власти.

Отсюда совершенно очевидна объективная потребность преобразований федерального устройства. И, конечно же, на базе отечественного опыта, включая советский и более ранний опыт, но без «шоковых» реформ, предварительно разработав генеральную концепцию обустройства многонационального народа России. Нуждается в реформировании и федеральная конституция с сохранением сложившихся демократических институтов или же учрежденных, но не действующих.

Примечания

* В X-XVI вв. в русских княжествах существовали торгово-промышленные поселения, вне городских стен. Иногда они делились на «слободы» и «сотни» [10, стр. 20; 42].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2017.
2. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 35. – Ст.3607
3. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849 «О Полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 20. – Ст.2112.
4. Акт поднесения государю царю Петру I титула Императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца отечества // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации (т. V). – Екатеринбург 1999.- С.15-17.
5. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
6. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
7. Артамонова Г.К, Бабаджанов И.Х, Горбашев В.В, Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75-92.
8. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
9. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
10. Богоявленский С.К. Московские слободы и сотни в XVII веке. – М.,1930.
11. Бородин В.В. Федеральные округа современной России: проблемы и перспективы // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 64-69.
12. Бородин В.В., Клименко О.А. Федеральные округа – особая территориальная форма федерального управления: понятие и содержание // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 79-85.
13. Брылева Е.А. Дух Конституции в работе полиции и уголовно-исполнительной системы: размышления о сущем // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 45-51.
14. Булатов Р.Б. К вопросу о зарождении конституционализма в России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 60-65.
15. Булатов Р.Б. О легитимности конституции как основы законодательства (на примерах из практики

правотворчества в Советской России) // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву. Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 100-106.

16. Булатов Р.Б. О некоторых аспектах легитимности власти в России в период двоевластия 1917 г. // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 37-42.
17. Вдовин И.А. Земское самоуправление в Российском государстве (историко-правовой аспект): Дис.... канд. юрид. наук. – СПб., 1999. – 211с.
18. Дашин А.В. «Обычное право» как феномен: генезис и эволюция // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 25-38.
19. Дашин А.В. Обычное право в исследовании советских юристов // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 58-71.
20. Дашин А.В. Обычное право и дореволюционная российская историография // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 38-47.
21. Дашин А.В. Обычное право как объект исследования в постсоветской России // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 11-18.
22. Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – 431 с.
23. Дашин А.В., Сальников М.В. Страны англосаксонской семьи: обычай в национальной правовой системе // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 52-70
24. Дугарская Т.А., Кузнецов В.Н. Влияние различных теорий местного самоуправления на процесс становления местного самоуправления в России // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Красково: Гуманитарно-социальный институт, 2015. – С. 318-322 – 531 с.
25. Зубрин В.В. Законность в федеративном округе (нормативно-правовое обеспечение) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 384 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
26. Зубрин В.В. Конституционная законность и механизм ее обеспечения в федеральном округе: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 120 с.
27. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
28. Исаев И.А. История государства и права России. – М., 1994.
29. К 150-летию судебной реформы в России: законодательная политика по совершенствованию судебной системы – история и современность: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25-26 сентября 2014 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2015. – 264 с.
30. Калинин А.Ю., Косопкин А.С. Полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах и реформа федеральных отношений – СПб, 2007.
31. Катков В.Ю. Федеральные округа в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
32. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
33. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. – Майкоп: Афиша, 2006. – 528 с.
34. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
35. Конституционное государство: Сб. статей. – С.Петербург, 1905.
36. Конституция СССР 1977 года // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву / Составитель: С.А. Авакьян. – М., 1984.
37. Корнев А.В. Правопонимание в эпоху революций // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 28-36.
38. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994.
39. Краюшкин И.А. Институт полномочных представителей Президента РФ в системе государственной власти России // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып.4: В 3 т.Т.1. – М.: Юристъ, 2004.
40. Кудимов А.В., Каленский В.П. Эволюция системы публичного управления в России при преемниках Петра I // Мир политики и социологии. – 2010. – № 1. – С. 25-29.
41. Лазарев В.В. Право и революция // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 2. – С. 48-60.

42. Лаптева Л. Е. Земская реформа в России: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 1986. – 22 с.
43. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов // В.И. Ленин. Полн. Собр. Соч. Т. 41.
44. Литвинов Н.Д. Февральская революция 1917 года в России как завершающий этап криминальной геополитики Запада // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 14-33.
45. Малинин В.Б., Фельштинский Ю.Г. Деньги на революцию (к 100-летию Октябрьской революции) // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 21-27.
46. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
47. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
48. О новом названии существующей верховной государственной власти // Сборник нормативных актов по советскому государственному праву / Составитель: С.А. Авакьян. – М., 1984.
49. Об отречении государя императора Николая II от престола российского и о сложении с себя верховной власти // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации (т. V). – Екатеринбург, 1999.
50. Основные государственные законы // Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации (т. V). – Екатеринбург 1999.
51. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
52. От редакции. О дискуссии, вызванной статьей-презентацией доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации В.В. Лазарева «Право и революция» // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 11-15.
53. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
54. Подробное описание состава российского законодательства. А. Свод Законов Российской Империи. Т.1, ч.1. – С.-Пб.,1906.
55. Полпред почти не виден // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – 4 июня.
56. Российская газета. – 2005. – 6 июня
57. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С 219-230.
58. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
59. Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации. T.V. – Екатеринбург. 1999.
60. Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.
61. Соколова И.В. Земская реформа в Российской империи в XIX веке // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 1. – С. 35-38.
62. Стеценко С.Г., Сальников М.В. Правовое регулирования оказания медицинской помощи в Российской империи (II четверть XVIII в. – 1917 г.) // История государства и права. – 2004. – № 6. – С. 50-54.
63. Стучка П.И. Учение о государстве и конституции РСФСР – М.: Красная Нива, 1922.
64. Упоров И.В. Развитие института местного самоуправления в новейшей России: основные тенденции и проблемы несбывшихся НАДЕЖД // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 1. – С. 163-168.
65. Чинчиков А.А. Теория государства и права: Учебное пособие. – М., 1992.
66. Шахрай С.М. Конституционные ловушки истории: Была ли революция 1917 года неизбежна? // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 16-20.
67. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.
68. Щендригин Е.Н. Основные законы 1906 года как опыт конституционного строительства в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 38-42.

ТАБОЛИН Владимир Викторович,
профессор кафедры публичного права и правового обеспечения управления Государственного университета управления, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: tabolin@mail.ru

АНИСИМОВ Валерий Филиппович,
заведующий кафедрой правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: anisimov.vf@gmail.com

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Анализируется содержание и природа муниципального права Российской Федерации. Рассматриваются три подхода к определению данного феномена, выделяются главные направления правового регулирования муниципальных правоотношений. Формулируются проблемные вопросы, которые необходимо решить для совершенствования и обеспечения реальных гарантий местного самоуправления.*

Ключевые слова: *муниципальное право; местное самоуправление; отрасль права; правоприменение; общественный контроль.*

TABOLIN V.V.
ANISIMOV V.F.

MODERN PROBLEMS OF MUNICIPAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *The content and nature of the municipal law of the Russian Federation is analyzed. Three approaches to the definition of this phenomenon are considered, the main directions of legal regulation of municipal legal relations are singled out. We formulate problematic issues that need to be resolved to improve and ensure real guarantees of local self-government.*

Key words: *municipal law; local government; branch of law; law enforcement; public control.*

По-прежнему остаются самыми дискуссионными в юридической науке сущностное содержание и правовая природа муниципального права. Прежде всего, это связано с проблемами современного законодательства и реальной практикой российского местного самоуправления.

Обычно в юридической науке рассматривают три подхода к определению муниципального права:

- как подотрасли конституционного права, регулирующей одну из форм народовластия, а именно – муниципальную власть [14, стр. 14];
- как отрасли российского законодательства, которая включает в себя нормы и предметы правового регулирования многих

отраслей права, юридически обеспечивающих функционирование всех институтов местного самоуправления по жизнеобеспечению местного населения и решению на местах отдельных государственных полномочий, которыми наделяются органы местного самоуправления [7, стр. 15];

- как комплексной отрасли права, представляющей собой совокупность правовых норм, закрепляющих и регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации местного самоуправления и решения населением муниципальных образований непосредственно, через выборные и другие органы местного самоуправления вопросов местного значения, а также в процессе реализации отдельных государственных полномочий, которыми могут наделяться органы местного самоуправления [16, стр. 12].

Исходя из последнего определения, муниципальное право, как отрасль права должно регулировать максимум вопросов местного уровня власти и управления как базового в государстве. Его необходимо рассматривать как отрасль и науку о правовом регулировании всех аспектов жизнедеятельности населения, а не только об организации местного самоуправления на определенной территории. С этим соглашаются практически все известные специалисты в области муниципального права [22, стр. 17; 21, стр. 90; 24, стр. 34].

Муниципальное право, став правовой основой новой системы местного самоуправления, постепенно формировалось из института (подотрасли) конституционного права в комплексную отрасль права, содержащую нормы, непосредственно регулирующие муниципально-правовые отношения, а также использующую нормы других отраслей права, связанные с правовым регулированием местного самоуправления. Этот комплексный состав объясняется многоплановостью и важностью задач обеспечения жизнедеятельности населения, его непосредственным участием в осуществлении местной власти, разнообразием методов и форм правового регулирования вопросов местного самоуправления.

Особенности предмета современного муниципального права обусловлены межотраслевым и многоотраслевым характером муниципальной деятельности и определяются, по мнению В.И. Фадеева, следующими видами общественных отношений:

- в связи с организацией местного самоуправления;
- решением вопросов местного значения;
- решением вопросов, которые органы местного самоуправления вправе дополнительно принимать к своему рассмотрению;
- реализацией делегированных государственных полномочий [22].

Относительно сущности предмета муниципального права сложилось два подхода:

1) муниципальное право – новая комплексная отрасль права России, а предмет муниципального права совпадает (а иногда даже шире) с комплексом отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления. Отрасль муниципального права является комплексной, поскольку нормы, из которых она состоит, регулируют весь комплекс общественных отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления, в том числе тех, которые регулируются нормами других отраслей права (административного, гражданского, налогового и т.д.);

2) по менее распространенному подходу, предмет муниципального права «уже», чем комплекс отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления. Данный подход построен на критике недостатков первого – поскольку, в соответствии с первым подходом, не совсем понятны пределы регулирования муниципального права. Сторонники данного подхода полагают, что комплексной отрасли муниципального права не существует, а признают только комплексный характер российского законодательства о местном самоуправлении. К предмету же муниципального права относятся только те общественные отношения, которые связаны с организационно-правовой стороной местного самоуправления.

Развитие политической системы нашего государства непосредственно влияет на направления и формы правового регулирования муниципальных правоотношений. Прежде всего, необходимо выделить четыре главных направления указанного правового регулирования:

1) реализация конституционных прав граждан на местное самоуправление через преодоление отчуждения публичной власти от населения и обеспечения реальных государственных гарантий местного

самоуправления [9; 10; 11; 12; 13; 18; 20];

2) обеспечение доминирующей роли непосредственной демократии, особенно на местном уровне [8];
3) развитие различных форм общественного контроля населения за органами муниципальной власти [6; 15];
4) конкретизация форм и обеспечение реальных механизмов ответственности выборных и назначаемых должностных лиц местного самоуправления перед населением [17; 19; 23].

Исходя из этих направлений, для совершенствования и обеспечения реальных гарантий местного самоуправления, в муниципальном праве России следует вернуться к законодательному решению следующих проблемных вопросов:

- должна быть четко определена правовая природа местного самоуправления исходя из двух противоречивых позиций: конституционной, отделяющей местное самоуправление от государственных органов и реальной ситуации, сложившейся в практике муниципального строительства. Необходим политико-правовой компромисс, который бы с одной стороны не «вырывал» местное самоуправление из политической системы общества, а с другой стороны не подчинял бы муниципальные органы государственным органам управления через механизмы административной и финансовой зависимости. Важен законодательно установленный баланс (предел) государственного «присутствия» в местных органах власти;
- федеральный законодатель должен уйти от детальной регламентации организационных основ местного самоуправления, обозначив лишь общие их демократические принципы и ограничения, связанные с перегрузкой муниципальных администраций сложными и несвойственными им государственными функциями. Главным должен стать принцип субсидиарности: на местный уровень должно быть передано только то, что там может быть более эффективно реализовано или исполнено, при обязательном конституционном условии – достаточности финансовых и материальных ресурсов;
- необходимо преодолеть противоречие в развитии местного самоуправления, которое состоит в несоответствии большого объема полномочий, формально предоставленного органам местного самоуправления и реальных финансовых и ресурсных возможностях для их практической реализации, т.к. сегодня в России сложилась ситуация, при которой лишь около 20% местных бюджетов обеспечены доходами от собственной налогооблагаемой базы муниципальных образований;
- серьезной проблемой, требующей своего законодательного решения, остается нехватка квалифицированных кадров.

Развитие различных форм общественного контроля, как направление совершенствования правового регулирования организации местного самоуправления, можно представить в виде деятельности, прежде всего, институтов гражданского общества и отдельных граждан. Она направлена на установление соответствия действий органов государственной власти нормам законодательства, а также на корректирование выявленных отклонений. Причем, корректирующая функция может осуществляться посредством обращения в уполномоченные государственные органы, либо к общественным институтам (Общественной палате РФ и палатам субъектов РФ, общественным советам и др.).

Совершенствование правового регулирования местного самоуправления связано с конкретизацией форм и обеспечением реальных механизмов ответственности выборных и назначаемых должностных лиц местного самоуправления перед населением.

Для повышения ответственности представительных органов местного самоуправления и депутатов необходимо вернуть в Федеральный закон о местном самоуправлении положение о представительской сущности представительных органов (они поэтому так и называются), установить подотчетность и прямую отзывную ответственность депутатов перед избирателями как реальную свободно реализуемую форму ответственности, наказы избирателей должны стать обязательной формой реализации депутатом народного доверия, полученного на выборах.

Проблемы обеспечения эффективной работы всех уровней муниципальной власти может быть рассмотрена в разных областях: правовой, экономической, социальной, политической и даже социально-психологической, так как нередко

субъективные отношения между руководителями государственных и муниципальных органов впрямую влияют на формы отношений государственной власти и местного самоуправления. Выработка необходимых и результативных форм взаимодействия долг всех структур власти.

Анализ особенностей реализации конституционных гарантий, зафиксированных в статье 133 Конституции РФ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, государство по отношению к местному самоуправлению берет на себя обязанность обеспечить судебную защиту прав как муниципального образования, так и его жителей.

Так, в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [2] одной из гарантий местного самоуправления является право на судебную защиту. В связи с этим органы местного самоуправления, главы муниципальных образований вправе обращаться в суды с заявлениями об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части не только по основаниям нарушения их компетенции (часть 2 статьи 251 ГПК РФ), но и по основаниям нарушения оспариваемым нормативным правовым актом или его частью других прав местного самоуправления.

Кроме того, имеется и позиция Конституционного суда, в соответствии с которой возможность заинтересованного лица обжаловать принятые органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами решения, включая нормативные правовые акты, воплощающая в себе как индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, так и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка, является неотъемлемой характеристикой нормативного содержания права каждого на судебную защиту, одной из необходимых и важнейших его составляющих (Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 № 182-О). [4]

Во-вторых, Российская Федерация обязуется обеспечить компенсацию тех дополнительных расходов, которые могут возникнуть в результате осуществления муниципальными образованиями решений, принятых органами государственной власти различных уровней.

Так, согласно Определению Конституционного Суда РФ от 05.02.2009 № 250-О-П [3] следует, что обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вне очереди жилыми помещениями не ниже установленных социальных норм может быть возложено на органы местного самоуправления только в случае наделения их соответствующими полномочиями в порядке, установленном Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Согласно Определению Верховного Суда РФ от 16.08.2006 № 93-Г06-8 решение Магаданского областного суда от 29 мая 2006 г. [5] оставлено без изменения, которым норма, установленная Законом Магаданской области от 23.12.2005 № 649-ОЗ «О субсидиях бюджетам муниципальных образований Магаданской области для снижения платежей потребителей, в том числе населения, тепловой энергии, вырабатываемой электрокотельными» предусматривающая, что субсидии выделяются бюджетам муниципальных образований Магаданской области при условии софинансирования не менее 5 процентов объема средств, направляемых на выравнивание тарифов на тепловую энергию, вырабатываемую электрокотельными, до уровня тарифов на тепловую энергию, вырабатываемую котельными, работающими на органическом топливе, признана противоречащей федеральному законодательству*.

Как следует из материалов дела, условием предоставления субсидии и выполнения бюджетных обязательств Магаданской области п. 4 ст. 2 Закона N 649-ОЗ предусматривает направление из бюджетов муниципальных образований на снижение платежей населения за услуги тепло- и электроснабжения денежных средств в размере не менее 5% от объема средств на указанные цели, предусмотренные в областном фонде софинансирования социальных расходов в 2006 году, то есть устанавливает определенный объем расходных обязательств местных бюджетов.

Суд посчитал, что такое правовое положение фактически определяет объем расходов за счет средств местных бюджетов и это противоречит принципам правового регулирования полномочий органов местного самоуправления, установленным ч. 3 ст. 18 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ, а также

принципам самостоятельности бюджетов (ст. 31 БК РФ) в части нарушения прав органов местного самоуправления самостоятельно обеспечивать сбалансированность бюджета и эффективность использования бюджетных средств, на соответствующем уровне бюджетной системы Российской Федерации самостоятельно осуществлять бюджетный процесс, в соответствии с Бюджетным кодексом РФ самостоятельно определять формы и направления расходования средств бюджета, а также бюджетным полномочиям органов местного самоуправления в части самостоятельного установления и исполнения расходных обязательств муниципальных образований (ст. 9 БК РФ).

В-третьих, местное самоуправление гарантируется установлением конституционного запрета на ограничение его прав, закрепленных Конституцией РФ, федеральными конституционными и федеральными законами, нормативно-правовыми актами субъектов Федерации.

Так, Постановлением Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» часть четвертая статьи 7 и пункт 2 главы IV Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»» признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 32 (часть 2), 130 (часть 2), 131 (часть 2), постольку, поскольку в случае создания органов государственной власти районов, городов республиканского подчинения и соответствующего преобразования видов муниципальных образований полномочия органов самоуправления районов и городов, имеющих согласно статье 74 Конституции Удмуртской Республики статус административно-территориальных единиц, входящих в состав Удмуртской Республики, не могут быть прекращены досрочно без учета мнения населения на основаниях и в формах, предусмотренных законами Удмуртской Республики, принятыми в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1].

Таким образом, федеральные органы и органы власти субъектов РФ должны как бы ограничивать свои полномочия в пользу расширения права народа на самоуправление.

Однако в практике государственно-властного управления наблюдается тенденция нарастания административно-командных методов, которые как, казалось бы, ушли в прошлое вместе с советским периодом, характерным признаком которого они были.

Правовая сущность местного самоуправления, заключающаяся в приоритете интересов населения при организации управления определенной территорией в виде прямой и представительной демократии, вступает в противоречие с административно-командной системой государственного управления, которая не предполагает широкого применения коллективных форм власти и управления.

По организационным формам методы муниципального управления весьма разнообразны, т.к. решение повседневных задач жизнедеятельности населения чаще всего требует нестандартных подходов. Основными среди них можно назвать: метод стратегического планирования, программно-целевой, текущего анализа, контрольно-проверочный, прогноза и др. Административно-командные методы являются только небольшой частью целой системы методов муниципального управления, а значит, их приоритетное использование существенно обедняет и сужает управленческие возможности муниципальных органов и формирует ряд проблем, с которыми сталкивается современное местное самоуправление в России.

Во-первых, с точки зрения правоприменения действующего законодательства органы местного самоуправления сталкиваются с целым рядом проблем, связанных с невозможностью его исполнения по причинам отсутствия необходимых финансовых, материальных и кадровых ресурсов. Разработка каких-либо перспективных планов и программ в этом случае просто невозможна.

Во-вторых, сложилась негативная тенденция изъятия муниципальных полномочий на уровень субъекта РФ, а затем передачи их обратно как отдельных государственных. Более того, такие процедуры чаще всего проводятся без согласования с органами местного самоуправления. Поэтому нарастает процесс «огосударствления» местного самоуправления и усиливается административно-финансовая зависимость муниципальных органов от государства.

В-третьих, административно-командные методы руководства территориями приводят к

бюрократической формализации участия населения в управлении местными и государственными делами. Почему-то считается нормальным замена прямых форм реализации этого конституционного права граждан на всякого рода электронные и заорганизованные формы «информирования» населения.

В качестве общего вывода, можно сказать, что современные проблемы муниципального права, как ни в каких других отраслях российского права, непосредственно и органично связаны с жизнедеятельностью населения муниципальных образований, что носит не только публичный характер их решения, но и требует постоянного и внимательного мониторинга изменяющихся условий этой жизни. Муниципальное право требует высокого уровня социальной ответственности за последствия правового регулирования муниципальных отношений и правоприменения его норм на всех уровнях власти: федеральном, региональном и местном, с точки зрения их влияния на судьбы конкретных людей.

Примечания

* Заявление о признании недействующим п. 4 ст. 2 Закона Магаданской области «О субсидиях бюджетам муниципальных образований Магаданской области для снижения платежей потребителей, в том числе населения, тепловой энергии, вырабатываемой электрокотельными» от 23.12.2005 № 649-ОЗ удовлетворено правомерно, поскольку оспариваемая норма устанавливает расходные обязательства бюджетов муниципальных образований, что противоречит принципам правового регулирования полномочий органов местного самоуправления и самостоятельности бюджетов.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» часть четвертая статьи 7 и пункт 2 главы IV Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»» // Российская газета. – 1997. – 6 февраля.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // Российская газета. – 2007. – 8 декабря.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2009 n 250-О-П «По жалобе муниципального образования – городского округа «Город Чита» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 5.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2006 № 182-О «По жалобам гражданина Каплина Александра Евгеньевича, открытого акционерного общества «Кузбассэнерго», общества с ограниченной ответственностью «Деловой центр «Гагаринский» и закрытого акционерного общества «Инновационно-финансовый центр «Гагаринский» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 части 1 статьи 150, статьи 192 и части 5 статьи 195 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. . – 2006. – 3 октября.
5. Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2006 № 93-Г06-8 // UTL: http://www.consultant.ru
6. Байтимиров Р.И., Кушубакова Б.К. Развитие общественного контроля в сфере ЖКХ и оценка его возможностей противодействия коррупции // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 166-172.
7. Баранчиков В.А. Муниципальное право РФ: Учебник. – М.: Экзамен, 2005.
8. Булатов Р.Б. Муниципальная демократия и механизм ее осуществления: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. – 187 с.
9. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Андрейцо С.Ю. Эффективность правозащитной функции органов муниципальной власти: пути обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 79-90.
10. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности.

– СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
11. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: актуальность проблемы и некоторые итоги размышлений // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 51-58.
12. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Механизм правозащитной деятельности органов муниципальной власти: понятие, содержание и особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 121-135.
13. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
14. Васильев В. И. Муниципальное право России: Учебник. – М.: Юстицинформ, 2008.
15. Кабанов П.А. Общественная экспертиза как форма общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в сфере противодействия коррупции: теоретико-правовой анализ // Политика и общество. – 2014. – № 10(118). – С. 1168-1169.
16. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: Учебник, 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006.
17. Медведев С.М. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц в механизме охраны прав, свобод и законных интересов граждан (теоретико-правовой аспект): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011.
18. Медведев С.М., Числов А.И. Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
19. Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46.
20. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
21. Муниципальное право России: Учебник для бакалавров / Под ред. А.Н. Кокотова, – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013.
22. Муниципальное право: Учебник для бакалавров / Отв. ред. В.И. Фадеев. – М.: Проспект, 2013.
23. Роженцев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
24. Шугрина Е.С. Муниципальное право: Учебник, 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова АН Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

ДОДОЗОДА Абдуманон Махсуд,
соискатель отдела частного права Института философии, политологии и права имени А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: adodoev@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ПОНЯТИЕ ВИНЫ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЮРИДИЧЕСКИМ И ФИЗИЧЕСКИМ ЛИЦАМ

Аннотация. *Рассматривается понятие вины в гражданском и предпринимательском праве применительно к юридическим лицам. Анализируются различные концепции вины юридического лица и его отдельных представителей – работников и служащих. Обсуждается вопрос ответственности за причиненный вред по принципу вины и по принципу причинения.*

Ключевые слова: *вина; юридическое лицо; ответственность; причинитель вреда.*

BABADZANOV I. Kh.
DODOZODA A.M.

THE CONCEPT OF GUILT IN RELATION TO LEGAL ENTITIES AND INDIVIDUALS

The summary. *The concept of guilt in civil and entrepreneurial law as applied to legal entities is considered. Various concepts of guilt of a legal entity and its individual representatives – employees and employees are analyzed. The issue of liability for damage caused by the guilt principle and the principle of infliction is discussed.*

Key words: *wine; entity; a responsibility; the cause of harm.*

Особо примечательна развернувшаяся в юридической литературе дискуссия по поводу понятия вины с гражданском и предпринимательском праве применительно к юридическим лицам. Именно здесь сознательно-волевая концепция понятия вины как психического отношения нарушителя к своему поведению и его результату вызывала наибольшие сомнения [9]. Высказывались самые различные позиции: от объяснений понятия вины юридического лица через «психическое отношение» к допущенным нарушениям со стороны его работников или его органов до категорического непринятия концепции «психического отношения» к ответственности юридического лица. Это особенно интересно в свете развернувшейся в настоящее время в юридической литературе дискуссии по поводу уголовной ответственности юридических лиц [10; 11; 20; 74; 75; 76; 78; 79; 81; 82; 83; 84].

Как известно, А.В. Венедиктов определял юридическое лицо как «коллектив трудящихся, осуществляющий предусмотренные законом, административным актом или уставом задачи, имеющий урегулированную в том же порядке организацию, обладающий на том или ином праве и в той или иной мере обособленным имуществом и выступающий в гражданском обороте от своего имени в качестве самостоятельного (особого) носителя гражданских прав и обязанностей» [14, стр. 667].

По утверждению С.Н. Братуся, правосубъектность юридического лица (и прежде всего такие ее признаки, как организационное единство и имущественная обособленность) проявляется вовне через его имущественную ответственность. Именно С.Н. Братусем в рамках учения о юридических лицах впервые был поставлен вопрос о соотношении коллективной и индивидуальной воль. При этом отмечалось, что воля и действия юридического лица состоят из воли и действий его органов. Однако воля и деятельность юридического лица не могут быть сведены к простой сумме воль и действий лиц, его составляющих, и лиц, им управляющих. Деятельность юридического лица хотя и складывается из индивидуальных волевых действий, но не сводится к ним механически. Она представляет собою новое качество, отличающееся от своих слагаемых [13, стр. 15, 151].

Представления о юридическом лице как о коллективе трудящихся, действующем вовне через свои органы, деятельность которого слагается из действий его участников (работников) и органов, однако же не сводится лишь к их сложению, а представляет собой новое качество, нечто самостоятельное, служили теоретической базой для выработки различных концепций вины юридического лица.

Г.К. Матвеев утверждал, что, «возлагая ответственность на юридическое лицо, суды и арбитражи имеют в виду его вину. Психологическим ее содержанием является порочная воля (и сознание) работников юридического лица в виде умысла или неосторожности. Однако, будучи выраженной в противоправных действиях (например, в поставке недоброкачественного товара или в причинении увечья), эта воля приобретает затем относительно самостоятельный и независимый характер и рассматривается как новое качество в виде субъективного (психологического) отношения коллектива к своим противоправным действиям и их вредным последствиям» [46, стр. 241]. По пути к этому выводу Г.К. Матвеев делает ряд весьма примечательных заключений, на которые нельзя не обратить внимание. В частности, Г.К. Матвеев указывал, что, решая вопрос об ответственности юридических лиц, судебные и арбитражные органы не должны упускать из поля своего зрения субъективную сторону допущенных правонарушений, «т.е. субъективное отношение конкретных лиц к своим противоправным действиям и их вредным последствиям независимо от того, являются ли эти лица работниками органа юридического лица (его руководителями) либо рядовыми членами (рабочими и служащими) данной организации, учреждения, предприятия. Таким представляется принцип вины в отношении ответственности юридических лиц» [46, стр. 221].

Говоря о вине юридического лица как о совокупности индивидуальных провинностей его органа и членов (участников), Г.К. Матвеев специально подчеркивал, что вина одного из них не обязательно должна быть связана во всех случаях с виной другого, и, более того, рассматривал три различные ситуации соотношения вины соответственно органа юридического лица и его работников (участников), когда: вина органа есть, но нет вины членов (участников) юридического лица; вины органа нет, но есть вина членов (участников) юридического лица; вина органа и вина члена (участника) юридического

лица совпадают. Но самым парадоксальным выглядит вывод Г.К. Матвеева из анализа этих трех ситуаций: оказывается, что «юридическое лицо может быть признано невиновным только в том случае, если докажет невиновность своего органа и своих членов (участников), т.е. только тогда, когда будет установлено, что противоправное действие (бездействие) юридического лица и последовавший за ним ущерб явились результатом таких обстоятельств, которые ни орган, ни члены (участники) юридического лица предотвратить не могли»(?!) [46, стр. 232].

Нельзя сказать, что изложенные здесь взгляды Г.К. Матвеева не встречали возражений со стороны некоторых авторов. Однако эти возражения зачастую лишь корректировали позицию, не затрагивая ее сути. Например, В.Т. Смирнов писал: «Говоря о воле коллектива, мы, естественно, отвлекаемся от индивидуальной воли его участников и не учитываем даже те случаи, когда воля индивидуума не согласуется с волей большинства коллектива. Но нельзя при этом забывать о процессе образования воли коллектива. Воля коллектива людей, чтобы стать их коллективной волей, должна быть согласована в своем единстве... Нет необходимости доказывать, что это может иметь место лишь при правомерной деятельности, но не при правонарушениях... Наоборот, деликт является, как правило, результатом противопоставления индивидуумом своей воли воле коллектива, членом которого он является, и воле советского народа (нашедшей свое закрепление в законе) в целом» [69, стр. 270-271]. Поэтому, заключает В.Т. Смирнов, «вина отдельных работников и вина юридического лица, по крайней мере в области деликтной ответственности, совпадают. Вина отдельного работника, допустившего упущение или неправильное действие при исполнении и в связи с исполнением своих служебных (трудовых) обязанностей, составляет вину юридического лица» [69, стр.271].

Напротив, по мнению О.С. Иоффе, поскольку «юридическое лицо – это организованный коллектив, обладающий коллективным сознанием и коллективной волей, то оно способно и к такому сознательно – волевому отношению, которое образует содержание вины. Вина юридического лица может выразиться в виновных действиях его работника, совершенных в связи с трудовыми функциями, она может быть также рассредоточена между различными подразделениями юридического лица, когда вина конкретного работника исключается. Но при всех условиях вина юридического лица – это вина не индивида, а коллектива, причем последующее полное или частичное переложение убытков, возмещенных юридическим лицом, на их конкретного виновника ничего в существе дела не меняет» [29, стр. 137].

М.М. Агарков полагал, что действия отдельных представителей работников и служащих юридических лиц не могут рассматриваться в качестве вины юридического лица. Он считал, что хотя юридические лица и отвечают перед другими за вину своих представителей, но отвечают в этом случае не как за «чужую» вину [2, стр. 131]. Аналогичных взглядов придерживались и некоторые другие авторы [36, стр. 130].

Вместе с тем в юридической литературе можно встретить позиции, принципиально отличающиеся от ранее изложенных. Например, Л.И. Картужанским применительно к плановым договорам вовсе отрицалась необходимость доказывания вины юридического лица – должника. Он считал, что «всякое неисполнение договора, опосредствующего обязательства, всегда недопустимо, будет ли это неисполнение по объему, по сроку, по качеству и т.д. И потому право требовать возмещения не связано с доказыванием вины в положительном или отрицательном смысле» [33, стр. 105].

Заслуживает внимания позиция правоведов, которые на практике занимались правоприменительной деятельностью. В частности, Г.С. Шапкина отмечает, что «обсуждение вопроса о вине юридического лица при невыполнении обязательства ведется, как правило, в плане того, могло ли предприятие обеспечить выполнение обязательства или не могло по обстоятельствам, которые оказались для него непредотвратимыми, несмотря на принятые меры» [48, стр. 154-155]. Б.И. Пугинский указывает на логическую непоследовательность вывода о том, что вина не может быть ничем иным, как психическим отношением руководителей (коллектива, администрации) организаций и граждан к своим ненадлежащим действиям и их возможным последствиям. «Нет спора о том, что при совершении неправомерных действий работники организаций, а также граждане осознают значение своих поступков, и потому их поведение может

быть квалифицировано как умышленное либо неосторожное. Однако такая самооценка, ее характер не играют никакой роли в применении ответственности... до психического отношения должника к своим поступкам нет дела ни лицу, права и интересы которого нарушены, ни юрисдикционному органу, которому придется рассматривать иск. Изучение деятельности суда и арбитража по разрешению споров показывает, что они не занимаются проверкой субъективного отношения граждан и работников организаций к допущенному нарушению» [53, стр. 150-151].

По мнению В.В. Витрянского, концепция вины как психического отношения нарушителя к своему поведению и его результату, несмотря на явную ее несовместимость с традиционной цивилистикой и практическую ее бесполезность, имела столь широкое распространение в силу некоторых методологических причин, свойственных советскому периоду гражданского права.

Говоря о порочной методологии, породившей на свет концепцию вины как психического отношения правонарушителя к своему поведению и его вредным последствиям, следует выделить два уровня причин ошибочного подхода с точки зрения методологии исследования понятия вины в гражданском праве: частно-научный и глобальный.

Во-первых, появлению указанной концепции в немалой степени способствовало искусственное привнесение в цивилистику чуждых ей положений и методов исследования гражданско-правовых проблем из других наук и областей познания: материалистической философии, советской психологии, уголовного права. Такой подход не скрывался, а, напротив, всячески пропагандировался сторонниками «психологической» концепции вины. Например, Г.К. Матвеев утверждает: «Подлинно научное истолкование этого юридического понятия немыслимо в отрыве от основ общественного, государственного и правового строя. Несмотря на то что вина есть правовое понятие, раскрыть его содержание невозможно при помощи одних юридических приемов, поскольку общепсихологическими предпосылками понятия вины служат исходные философские положения о свободе воли и необходимости, об активной деятельности человека, направленной на изменение объективного мира, и т.п., которые в свою очередь могут быть уяснены лишь как исторические, т.е. применительно к условиям места и времени» [46, стр. 174]. В этом смысле примечательна уже сама постановка Г.К. Матвеевым задачи исследования вины как гражданско-правовой категории: «Можно ли волю и сознание человека рассматривать как свободные от биологических процессов, происходящих в мозгу человека, и от объективных условий его жизни либо же его воля и сознание закономерно и необходимо обусловлены определенными материальными факторами, которые существуют независимо от воли и сознания и с помощью мозга получают лишь отражение в психике человека? Наконец, как понимать само это отражение: как пассивный или, напротив, как активный творческий процесс? Поставив так вопрос, мы неизбежно обращаемся к общефилософской проблеме необходимости и свободы воли, а в конечном счете к проблеме соотношения общественного бытия и сознания, материи и мышления» [46, стр. 177].

И тут В.В. Витрянский задает вопрос: какое все это имеет значение применительно к выяснению сущности гражданско-правовой категории вины как одного из условий ответственности участника имущественного оборота, нарушившего субъективные гражданские права другого участника имущественного оборота, когда речь идет о возмещении убытков, причиненных таким нарушением, и восстановлении тем самым нарушенных прав? К каким выводам может прийти исследователь, поставивший перед собой такие задачи?

Несоответствие научных методов исследования его предмету при неуемном желании сделать значимые выводы, основанные на используемых методах, во многом предопределило психологическую концепцию вины.

Еще большее значение в деле утверждения психологической концепции вины имела рецепция – простое заимствование понятия вины из уголовно – правовой доктрины. На страницах своей книги Г.К. Матвеев многократно упрекает цивилистов в том, что они не проявляют усердия в совершенствовании и развитии категории состава правонарушения и его субъективной стороны – вины, и ставит в этом плане им в пример работы правоведов в области уголовного права. Показательный факт – в цивилистической работе Г.К. Матвеева количество ссылок на уголовно – правовые исследования

едва ли не превышает число таких же ссылок на научные труды в области гражданского права. Да и в целом за научную основу исследования вины в гражданском праве Г.К. Матвеев принимает понятие уголовной вины, предложенное А.А. Пионтковским, который утверждал, что вина – это «умысел или неосторожность лица, выраженные в деянии, опасном для основ советского строя или социалистического правопорядка, и осуждаемые поэтому социалистическим законом и коммунистической нравственностью» [46, стр. 183-184]. Хотя уже из этого определения понятия уголовной вины очевидна его принципиальная неприемлемость для гражданского права: ведь главным в уголовной вине являются моменты, опасные для общества, а потому осуждаемые государством. И именно для определения степени опасности преступника для общества необходимо уяснение, каково же его психическое отношение к совершенному преступлению и его последствиям. И как раз в этом смысле уголовная вина не имеет ничего общего с понятием вины в гражданском праве.

Во-вторых, появление психологической концепции гражданско-правовой вины было во многом предопределено господствовавшей в советском обществе идеологией. Ее воплощение применительно к гражданско-правовой вине в работе Г.К. Матвеева можно обнаружить во многих местах. Например, автор указывает, что «психологическое объяснение понятия вины убедительно подтверждает сделанный ранее вывод о том, что вина есть понятие историческое, классовое. Каждый класс имеет свои представления о праве, нравственности, порождаемые определенными производственными отношениями. У каждого класса есть и свое собственное представление о вине как основании ответственности» [46, стр. 182]. Или в другом месте: «Всякое виновное действие, наносящее вред социалистическому обществу и посягающее на его правопорядок, получает у нас не только правовое, но и моральное осуждение. Правовое и моральное осуждение не противоречат, а дополняют друг друга и сочетаются. Отсюда – противоправная вина является вместе с тем и моральной виной; виновный в нарушении советского закона виновен и в нарушении правил коммунистической нравственности» [46, стр. 201] и т.п.

Влиянием той же агрессивной идеологии можно объяснить и игнорирование выработанных в ходе тысячелетнего развития традиционных цивилистических конструкций. Свидетельством тому может служить следующая фраза из работы Г.К. Матвеева: «Советское социалистическое право, не знающее деления на публичное и частное, призвано к защите общественного, политического и экономического строя социализма. Любые посягательства на этот строй, угрожающие интересам социалистического общества и его граждан, вызывают отрицательную санкцию со стороны Советского государства, его органов, в частности судебных и арбитражных» [46, стр. 192].

Таким образом, В.В. Витрянский не соглашаясь с концепцией вины как психического отношения, именует его неким «гипотетическим отношением», а методологию, которая породила концепцию вины как психического отношения правонарушителя к своему поведению и его вредным последствиям, называет порочной.

Такую же мысль придерживается и Е.А.Суханов. Он отмечает, что «в большинство случаев, прежде всего в договорных отношениях, невозможно, да и не нужно устанавливать вину конкретного должностного лица или работника юридического лица в ненадлежащем исполнении обязательства, возложенного на организацию в целом». Вот почему «гражданское законодательство отказалось от традиционного для уголовно-правовой сферы подхода к пониманию вины». Таким образом, «виной в гражданском праве следует признавать непринятие правонарушителем всех возможных мер по предотвращению неблагоприятных последствий своего поведения, необходимых при той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру лежащих на нем обязанностей и конкретным условиям оборота» [72, стр. 608].

Такой новый научный взгляд трактовки вины заслуживает внимания, потому что «вина переводится из области трудно доказуемых субъективных психических ощущений конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений, где их реальное поведение сопоставляется с определенным масштабом должного поведения» [72, стр. 608-609].

Несмотря на нормативную основу такого подхода (ст.432 ГК РТ), представляется

неправильным отрицания психического начала в такой «заботливости» и «осмотрительности». Правильно было бы признать «заботливость» и «осмотрительность» как внешнее выражение психического отношения человека к своим действиям и неблагоприятных последствии.

Возражая М. И. Брагинскому и В. В. Витрянскому, авторы монографии по общей теории юридической ответственности отмечают, что в цивилистику привносились не уголовно-правовые подходы к понятию вины, а учение о свободе воли, о детерминистической природе человеческого поведения, об обусловленности действий человека его сознанием. Если встать на другую позицию, то в гражданском праве необходимо отказаться от понятия деликтоспособности, дееспособности – т. е. от всего, что так или иначе связано с психическим отношением, ведь последнее включает в себя сознание и волю субъекта. Вина носит отнюдь не гипотетический характер, она существует в виде отношения человека, причем активного отношения, в виде того, что было переработано сознанием человека и что нашло отражение в его объективной деятельности. Затем они цитируют: «Сознание – это не только отражение, но и отношение человека к окружающему; при этом отражение и отношение не внеположены. Само отражение включает отношение к отражаемым предметам» [54, стр. 58]. Ответственность рассчитана на воздействие в отношении субъекта, обладающего способностью осознавать свои действия и руководить ими, на субъекта, который осознавал свои действия, – в этом заключается суть психологического понимания вины. М. И. Брагинский и В. В. Витрянский выделяют три формы вины в гражданском праве, желая того или нет, возвращаются на позиции психологического понимания вины: умышленная вина связана с намеренными действиями, а такие действия не могут проявиться вне сознания субъекта, если, конечно, не основываться на принципе «стимул-реакция» [86, стр. 341-342].

И так, авторы стремятся перевести вину из субъективной (психической) сферы в объективную, а значит, допускают существование «завуалированной» ответственности без вины [45, стр. 839; 49, стр. 20].

В гражданском праве вина подразделяется на умысел, грубую неосторожность и простую неосторожность. В действующем гражданском законодательстве принцип ответственности за вину закреплен в качестве общего и ведущего принципа гражданско-правовой ответственности [27; 35; 70, стр. 79-87; 90, стр. 6-56]. Важной особенностью вины как условия деликтной ответственности является то, что ее форма по общему правилу на размер ответственности не влияет, кроме случаев, специально указанных в законе, например при учете вины потерпевшего (ст. 1099 ГК РТ). Таким образом, вина в гражданском праве не является мерой ответственности. В любом случае – был ли причинен вред умышленно или по неосторожности, причинитель обязан полностью его возместить. Гражданский кодекс различает умысел в целом (без выделения прямого и косвенного) и неосторожность грубую или простую. Неосторожность выражается в таком отношении лица к своим поступкам, которое характеризуется нарушением должной внимательности, заботливости, предусмотрительности, определяемой характером соответствующего вида деятельности и особенностями осуществляющего его субъекта. При грубой неосторожности нарушаются обычные (очевидные для всех) элементарные требования, предъявляемые к лицу, осуществляющему определенную деятельность.

Лицо, допустившее легкую неосторожность, соблюдает элементарные требования предусмотрительности. Однако этого оказывается недостаточно для надлежащего исполнения обязательства, так как характер деятельности и конкретная обстановка требуют от него проявления большей внимательности и осмотрительности.

В.Т.Смирнов характеризует психическое состояние лица при неосторожной вине следующим образом. По господствующему в то время в литературе мнению неосторожная вина определяется как отсутствие должной предусмотрительности, должной внимательности: лицо не осознавало упречности, не предвидело вредных последствий своего поведения, но могло и должно было это осознавать и предвидеть. Следовательно, психическое состояние лица при неосторожной вине характеризуется отрицательным моментом – отсутствием осознания и предвидения результата своего поведения. Считая такое решение неудовлетворительным, некоторые авторы пытались найти положительное содержание психического момента при неосторожной вине. Так, Б. С. Антимонов положительное содержание психики

при неосторожной вине усматривает в положительном психическом процессе в действии, предшествующем тому, которое вызвало наступление вреда (так называемая теория предшествующей вины). Эта конструкция неосторожной вины вызвала критику в литературе как ошибочная с теоретической и неприемлемая с практической точек зрения. М. М. Агарков предложил определять неосторожную вину как упречное состояние интеллекта, а умысел как упречное состояние воли.

Кроме того, такое понятие неосторожной вины неприемлемо и потому, что оно дает лишь качественную оценку (упречное состояние) психики лица, но не раскрывает ее содержания при неосторожной вине [68, стр. 57-63].

Ст. 1079 ГК РТ устанавливает презумпцию вины правонарушителя, допустив при этом возможность доказывания им обратного. По справедливому утверждению В. А. Ойгензихта, презумпция означает лишь то, что предположение является достаточным основанием для признания лица виновным [50, стр. 27].

Конечно, основанием для этого, прежде всего, является трудность доказывания истцом вины ответчика. Ответчику в некоторых случаях легче доказать отсутствие вины, чем истцу ее наличие.

Учету подлежит не только вина причинителя, но и потерпевшего (за исключением простой неосторожности). Согласно ст. 1083 ГК возмещению не подлежит вред, возникший вследствие умысла потерпевшего. При грубой неосторожности потерпевшего, если она содействовала возникновению или увеличению вреда в зависимости от степени вины потерпевшего и причинителя вреда, размер возмещения должен быть уменьшен. А в случае грубой неосторожности потерпевшего и отсутствия вины причинителя вреда в случаях, когда его обязанность возместить причиненный вред наступает независимо от вины, размер возмещения должен быть уменьшен или в возмещении вреда может быть отказано, если законом не предусмотрено иное. Однако при причинении вреда жизни или здоровью гражданина отказ в возмещении вреда не допускается. Также вина потерпевшего не учитывается при возмещении дополнительных расходов (п. 1 ст. 1085 ГК), при возмещении вреда в связи со смертью кормильца (ст. 1089 ГК), а также при возмещении расходов на погребение (ст. 1094 ГК).

По мнению В.А. Воробьева, вина причинителя вреда (в широком смысле слова, включая лиц, не являющихся причинителями, но обязанных возмещать вред) является фактом-условием, завершающим фактический состав, необходимый для возникновения деликтной ответственности. Как принято утверждать в правовой литературе, принцип ответственности за вину имеет общее значение и является одним из принципов «генерального деликта». Закон предусматривает исключения из этого принципа, но они не могут быть основаниями для того, чтобы отвергать сам принцип. С этим утверждением, хотя оно и является господствующим, можно согласиться лишь частично. В гражданском праве, в том числе в деликтных обязательствах, исключений из принципа вины столько, что уже пора говорить о перерастании количественных изменений в качественные. Так называемая безвиновная ответственность предусмотрена в ст.ст. 1084, 1086, 1093, 1094, 1111 ГК РТ, а это уже немало. В связи с этим понятие «безвиновная ответственность» является достаточно спорным. Если ответственность является санкцией за неправомерное поведение, то трудно согласиться с приложением этого понятия к случаям возмещения вреда, причиненного при случайных обстоятельствах, независящих от его причинителя, не говоря уже о причинении вреда правомерными действиями, когда закон обязывает его возместить [15, стр. 164].

В литературе предлагают разграничивать гражданско-правовую ответственность за причинение вреда и обязательства из причинения вреда, не являющиеся мерой ответственности. Критерием разграничения будет служить отсутствие одного из элементов состава правонарушения. Применительно к обязательствам из причинения вреда это отсутствие в действиях лица, обязанного возместить вред, вины или противоправности. Нельзя наказывать лицо за невиновные или правомерные действия, так как всякая мера ответственности призвана дисциплинировать участников гражданского оборота. Сущность обязанности возместить случайно причиненный вред отлична от сущности ответственности и заключается в одностороннем властном воздействии государства на причинителя вреда в целях устранения отрицательных имущественных последствий его поведения. Поскольку случайное причинение вреда не

воплощает безответственность субъекта, обязанность возместить вред при таких обстоятельствах не носит характера реакции на безответственность и не может быть нацелена на достижение в будущем результата в виде предупреждения совершения субъектом аналогичных правонарушений [19, стр. 12]. В связи с этим, некоторые авторы не согласны с точкой зрения, высказанной Г.К. Матвеевым, о возможности возникновения безвиновной ответственности [46, стр. 15].

Так, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский пишут, что «Другим доводом, приводимым в оправдание отхода науки гражданского права от трактовки вины как психического отношения, является труднодоказуемость психического отношения. Авторы учебника по гражданскому праву пишут: «...вина в гражданском праве рассматривается не как субъективное, психическое отношение лица к своему поведению, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий... Иначе говоря, здесь вина переводится из области труднодоказуемых субъективных психических ощущений конкретного человека в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений, где их реальное поведение сопоставляется с определенным масштабом должного поведения» [17, стр. 448]. Так называемая «труднодоказуемость» находится в сфере процессуального, а не материального права. «Оба аспекта (субъективный и объективный) неизбежно присутствуют в вине» [87, стр. 25], ведь в понятиях «заботливость» и «осмотрительность» налицо сочетание объективного и субъективного моментов. Через заботливость и осмотрительность проявляется психическое отношение субъекта.

Законы вызывают уважение и соблюдаются лишь тогда, когда они сами соответствуют общечеловеческим принципам гуманизма, справедливости, когда они рассчитаны на волевое и осознанное поведение дееспособного субъекта. Ученые-цивилисты должны не оправдывать существование неприемлемых норм необходимостью удовлетворения требований потерпевшего, а разрабатывать рекомендации по совершенствованию института страхования. Механизм ответственности рассчитан на воздействие в отношении субъекта, обладающего способностью адекватно воспринимать социальную действительность и руководить своими действиями. Примечательно, что большинство экспертов (74,25%) считают, что законодательство должно идти по пути свертывания института юридической ответственности без вины.

Принцип виновности деяния придает карательной функции справедливость и соразмерность, ставя силу карательного воздействия в зависимость от степени и характера вины» [86, стр. 342-343]. Ученые привлекают в качестве аргумента своей позиции философско-правовую категорию «справедливость» [26; 30; 88; 89; 91; 92].

«Воспитательная функция юридической ответственности осуществляется в отношении правонарушителей, совершивших деяния виновно. Эта функция не может осуществляться в отношении лиц, совершивших лишь объективно противоправные деяния. Лицо, совершившее деяние без вины, не понимает упречности своего поведения, не понимает, в чем заключалась недозволенность его действий, какие внутренние установки ему необходимо изменить или совершенствовать. Например, ответственность в предпринимательских отношениях не зависит от вины, а вина в гражданском праве выводится из понятий «заботливость» и «осмотрительность». Вот и получается, что, как бы заботливо или осмотрительно ни действовало лицо, для него все равно наступит ответственность. Не выполняет в этом случае ответственность и свою превентивную функцию. Если в процессе функционирования ответственности одновременно с карательной и восстановительной функциями не осуществляются воспитательная и превентивная – налицо дисфункция юридической ответственности. Последняя оказывается лишена всякого смысла и превращается в средневековую кару. 79% проанкетированных экспертов указали, что юридическая ответственность без вины неспособна осуществлять воспитательную функцию, 75% опрошенных видят в юридической ответственности без вины только бессмысленную кару. Более 79% экспертов считают, что ответственность без вины не способна осуществлять превентивную функцию. Таким образом, можно утверждать, что в юридической ответственности без вины проявляются не функции юридической ответственности, а ее дисфункции.

Принцип виновности деяния – это отправная идея, закрепленная в действующем законодательстве, предписывающая установление

и применение юридической ответственности только в отношении тех коллективных или индивидуальных субъектов, в чьих деяниях имеется вина» [86, стр. 344-345]. Например, известно, что исследователи уголовной политики все чаще в качестве ее составных элементов называют уголовно-превентивную политику [3, стр. 273-274; 56], наряду с такими элементами, как уголовно-правовая политика [24; 63], уголовно-процессуальная политика [62; 64], оперативно-розыскная политика [21; 22; 23; 58; 59; 77; 80], уголовно-исполнительная политика [57; 60; 61], уголовно-организационная политика [3, стр. 278-281]. А криминология, скажем, полностью строится на превенции [31; 37; 38; 39; 40; 43; 44]. Поэтому акцентирование внимания Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским на учете превенции в системе юридической, в том числе гражданско-правовой ответственности, весьма значимо.

Обоснование ответственности независимо от вины в гражданском праве имеет достаточно большую историю. Так, О.С. Иоффе справедливо отмечал, что несмотря на то, что ответственность за вину, за совершение виновных действий составляет основной принцип ответственности, однако в ряде случаев можно привлечь к ответственности и при отсутствии вины, причем случаи этого рода в гражданском праве весьма многочисленны. Далее автор отмечает, что привлечение к ответственности независимо от вины отнюдь не колеблет ни общего принципа ответственности за вину, ни того факта, что этот принцип является единым для всех отраслей [28, стр. 118-119].

В свою очередь С.С. Алексеев утверждал, что «по чисто практическим соображениям в нынешних условиях невозможно ограничение понятия ответственности только случаями правонарушений, связанных с общественным осуждением правонарушителя, т.е. виновных правонарушений». По мнению С.С. Алексеева, «наряду с основным видом ответственности, т.е. ответственности, основанной на виновных правонарушениях и нераздельно с общественным осуждением правонарушителя, необходимо указать на существование ответственности, основанной на объективно противоправных деяниях и не связанной с общественным осуждением правонарушителя, его виной» [5, стр. 194-195].

А.М. Белякова также считала, что «наряду с ответственностью за вину действующее право предусматривает ответственность независимо от вины, по принципу причинения. Случаи ответственности независимо от вины известны как в договорной сфере, так и в сфере обязательств из причинения вреда» [12, стр. 3-7].

За существование ответственности независимо от вины высказывались и Б.И. Гомберг [16], В.М. Савицкий и Е.А. Флейшиц [55, стр. 14], К.К. Яичков [93], Б.С. Антимонов [7, стр. 178].

И.А. Покровский наглядно анализирует переход от принципа причинения к принципу вины и причины обратного процесса. Так, он пишет, что в древних правах ответственность связывалась с простым фактом причинения вреда; ни в какие вопросы субъективной виновности примитивное право не входило. «Желал ли правонарушитель причинить вред или не желал, сознавал ли он свое деяние или не сознавал – все это было безразлично, все это были такие моменты, которым не придавалось никакое значение. Вследствие этого к ответственности (как гражданской, так и уголовной) привлекались даже лица безумные или малолетние дети. Подобно тому, как при договорах древнее право держалось за сказанное слово или за внешнюю форму независимо от того, соответствуют ли они внутренней воле или нет, так же точно и здесь оно останавливалось на внешнем факте причинения вреда, не вдаваясь в вопрос о внутреннем отношении лица к своему деянию.

Но дальнейшая эволюция приводит и здесь к тому, что мало-помалу центр тяжести переносится внутрь: не причинение вреда само по себе вызывает ответственность, а лишь причинение в связи с виновностью – умыслом или небрежностью. Деяние, которое не может быть вменено в вину, рассматривается как несчастный случай, за который никто не отвечает. Поэтому, в противоположность старому порядку, освобождаются от ответственности лица, лишенные способности разумения, освобождаются и все те, которые явились лишь невольными виновниками вреда».

«Вместе с рецепцией римского права принцип вины вошел затем в право новых народов и стал, казалось, незыблемым основным началом всякого культурного правопорядка.

Однако со второй половины XIX столетия начинаются колебания, которые мало-помалу переходят в полное отрицание справедливости и социальной целесообразности этого

начала. Практическим толчком к сомнениям в этом смысле послужило развитие крупных транспортных и промышленных предприятий: железных дорог, пароходств, фабрик, заводов и т. д. Обычная эксплуатация этих предприятий неизбежно влечет за собой известное количество несчастных случаев (поезд переехал зашедшее на линию животное, искра из локомотива зажгла находившееся невдалеке строение, машина на фабрике изуродовала рабочего и т. д.), которые даже при самом строгом отношении никак не могут быть сведены к какой-либо вине хозяина. Между тем оставить потерпевших без вознаграждения кажется в этих случаях несправедливым. Некоторое время судебная практика пыталась удовлетворить этому требованию справедливости, растягивая понятие вины до самых фиктивных пределов: классическим стало в этом отношении одно из решений высшего баварского суда, которое провозгласило, что уже самое употребление на железных дорогах локомотивов, выбрасывающих искры, составляет виновный образ действий. Но такие натяжки, очевидно, не могли считаться нормальным состоянием, и на помощь пришло законодательство. В разных странах и в разное время появились специальные законы, которыми была установлена для всех подобных предприятий повышенная ответственность вне зависимости от вины их хозяев, наподобие римской ответственности содержателей гостиниц или постоялых дворов.

Однако сомнения в справедливости вины, однажды возбужденные, не могли уже улечься, и в юриспруденции стало все определеннее и определеннее обозначаться течение в пользу полного отказа от принципа вины и замены его старым принципом причинения (Verursachungsprincip). Этот последний принцип в ошибочном историческом убеждении возводили нередко в достоинство национально-германского и в таком качестве противополагали его принципу вины как началу римскому, чуждому и навязанному. Даже более того: противоположность между обоими этими принципами стали сводить к противоположности между индивидуализмом и социальной солидарностью. Особенно горячо проводил эту мысль уже неоднократно цитированный нами Гирке. Только романистическо-индивидуалистическому заблуждению, говорил он [94, стр. 33], только полному забвению социальных задач гражданского права мы должны приписать, если все регулирование ответственности за вред строится на принципе вины и деликта. Напротив, если мы не будем упускать этих задач из виду, то нам не обойтись без германского принципа ответственности уже вследствие простого причинения. Пусть причинивший вред невиновен, но ведь еще менее виновен пострадавший...

Вопрос, таким образом, был радикально поставлен, и с той поры спор ведется до настоящего момента, хотя, по-видимому, с течением времени он утрачивает значительную долю своей прежней остроты: если и встречаются еще крайние защитники исключительно того или другого из этих двух принципов, то основное настроение юриспруденции далеко от обеих крайностей. Вообще, вопрос о принципе вины или принципе причинения имеет много сходного с рассмотренным выше вопросом о принципе воли или принципе изъявления при договорах. Как там, так и здесь – одна и та же историческая эволюция от внешнего факта причинения (вреда) или волеизъявления (при договорах) к внутреннему элементу воли. Как там, так и здесь после периода исключительного господства этого последнего элемента – новейший поворот в сторону столь же исключительного «доверия к внешним фактам». Наконец, как там, так и здесь – установление некоторой средней линии юридического разрешения, хотя эта линия далеко еще не свободна от колебаний. Оставляя в стороне подробности этого в высокой степени любопытного вопроса, мы остановимся только на самой его сущности.

Возможно ли, в самом деле, положить в основу возмещения вреда принцип причинения, как этого требовали его крайние апологеты? Возможно ли ту повышенную ответственность, ответственность без вины, которую закон устанавливает для известных отдельных случаев, вроде вышеприведенных, сделать общим правилом?

Этот вопрос имеет как свою теоретическую, так и свою практическую сторону.

Прежде всего, с теоретической стороны, спрашивается, какое могло бы быть этическое оправдание для привлечения к ответственности того, кто оказался лишь случайной и невольной причиной вреда? Пока мы стоим на точке зрения принципа вины, мы имеем такое этическое оправдание в собственной вине (умысле или небрежности) причинившего вред; но как

только мы переходим мысленно к принципу причинения, это основание отпадает. Проходя по улице, вы внезапно почувствовали себя дурно и, падая в обморок, разбили стекло магазина; охотясь в лесу, где вообще охотиться можно, вы случайно подстрелили человека, находившегося там также случайно. По каким этическим соображениям мы привлечем к ответственности в подобных случаях лицо, которому мы никакого упрека по поводу его поведения сделать не можем? Нельзя же, в самом деле, довольствоваться вышеприведенным соображением Гирке: «Если причинивший вред не виноват, то еще менее виноват пострадавший». С точки зрения этого соображения, с равным правом можно было бы привлечь к ответственности всякого встречного, ибо всякому на его вопрос: «Чем я виноват?» точно так же можно было бы ответить: «Ты, конечно, не виноват, но еще менее виноват потерпевший!..»

На поиски этого этического оправдания было потрачено немало усилий. Одни усматривали его в идее риска («idee du risque» французской юриспруденции, «Handeln auf eigene Gefahr» Unger'a): всякий, кто действует, должен нести на себе риск за все случайные последствия своей деятельности. Но это соображение как общее основание не выдерживает пробы: если действовал причинивший вред, то с другой стороны точно так же действовал и пострадавший. Если моя прогулка по улице должна быть действием на мой риск, то почему не является таким же действием на свой риск и постановка стеклянного окна в магазине? Если моя охота является действием на мой риск, то в такой же степени является действием на его риск и прогулка в лесу того, кто попал случайно под выпущенный мною заряд. Почему при таких условиях риск должен лечь на меня, а не на него, остается неясным. Проблема риска значима не только в гражданском праве, но и в философии права, да и в целом в социальной жизни [6; 25; 34; 41; 42; 65; 66; 67]. Она, конечно, затрагивает поднятые нами вопросы. Но вернемся к проблеме вины. Здесь кроме идеи риска, проявляются и иные интересы. Так, некоторые исследователи ссылались на «принцип активного интереса» (K. Merkel): всякий, кто активно осуществляет свой интерес, должен взять на себя и все возможные последствия этого осуществления. Но и эта ссылка разбивается о те же соображения, которые были только что приведены. Третьи (M. RUme-lin) думали найти опору в идее повышения опасностей (Ge-fardungsprinzip): тот, кто своей деятельностью повышает опасности для окружающих свыше обычного уровня, должен нести на себе и ответственность за это повышение. Но эта идея, быть может, пригодная для объяснения повышенной ответственности в некоторых особых случаях (железные дороги, автомобили и т. д.), очевидно, не годится для оправдания принципа причинения как общего правила: о какомнибудь особенном повышении опасности для окружающих, например, в случае моего отправления на прогулку, конечно, серьезно нельзя говорить. Чем далее продолжались поиски в этом направлении, тем более выяснялось, что те соображения, которые оправдывают повышение ответственности в одних случаях, не годятся для других, что эти соображения разнообразны, но ни одно из них не может послужить этическим основанием для установления принципа причинения как обшей нормы ответственности за вред и для замены им этически ясного принципа вины [95, стр. 74].

С другой стороны, и в практическом отношении установление принципа причинения привело бы к последствиям едва ли желательным. Уже многократно указывалось на то, что возложение ответственности за всякий случайный вред погрузило бы всю нашу жизнь и деятельность в необозримую пучину случайностей и тем до крайности стеснило бы свободу движения; наиболее верным средством для избежания этих случайностей явилось бы безвыходное сиденье в своей мурье (норе) и воздержание от всякой активности даже в ее самых примитивных формах.

Но, быть может, наиболее наглядное доказательство невозможности построить ответственность на принципе причинения пришло изнутри, из него самого. Когда сторонники этой идеи доказывали несостоятельность принципа вины, они для иллюстрации любили прибегать к примерам, в которых случайным виновником вреда оказывается лицо богатое, а потерпевшим -лицо несостоятельное. Разве справедливо, восклицали они, чтобы миллионер, случайно подстреливший на охоте крестьянина, оставался в стороне от той массы горя и нищеты, которая была создана его деянием? Непосредственное нравственное чувство подсказывало бы всякому

порядочному человеку на его месте прийти на помощь пострадавшему и взять на себя последствия своего деяния. Право должно следовать за этим нравственным сознанием и санкционировать его веление: потерпевший не должен зависеть от милости причинившего вред, он должен иметь законное право [52, стр. 583, 590].

Однако этот аргумент имел и свою обратную сторону. Если бы мы на этом основании установили общую ответственность за причинение, то эта ответственность легла бы не только на лиц состоятельных, но и на всех. А при таких условиях она сплошь и рядом оказалась бы в противоречии с тем самым чувством справедливости, к которому до сих пор апеллировали. В самом деле, достаточно в приведенном примере переменить роли участников (крестьянин подстрелил человека, зарабатывавшего до сих пор большие средства), чтобы увидеть, к каким тяжелым последствиям проектируемая ответственность могла бы привести (крестьянин, в деянии которого не усмотрено никакой вины, оказался бы в полной пожизненной кабале для доставления потерпевшему средств, необходимых ему для существования «сообразно его званию и состоянию», средств, значительно превышающих те, которые тратит сам крестьянин для своего скудного существования). Очевидно, если желательно оставаться в согласии с чувством справедливости, необходимо принимать во внимание не только факт причинения вреда, но и сравнительную имущественную состоятельность обоих участников» [51, стр. 285-290].

Наряду с этим остается вопрос: может ли возникнуть гражданско-правовая ответственность при неполном составе гражданского правонарушения и в первую очередь при отсутствии вины и связанной с ней противоправности? По этому поводу в разное время высказывались разные точки зрения. Сторонники одной из них утверждали, что «при отсутствии законченного состава правонарушения нельзя говорить и об ответственности причинителя вреда» [4]. Более широкую поддержку нашла другая точка зрения, согласно которой ответственность может наступить и при усеченном составе правонарушения. Сторонники этой точки зрения лишь по-разному аргументировали свои позиции. Одни допускали существование в равной мере как виновной, так и безвиновной ответственности (теория двух начал – К.К. Яичков [93, стр. 170]), другие утверждали, что гражданско-правовая ответственность во всех случаях предполагает наличие вины и лишь интересы потерпевшего и другие соображения практического плана вынуждают законодателя установить исключения из принципа виновной ответственности (теория «вины с исключением», иначе – теория «стимулирования» – В.И. Серебровский [71, стр. 521], Б.С. Антимонов [8]).

Следует отметить, что в законодательстве отражена позиция сторонников наступления ответственности при усеченном составе правонарушения. Сегодня в ГК РТ регулируется как виновная, так и безвиновная деликтная ответственность.

Таким образом, можно наблюдать три подхода к данной проблеме:

1. Случаи ответственности независимо от вины в действительности представляет собой обязательством по возмещения вреда, а не ответственностью, ибо ответственность (юридическая) не может быть безвиновной;
2. Субъективным основанием гражданско-правовой ответственности независимо от вины является не только вина, но и риск;
3. Случаи ответственности независимо от вины в действительности представляет собой специально предусмотренный законом ответственность, которое считается исключением из принципа виновной ответственности (так называемая теория «виновного начала с исключениями»).

Что касается вины юридических лиц, то указанное понимание вины лишь с трудом приспособлено к этим субъектам [47]. В правовой литературе высказывалось мнение, что вина юридического лица заключается в неправильном подборе работников [1, стр. 30-32; 18, стр. 636]. В настоящее время совершенно очевидна некорректность такого вывода. Вина юридических лиц заключается в непрофессионализме, неграмотности, недобросовестности, халатности его работников, некомпетентности руководителей и т.п. [18, стр. 636] Представляется, что толкование ст. 432 ГК РТ дает нам более широкое, практически универсальное понятие вины, применимое для всех субъектов гражданского права: та степень заботливости и осмотрительности, какая требуется от субъекта по характеру обязательства и условиям оборота. Вина причинителя вреда как

одно из условий деликтной ответственности так же, как и вообще в гражданском праве, в обязательстве из причинения вреда презюмируется, поэтому потерпевшему не требуется доказывать ее, как и противоправное поведение причинителя вреда. Однако существует одно исключение из этого общего правила. В соответствии с ч. 3 ст. 1086 ГК РТ для возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями при вынесения незаконного решения по гражданским делам, возмещается в случае, если вина судьи определена в установленном законом порядке. Однако это правило распространяется лишь на вынесение судьей правоприменительных актов: решения суда.

Как отмечалось выше, в некоторых случаях судам надлежит устанавливать вину не только непосредственного причинителя вреда, но и лица, на которое возложена обязанность по его возмещению. Действие правила о презумпции вины указанных лиц (ст.ст. 432, 433, ч. 2 ст. 1079, 1088 – 1091 ГК РТ) не освобождает суд от обязанности установить характер и степень вины каждого из указанных лиц. В случае неделиктоспособности причинителя вреда суд должен установить конкретную вину родителей или опекуна причинителя вреда. Понятно, что она выражается не в самом причинении вреда, а в неосуществлении надлежащего воспитания малолетнего причинителя вреда или ненадлежащем надзоре за неделиктоспособными лицами. Долгое время в литературе в качестве юридической признавалась лишь гражданская ответственность родителей. Некоторые авторы считали, что ответственность родителей не зависит от их вины и наступает за самый факт причинения вреда детьми [73; 85, стр. 106]. Теперь ответственность родителей в неосуществлении надлежащего воспитания малолетнего почти ни кем не оспаривается. Вина родителей, как правило, выступает в форме неосторожности: лицо не осознает противоправности своего поведения, не предвидит возможных последствий, не желает их наступления, но могло и должно было предвидеть [32].

Вина непосредственного причинителя вреда должна конкретизироваться и тогда, когда для возложения обязанности по его возмещению она вовсе не требуется. Прежде всего, это необходимо для последующего предъявления к виновному лицу регрессного требования.

Список литературы

1. Агарков М.М. Возникновение обязательства из причинения вреда // Советское гражданское право: Учебник. Том 1. – М., 1944.
2. Агарков М.М. К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. – М., 1945.
3. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
4. Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1958. – № 1.
5. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып.2. – Свердловск,1964.
6. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
7. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. – М., 1962.
8. Антимонов Б.С. Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. – М., 1950.
9. Бабаджанов И.Х., Додозода А.М. Проблемы понимания вины в контексте эволюции научных исследований в сфере цивилистики // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 87-95.
10. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
11. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
12. Белякова А.М. Возмещение причиненного вреда (отдельные вопросы). – М., 1972.
13. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. – М., 1947.

14. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М., 1948.
15. Воробьев В.А. Право человека на компенсацию вреда, причиненного жизни и здоровью, по законодательству Российской Федерации (гражданско-правовой аспект). Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008.
16. Гомберг Б.И. Гражданская ответственность без вины в отношениях внедоговорных по Гражданскому кодексу // Право и жизнь. – 1927. – № 1. – С. 12-19.
17. Гражданское право. Учебник в 4-х томах. Том 1 / Отв. ред. Е. А. Суханов. – М., 1998.
18. Гражданское право: Учебник в 4-х томах. Том 4 / Отв. ред. Е.А. Суханов. – М., 2006.
19. Жуковская О.Л. Юридическая природа и перспектива развития правового регулирования обязательств по возмещению вреда, причиненного источником повышенной опасности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1988.
20. Захарцев С.И. О проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5(16). – С 30-33.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
24. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
25. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-9.
26. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
27. Иоффе О.С. Вина и ответственность по советскому праву // Сов. государство и право. – 1972. – № 9. – С.35-39.
28. Иоффе О.С. Значение вины в советском гражданском праве // Вопросы государства и права. – Л., 1951.
29. Иоффе О.С. Обязательственное право. – М.: Юрид. лит., 1975. – 880 с.
30. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
31. Кабанов П.А., Райков Г.И., Свигузова А.П., Чирков Д.К. Электронная преступность в условиях формирования в России демократического правового государства (политико-криминологический анализ явления, его причин и эффективности мер противодействия) / Под науч. ред. П.А. Кабанова. – М., 2012.
32. Казанцева А.Е. Вина родителей – необходимое условие их юридической ответственности // Вопросы совершенствования гражданско-правового регулирования: Сб.статьей / Отв.ред. В.Н. Щеглов. – Томск, 1983. – С.188-197.
33. Картужанский Л.И. Ответственность за неисполнение договора в социалистическом хозяйстве // Вестник Ленинградского университета. – 1950. – № 4.
34. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
35. Кофман В.И. Соотношение вины и противоправности в гражданском праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1957. – № 1. – С.65-76.
36. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М., 1966.
37. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
38. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
39. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.

40. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
41. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
42. Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 109-119.
43. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Том 1. – М.: Юрайт, 2011. – 880 с.
44. Лунеев В.В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: НОРМА, 1997.
45. Малеина М.Н. Обязательства вследствие причинения вреда // Гражданское право. Часть вторая: Учебник / Отв.ред. В.П.Мозолин. – М., 2004.
46. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности.
47. Матвеев Г.К. Психологические аспекты вины юридических лиц // Сов. государство и право. – 1977. – № 7. – С. 45-56.
48. Материалы научной конференции «Новые гражданские и гражданские процессуальные кодексы союзных республик» (14 – 16 октября 1964 г.). – М.: ВНИИСЗ, 1965.
49. Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
50. Ойгензихт В. А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Сов. государство и право. – 1975. – № 10.
51. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
52. Протоколы германской комиссии для пересмотра первого проекта. Т II.
53. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М.: Юрид. лит., 1984. – 224 с.
54. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.
55. Савицкий В.М., Флейшиц Е.А. Об имущественной ответственности органов следствия и суда // Сов. государство и право. – 1966. – № 7.
56. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
57. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
58. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
59. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
60. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
61. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
62. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
63. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
64. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
65. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
66. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
67. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17.
68. Смирнов В.Т. Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам. – М., 1957.
69. Смирнов В.Т. Обоснование деликтной ответственности юридических лиц. Проблемы гражданского и

административного права. – Л., 1962.
70. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в гражданском праве: Учебное пособие. – Л., 1983.
71. Советское гражданское право. – М., 1950.
72. Суханов Е.А. Гражданско-правовая ответственность / Гражданское право. В 4 т. Т.1: Общая часть / Отв.ред. Е.А.Суханов. – М., 2008.
73. Тадевосян В.С. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми // Советское государство и право. – 1949. – № 4. – С.29-30.
74. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 3. – С. 429-433.
75. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Современные стандарты и технологии противодействия коррупции: Материалы Третьего Евразийского антикоррупционного форума (Москва, 24-25 апреля 2014 г.) / С.Е. Нарышкин, Т.А. Голикова, Т.Я. Хабриева и др.; отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юриспруденция, 2015. – С. 48-55. – в сб. 224 с.
76. Федоров А.В. К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Юридический мир. – 2014. – № 12. – С. 43-47.
77. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
78. Федоров А.В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 3. – С. 367-381.
79. Федоров А.В. О некоторых тенденциях развития уголовно-правовой антикоррупционной политики в Российской Федерации в части, касающейся установления уголовной ответственности юридических лиц // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Выпуск 3. – С. 165-176;
80. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.
81. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. – 2015. № 1. – С. 55-63.
82. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
83. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Франции // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 15-25.
84. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц: перспективы законодательной регламентации, мировой опыт // Академия права и экономики. Научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 5-9.
85. Флейщиц Е.А. Обязательство из причинения вреда и неосновательного обогащения. – М.: Госюриздат, 1951.
86. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. – СПб, 2007.
87. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: Автореф. дис.... докт. юрид. наук. – Тольятти, 1997.
88. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
89. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
90. Шварц Х.И. Значение вины в обязательствах из причинения вреда. – М., 1939.
91. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
92. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
93. Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в советском праве // Вопросы гражданского права. – М., 1957. – С. 163-170.
94. i e r k e . Die sociale Aufgabe des Privatrechts. 1889.
95. Max.RUmelin. Schadensersatzohne Verschulden 1910.

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
первый заместитель Председателя комитета по энергетике Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: artamonova@mail.ru

ПАХОМОВА Янина Александровна,
начальник сектора судебной защиты департамента градостроительного развития и архитектуры администрации города Нижнего Новгорода, аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Н.Новгород, Россия)
E-mail: yanina.pakhomova@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

СТАНОВЛЕНИЕ СЕРВИТУТА КАК ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ СВОИМ ИМУЩЕСТВОМ И ЕГО ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *Рассматривается становление института сервитута в Римском праве в аспекте ограничения правомочий собственника и в его взаимосвязи с законодательством романо-германской правовой семьи на примере Франции, Германии, России.*

Ключевые слова: *сервитут; содержание сервитута; ограничение правомочий собственника; Дигесты Юстиниана; кодекс Наполеона; Германское Гражданское уложение; Гражданский кодекс Российской Федерации.*

ANANSKIKH I.A
ARTAMONOVA G.K.
PAHOMOVA Y.A.

THE ESTABLISHMENT OF THE EASEMENT AS A RESTRICTION OF THE POWERS OF THE OWNER TO DISPOSE OF HIS PROPERTY AND HIS CONSOLIDATION IN THE RUSSIAN LEGISLATION.

The summary. *The author examines the establishment of the Institute of servitude in the Roman law in the aspect of limitation of powers of the owner and in its relationship with the laws of the Romano-Germanic legal family on the example of France, Germany, Russia.*

Key words: *the easement, the content of the easement, restrictions on authority of the owner, Digest of Justinian, the code Napoleon, The German Civil code, The civil code of the Russian Federation.*

Возникновение института сервитута восходит к римскому праву и непосредственно связано с развитием частной собственности.

В римском праве долгое время не определялось понятие сервитута, и в классическом праве он характеризовался через перечисление действий, которые лицо могло совершить в отношении земельного участка другого лица.

Собственники участков имели право при определенных обстоятельствах пользоваться продуктами, приносимыми чужой собственностью: «VII. 9б. Законом XII таблиц разрешалось собирать желуди, падающие с соседнего участка», а также обращаться с иском к владельцу собственности, наносящей ущерб: «VII.10. Если дерево с соседнего участка склонилось ветром на твой участок, ты на основании Закона XII таблиц можешь предъявить иск об уборке его».

К первой попытке дать обобщенное понятие сервитута можно отнести высказывание Помпония, содержащееся в 33-й книге «Комментариев к Сабину», вошедшей в Дигесты Юстиниана, в которой он указывает, что «природа сервитута не в том, чтобы кто-либо произвел какое-либо действие, но в том, чтобы лицо допускало что-либо (терпело какое-либо действие соседа) или не делало чего-либо» (м1, 8.1.15.1. Помпоний Секст).

Некоторые авторы, в частности, Т.В. Окуджава, считают, что подобная формулировка не содержит никаких существенных признаков, по которым сервитут можно было отнести к самостоятельному вещному праву, либо праву иного характера. Автор считает, что высказанное древнеримским цивилистом определение описывает сущность возможного из ограничений права собственности, но не более того [25, стр. 166-173].

Между тем, считаем данное мнение необоснованным, т.к. для уровня развития правовой мысли указанного периода данная формулировка наиболее полно раскрывала суть анализируемого понятия и содержала не только сущностные характеристики сервитута, но и признаки, позволяющие отнести сервитут к одному из видов права, заключающегося в ограничении (обременении) права собственности, выраженного в правомочии собственника по эксплуатации вещи, принадлежащей ему, вводя в указанную конструкцию вторую сторону правоотношения (лицо, производящее какое-либо действие), являющуюся сервитуарием.

Право на чужую вещь, как и право собственности, являлось вещным правом, но в отличие от права собственности, где господство распространяется на всю вещь, право на чужую вещь распространялось лишь на определенную функцию вещи.

Позже понятие сервитутного права обозначалось римским юристом Гаем (в его Институциях II. 12–14) как res incorporalis (бестелесная вещь) в противоположность обыкновенной телесной вещи (res corporalis), которую можно определить как ограниченную часть внешней природы, являющуюся объектом права и обладающую имущественной ценностью.

В целом содержание сервитута включало в себя несколько составляющих, а именно:

- правомочие ограниченного пользования служащей вещью (положительное право);
- право воспрещения отдельных действий, производимых на служащем участке: «... когда же устанавливается сервитут, содержащий воспрещение заслонять свет, то это преимущественно рассматривается в том смысле, что у соседа нет права без нашей воли строить слишком высокие здания и таким образом уменьшать освещение наших зданий» [15, 8.2.4. Павел].
- воздержание от совершения каких-либо действий (non facere) или несовершение каких-либо действий в отношении господствующего участка.

В Римском праве сервитуты определялись как право пользования чужой землей (или иной вещью) лишь в каком-то одном отношении (право проезда, провоза грузов, прохода пешком,

прогона скота и т.п.).

С развитием торговли, увеличением поселений, число которых росло вследствие завоевательной политики Рима, возникла необходимость по установлению сервитутов, содержащих воспрещение заслонять свет (lumen) и вид (видимость) (prospectum) между соседскими домами, расположенными на земельных участках, так называемые «городские сервитуты».

Один из фрагментов Дигест Юстиниана гласит: «Права на городские участки суть следующие: строить выше определенной высоты и заслонять свет соседу или не строить выше определенной высоты, а также отводить воду на крышу или на двор соседа или не отводить, а также опирать балку на стену соседа и, наконец, выдвигать балкон или крышу на участок соседа и прочие подобные им» [15, 8.2.2. Гай].

Данные правомочия нашли отражение в современном российском законодательстве, предусматривающие нормы по соблюдению инсоляции, которые отражены в соответствующих СНиПах, и обязательны при проектировании строящихся зданий.

Важное правило, характеризующее сущность сервитута, сформулировал юрист Помпоний Секст (Sextus Pomponius) – римский юрист первой половины II в. н.э.: «Природа сервитута не в том, чтобы кто-либо произвел какое-либо действие… но в том, чтобы лицо допускало что-либо или не делало чего-либо» [15, 8.1.15.1. Помпоний Секст].

«Сервитут не может быть установлен так, чтобы было позволено сорвать яблоко и чтобы мы могли прогуливаться и обедать на чужом участке» [15, 8.1.8. Павел].

В дальнейшем, в частности, в кодексе Наполеона представлены как общие правила, характеризующие отношения между соседями, так и сформулировано более емкое определение сервитута.

Сервитут есть обременение, наложенное на имение в целях использования имения, принадлежащего другому собственнику, и для выгод этого имения [14, ст.639].

Источниками сервитута являются или естественное расположение участков, или обязательства, установленные законом, или соглашения между собственниками [14, ст.639].

Земельные сервитуты не обошло своим вниманием и Германское Гражданское уложение. Им посвящена отдельная глава специального раздела 5, носящего название «Сервитуты». Немецкий законодатель определяет земельный сервитут как обременение земельного участка в пользу собственника другого земельного участка (параграф 1018). При этом различаются три аспекта или три проявления обременения.

Первый состоит в предоставлении права использовать чужой земельный участок в определенных случаях. По всей видимости, здесь имеются в виду возможные положительные действия, составляющие, по римской классификации, положительные правомочия сервитуария.

Второй аспект заключается в запрете осуществления собственником обремененного участка определенных действий. Этот аспект охватывает возможные отрицательные правомочия сервитуария.

Третий аспект очень близок ко второму и заключается в запрете (или исключении) некоторых правомочий собственника обремененного участка в отношении участка господствующего.

Таким образом, с позиций Германского Гражданского уложения суть сервитута заключается как в предоставлении возможностей положительных действий в отношении чужой недвижимости, так и в воздержании собственника служащего участка от осуществления ряда правомочий с учетом интересов другого земельного собственника.

Впервые в современном российском законодательстве понятие «сервитут» было закреплено в п. 4.10 Основных положений Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 г., утвержденных Указом Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 (с изменениями от 25 января 1999 г.) [3].

В дальнейшем институт сервитута получил развитие в части первой нового Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно, сервитут определяется как право собственника недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком [2, п.1. ст. 274].

Действующее российское законодательство не содержит единого перечня сервитутных прав,

однако, подразделяет сервитуты на публичные и частные, постоянные и срочные.

При этом в нем не содержится единого критерия такой классификации, в отличие от римского права.

Учитывая изложенное, очевидно, что современное российское сервитутное право, которое закрепилось на законодательном уровне в Гражданском и Земельном кодексах Российской Федерации, сформировалось на основе римского сервитутного права.

Между тем, имеется существенное различие в правовой природе данного института, заключающееся в правомочии собственника.

Право собственности наделяет собственника, кроме правомочий пользования и владения своим имуществом, правомочием по его распоряжению, которые установлены и гарантированы Конституцией Российской Федерации.

Однако, Конституция РФ допускает и их ограничение в случаях, предусмотренных федеральными законами и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1; 6; 11; 12; 13; 18; 19; 30; 31].

Таким образом, право собственности не абсолютно: оно может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в конституционно значимых целях, и при условии, что соответствующее ограничение носит обоснованный и соразмерный характер [2, п.5 ст. 274].

Вместе с тем, наиболее распространенным ограничением права собственности является установление сервитута на земельный участок, который, с одной стороны, является особым видом вещного права, ограничивающим произвол собственников на принадлежащее им имущество, а с другой – наделяет субъекта правом ограниченного пользования чужим имуществом.

В тоже время, сервитут – это ограничение права собственности, которое возникает у собственника обремененного участка при объективной (крайней) необходимости. При этом, у сервитуария – собственника земельного участка, в пользу которого устанавливается сервитут, возникает обязанность по доказыванию объективной необходимости установления сервитута, т.к. в дальнейшем у него возникнет право пользования имуществом, ему не принадлежащим.

Российское законодательство в отличие от римского права, в котором существовали преимущественно частные сервитуты, признает и публичные сервитуты. Цель их установления совпадает с сервитутами, действовавшими в период Римской империи – ограничение вещного права земельного участка правообладателя для установления прохода, проезда, доступа к коммуникациям для соседского земельного участка в пользу неограниченного круга лиц.

В практике применения римского права сложился целый ряд ограничений права собственности, устанавливаемых как в интересах неограниченного числа лиц – «ограничения в интересах общества», так и в интересах конкретных лиц – «ограничения в интересах частных лиц». И те, и другие устанавливались с целью обеспечения соблюдения прав и законных интересов лиц, а также для обеспечения возможности реализации их прав за счет стеснения определенным образом правомочий собственника недвижимого имущества.

«Ограничения в интересах общества» чаще всего возникали из приоритетных направлений развития государственной политики.

В работе Ч. Санфилиппо «Курс римского частного права» в качестве примера приведены следующие «ограничения в интересах общества»: экспроприация ввиду общественной пользы, принудительный проход, обязанность поддержания в порядке морских и речных берегов. В этом случае, ограничения устанавливаются для поощрения судостроительства и развития мореходства [29].

В современном российском законодательстве порядок установления публичного сервитута совпадает с частным, однако, существует и принципиальная разница. Так, если для частного сервитута характерно заключение соглашения между равными субъектами на взаимовыгодных условиях: для одного – право пользования чужим участком, для другого – денежная компенсация за предоставление своего имущества в пользование [2, п. 5 ст. 274], то публичный сервитут устанавливается государством в пользу частных лиц при наличии государственных и муниципальных нужд.

В связи с этим, установление публичного сервитута осуществляется посредством заключения соглашения, одной из сторон которого всегда выступает орган местного самоуправления,

с обязательным проведением общественных слушаний.

Установление частного сервитута в добровольном порядке (путем заключения соглашений между собственником обремененного участка и сервитуарием), основывается на принципе гражданского права: свободе договора, равенстве участников соглашения.

Конституцией Российской Федерации и Всеобщей декларацией прав человека установлено следующее правило: «при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе».

Между тем, существует объективная опасность преступить «грань» принципа «преобладание частных интересов над публичными» и нарушить основы, закрепленные Конституцией РФ [1; 16; 17; 20; 26; 28].

В современных реалиях установление сервитута, как временного ограничения вещного права правообладателей земельного участка, способствует быстрому и качественному достижению задач, поставленных перед органами местного самоуправления.

Однако, как было указано выше, установление сервитута осуществляется с учетом основополагающих принципов гражданского права, при соблюдении установленной законом процедуры.

Между тем, при определенных обстоятельствах данная процедура может быть упрощена, что приводит, по нашему мнению, к нарушению частных интересов физических и юридических лиц.

К примеру, в целях подготовки к проведению международных соревнований, а именно чемпионату мира по футболу 2018 года принята программа, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации от 20.06.2013 № 518 [4] и Постановлением Правительства Нижегородской области от 19.11.2013 № 859, которая предусматривает упрощенный порядок установления сервитута, позволяющий оперативно решать вопросы обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Вышеуказанным нормативным актом предусмотрена процедура по установлению сервитута в рамках проведения чемпионата мира по футболу, предполагающая следующий порядок действий.

Организация, в пользу которой необходимо установить сервитут на земельном участке собственника, обращается в орган местного самоуправления с соответствующим заявлением, после чего издается постановление об установлении сервитута на определенный срок, регистрация ограничения (обременения) права собственности в виде сервитута в регистрирующем органе в данном случае не требуется.

При этом, издание соответствующего постановления органом местного самоуправления осуществляется без учета мнения собственника, земельный участок которого обременяется сервитутом.

Таким образом, фактически возникает ситуация, когда публичные интересы превалируют над частными, а на уровне субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления применяются некоторые «поблажки» в реализации основополагающего принципа российского права – неприкосновенности частной собственности, а при его ограничении соблюдении необходимых процедур, которые, в определенных ситуациях, подлежат упрощению [7; 8; 9; 10; 22; 23; 24; 27], что, на наш взгляд, недопустимо.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
3. Указ Президента РФ от 22 июля 1994 г. № 1535 «Об Основных положениях Государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации после 1 июля 1994 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1478.

4. Постановление Правительства РФ от 20 июня 2013 г. № 518 «О Программе подготовки к проведению в 2018 году в Российской Федерации чемпионата мира по футболу» // СобраниЕ законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 26. – Ст. 3340.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.В. Кондрачука» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156408.
6. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
7. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Андрейцо С.Ю. Эффективность правозащитной функции органов муниципальной власти: пути обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 79-90.
8. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 256 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
9. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Механизм правозащитной деятельности органов муниципальной власти: понятие, содержание и особенности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 121-135.
10. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Орловский Е.А. Органы муниципальной власти и правозащитная деятельность // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 30-37.
11. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
12. Горбашев В.В., Реуф В.М., Удычак Ф.Н. Политическая, правовая система общества и национальная безопасность государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 21-29.
13. Горбашев В. В., Александров Р.А., Ильичев В.В., Минаков И.А., Кондрат Е.Н. Национально-экономическая безопасность России: прошлое и настоящее // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 102-104.
14. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. – М.: Инфотропик Медиа, 2012.
15. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002.– 584 с.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П., Кирюшкина Н.О. Конституционные права человека: возможны ли ограничения // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 127-138. – в кн. 344 с.
18. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
19. Исмагилов Р.Ф. Состояние и самочувствие малого и среднего бизнеса – вопрос национальной безопасности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 97-102.
20. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
21. Лужина А.Н. Ограничения и обременения прав на недвижимое имущество в России и Франции: Монография / РАН. ИНИОН.Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2009. – 144 с.
22. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
23. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
24. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
25. Окуджава Т.В. Гражданско-правовая конструкция сервитутов в цивилистической доктрине // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. .- 2012.- № 1-2 (53-54).- С. 166-173.
26. Ревина С.Н. О правовых ограничениях и запретах // Ученые записки юридического факультета. – 2015.

– № 37(47). – С. 63-70.
27. Роженцев С.В., Числов А.И. Интересы субъектов малого и среднего предпринимательства: механизм правовой охраны // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 82-93.
28. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
29. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. Учебник: Перевод с итальянского / Под ред. Д.В. Дождева. – М.: БЕК, 2000. – 400 с.
30. Селиванов А.И., Хабибулин А.Г. Стратегическая безопасность Российского государства: политико-правовое исследование. – М.: Формула права, 2011. – 360 с.
31. Тарайко В.И. Национальная безопасность России и охрана окружающей среды // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 61-67.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ЩЕНДРИГИН Евгений Николаевич,
заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)
E-mail: shchen57@mail.ru

ОРЛОВА Диана Сергеевна,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (г. Орёл, Россия)

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА КАК ИНОЙ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. *Анализируется институт конфискации в российском уголовном праве. Законодатель закрепляет три иные меры уголовно-правового характера в разделе VI УК РФ: принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф. Представлена дискуссия о сущности, значении и видах конфискации. Особое внимание обращается на проблему возвращения конфискации в разряд уголовных наказаний, подчеркивается эффективность конфискации в борьбе с различного рода преступными посягательствами.*

Ключевые слова: *конфискация имущества; уголовное наказание; иные меры уголовно-правового характера.*

SHENDRIGIN E.N.
ORLOVA D.S.

ACTUAL PROBLEMS OF CONFISCATION OF PROPERTY AS ANY OTHER MEANS OF CRIMINAL AND LEGAL PROTECTION

The summary. *The article is devoted to the institution of confiscation in the Russian criminal law. The legislator fixes three other measures of a criminally-legal nature in section VI of the Criminal Code of the Russian Federation: compulsory measures of a medical nature, confiscation of property and a judicial fine. The discussion on the essence, meaning and types of confiscation is analyzed. Particular attention is drawn to the problem of the return of confiscation to the category of criminal*

penalties, the effectiveness of confiscation in combating various kinds of criminal encroachments is emphasized.

Key words: *confiscation of property; criminal penalty; other measures of a criminally-legal nature.*

Основываясь на положениях Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, которые непосредственно относятся к исполнению наказаний и обращению с осужденными, уголовно-исполнительное и уголовное право в своих нормах в достаточной мере реализуют положения Минимальных стандартных правил ООН об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних [2], в отношении мер, которые не связаны с тюремным заключением [3], а так же Рекомендациях Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах пробации» [4] и т.д.

Говоря о снижении числа осужденных к тюремному заключению как основной задачи, выше перечисленные стандарты предполагают применение таких наказаний, которые не связаны с лишением свободы, или мер, им альтернативных. Действительно, в большинстве стран как романо-германской правовой семьи, так и англо-саксонской, законодательно предусмотрена возможность применить не только наказание к совершившим преступление лицам, но иных мер уголовно-правового характера. На это должны быть направлены все составляющие элементы уголовной политики: уголовно-правовая политика [17; 35]; уголовно-процессуальная политика [25; 31; 37]; оперативно-розыскная политика [11; 12; 13; 14; 15; 16; 29; 30; 40; 41]; уголовно-исполнительная политика [26; 28; 32; 33]; уголовно-превентивная политика [36]; уголовно-организационная политика [34] и сама уголовная политика в целом [5; 6; 19; 20; 21; 22; 27; 38; 39].

Большая часть ученых в области науки уголовного права приходит к выводу, что иные меры уголовно-правового характера образуют самостоятельный уголовно-правовой институт. При этом в качестве аргумента они используют его закрепление на законодательном уровне Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, посредством которого раздел УК РФ «Принудительные меры медицинского характера» был переименован в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» [1].

Сейчас данный раздел УК РФ включает три главы: 15 «Принудительные меры медицинского характера», 15.1 «Конфискация имущества», 15.2 «Судебный штраф», а, следовательно, указывает на соответствующие разновидности иных мер уголовно-правового характера. Эти меры различны по своей юридической природе, целям применения и основаниям, что противоречит суждению Т.Г. Понятовской о том, что система норм раздела Общей части УК РФ должна быть логически завершенной, структурно обособленной и последовательной, которая имеет общий предмет регулирования и одно основание, т.к. эти нормы составляют институт Общей части уголовного права [10].

На наш взгляд, несмотря на неоднородность иных мер уголовно-правового характера, невозможно отрицать самостоятельность данного института уголовного права. Нормы уголовного права указывают на возможность применения к лицу, совершившему преступление, как наказания, как и иных мер уголовно-правового характера. Объединяющим для этих форм является то, что они наступают за совершение преступления. Так, мерой государственного принуждения будет являться как наказание, так и любая иная мера уголовно-правового характера. Однако их применение связано с определенными ограничениями в правах и возложением на осужденного дополнительных обязанностей, которые так существенны, как при назначении уголовного наказания. Они не сопряжены с значительными ограничениями правового статуса осужденных, не указаны в санкциях норм Особенной части УК РФ и не входят в перечень видов наказаний УК РФ [8].

Таким образом, иные меры уголовно-правового характера – это предусмотренные в уголовном законодательстве меры, применяемые к лицам, признанным виновными в совершении преступления. Уголовное наказание является формой уголовной ответственности, но им уголовная ответственность не исчерпывается.

Законодатель относит к мерам уголовно-правового характера конфискацию имущества. Данный вопрос является наиболее дискуссионным. В соответствии со ст. 104.1 УК РФ, конфискацией имущества законодатель признает принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, указанного в этой норме. Не думаем, что предмет конфискации, указанный в статье 104.1 УК РФ можно назвать исчерпывающим [24].

Несмотря на структуру норм, которые регулируют применение конфискации, можно выделить две существенно разные по своему функциональному назначению нормы:

- конфискацию денег и иного ценного имущества,
- конфискацию орудий и средств преступления.

Если назначается конфискация имущества, то признанное виновным в совершении преступления лицо лишается всего незаконно нажитого. Однако конфискация орудий преступления и средств его совершения имеет процессуально-предупредительный характер: вещам, которые становятся предметом такой конфискации, свойственно наличие общественной опасности при их применении. По содержанию эту норму конфискации можно отнести к мерам безопасности.

Юридическая сущность конфискации согласно европейскому праву состоит в изъятии строго определенного перечня имущества, и в то же время не направлено на причинение морального вреда, вызванного изъятием имущества, принадлежащего лицу на праве собственности и приобретенного на законных основаниях. Придерживаясь этой позиции, конфискация теряет свойство уголовного наказания, и считается иной мерой уголовно-правового характера [18].

Все же, ряд международных нормативно-правовых актов, таких как Конвенция ООН «О борьбе с финансированием терроризма» 1999 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» 2000 г., Конвенция Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» 1999 г. и др., устанавливают конфискацию как разновидность уголовного наказания. Однако, большая часть государств Европы относит конфискацию к иным мерам уголовно-правового характера, основными целями которой являются:

- изъятие полученных от преступной деятельности и предназначенных для ее осуществления доходов, как средство противодействия преступлений. Путем изъятия имущества прекращается незаконное владение, пользование и распоряжение им, полученными от его использования доходами или правами на такое имущество или доходы от его использования [9].
- лишение преступника возможности использования изъятого имущества в целях совершения новых преступлений. Поэтому, предметом конфискации являются орудия и средства совершения преступления [7].
- восстановление нарушенных имущественных прав потерпевшего. Под восстановлением имущественных прав понимают возмещение убытков в части реального ущерба. Следовательно, действие данной нормы не распространяется на возмещение вреда нематериальным благам, в т.ч. личным неимущественным, и упущенную выгоду, но такой ущерб можно возместить посредством подачи гражданского иска в уголовном процессе [23].

Орудия и средства совершения преступления конфискуются при совершении деяния, которое согласно уголовному законодательству признается преступным и наказуемым, при этом не обязательно признание его преступлением или назначение за его совершение наказания в конкретном случае.

Таким образом, на наш взгляд, институт конфискации имущества должен совершенствоваться в рамках существующего положения «иной меры уголовно-правового характера», принимая во внимание и международно-правовой опыт.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3452.
2. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) (Приняты 14 декабря 1990 г. Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Рекомендация № Rec(2010)1 Комитета министров Совета Европы «О Европейских правилах пробации» (Принята 20 января 2010 г. на 1075-м заседании заместителей министров) // СПС «Консультант-Плюс».
5. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
7. Архипенко Т.В. Конфискация имущества по уголовному законодательству Российской Федерации – точка зрения на правовую природу конфискации как «иной меры уголовно-правового характера» // Российский следователь. – 2008. – № 23. – С. 17-19.
8. Борченко Д.Ю. Конфискация имущества: юридическая природа и социальная сущность // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 3. – С. 86-89
9. Волженикин В.Б. Загадки конфискации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 4-20.
10. Есаков Г.А. Уголовно-правовое воздействие: Монография. М.: Проспект, 2012. – 288 с.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
15. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
16. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
17. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
18. Землюков С.В. Институт конфискации имущества требует совершенствования // Известия Алтайского государственного университета. – 2016 – № 3(91). – С. 76-79.
19. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
20. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
21. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
22. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
23. Медведев Е.В. Спорные положения института конфискации и вопросы его применения на практике // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 62-65.
24. Непомнящая Т.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017.- № 1. – С. 114-121.
25. Пономаренков В.А. Уголовно-процессуальная правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ,

2014. – С. 157-175. – в кн. 456 с.
26. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
27. Сальников В.П., Третьяков И.Л. Уголовная политика: некоторые итоговые размышления о понимании, сущности и генезисе развития // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 30-42.
28. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
29. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
30. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
31. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
32. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
33. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
34. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
35. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
36. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
37. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
38. Третьяков И.Л. Уголовная политика и проблемы борьбы с преступностью: Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 397 с. (Серия: «Безопасность человека и общества»).
39. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
40. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
41. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.

НИКИШКИН Александр Владимирович,
преподаватель кафедры специальных мероприятий и специальной техники Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург. Россия)
E-mail: niksa78@yandex.ru

Специальность 12.00.14 – Административное право, административный процесс

МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *Рассмотрены особенности участия сотрудников дорожно-патрульной службы полиции, в реализации дорожно-транспортной безопасности. Проанализированы возможные формы, а также методы, которые применяют сотрудники дорожно-патрульной службы полиции в процессе обеспечения дорожно-транспортной безопасности.*

Ключевые слова: *сотрудники ГИБДД; ДПС ГИБДД; аварийность, дорожно-транспортная безопасность; административные правонарушения; Правила дорожного движения.*

NIKISHKIN A.V.

MEASURES TO ENSURE ROAD SAFETY: APPLICATION FEATURES

The summary. *The peculiarities of participation of employees of the road police patrol service in the implementation of road and transport security are considered. The possible forms, as well as the methods used by police road police officers in the process of ensuring road and transport security, are analyzed.*

Key words: *employees of the State Traffic Safety Inspectorate; Traffic police traffic police; accidents, road and transport safety; administrative offenses; Traffic Laws.*

Сам процесс, связанный с обеспечением должного уровня безопасности на дорогах, для России имеет особую актуальность в современных условиях. Это объясняется тем, что развитие социальных, экономических направлений просто не возможно без транспорта.

В связи со значительным числом аварий, транспортных катастроф динамично развивается и законодательная база, регулирующая данную область правоотношений. Соответственно, можно сказать о том, что транспортная безопасность представляет собой неотъемлемую часть безопасности всего Российского государства в целом [15; 24; 25; 26; 28; 34].

М.В. Костенников, исследуя данную область правоотношений, говорит о существенном вкладе дорожно-патрульной службы ГИБДД в деятельность по поддержанию безопасности на дорогах. При этом в такую область правоотношений в обязательном порядке должны входить отношения людей, которые возникают в связи с соблюдением Правил дорожного движения [23]. На данное обстоятельство обращают внимание и другие исследователи [6; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 27; 29].

Для того чтобы уменьшить количество происходящих аварий на дорогах, необходимо:

- усовершенствовать всю дорожно-транспортную инфраструктуру;
- усилить пропаганду в области соблюдения Правил дорожного движения;
- повлиять на правосознание населения

страны.

Абсолютное большинство автотранспортных преступлений, например, совершаются при наличии неосторожной формы вины, преступник при этом характеризуется низким уровнем правосознания и правовой культуры, требует серьезного контроля, в том числе и со стороны сотрудников ДПС ГИБДД [1; 2; 3; 4; 5; 11; 12].

Несмотря на то, что ДПС ГИБДД при выполнении своих служебных функций не может оказывать влияние на мотивы поведения участников дорожного движения, именно деятельность данного органа необходимо воспринимать в качестве наиболее действенного средства в области предупреждения дорожно-транспортных происшествий.

На дорожно-патрульную службу ГИБДД как раз и возлагается функция, связанная с предупреждением различного рода транспортных аварий, поскольку она является основным субъектом в области системы обеспечения безопасности дорожного движения.

Так, на ДПС ГИБДД в целях обеспечения дорожно-транспортной безопасности возлагаются такие функции, как:

- осуществление надлежащего контроля на постах и маршрутах патрулирования ДПС за соблюдением участниками дорожного движения Правил дорожного движения;
- оказание содействия в обеспечении гражданам и юридическим лицам в реализации их прав, а также законных интересов, в процессе движения по дорогам;
- выполнение распорядительных, а также регулировочных действий, которые необходимы для поддержания должной транспортной безопасности;
- осуществление производства по делам об административных правонарушениях согласно нормам российского законодательства;
- совершение неотложных действий на месте дорожно-транспортного происшествия;
- выполнение мероприятий, направленных на сопровождение транспортного средства в случае необходимости;
- разработка различных предложений в виду увеличения процента аварийности на дорогах;
- иные функции.

Однако все-таки основной задачей ДПС ГИБДД является именно обеспечение соблюдения участниками дорожного движения Правил дорожного движения. Данная задача определяется необходимостью сохранения жизни, здоровья и имущества как физических, так и юридических лиц, а также всего государства и общества в целом, что необходимо учитывать в правоприменительной практике.

Контроль, осуществляемый ДПС ГИБДД за соблюдением Правил дорожного движения, является наиболее эффективным способом, посредством которого происходит регулирование поведения всех участников дорожного движения.

Данный контроль в обязательном порядке должен включать в себя:

1) визуальное наблюдение или наблюдение с использованием средств видеофиксации за участниками дорожного движения;
2) наблюдение за состоянием технических средств, которые принимают участие в организации дорожного движения.

При этом огромное значение имеет то, что контроль сотрудниками ДПС ГИБДД за соблюдением Правил дорожного движения может совершаться в нескольких самостоятельных формах, к которым необходимо отнести:

- пеший порядок;
- с использованием патрульного автотранспортного средства либо иного транспортного средства;
- на стационарном посту дорожно-патрульной службы.

Выбор какого-либо конкретного вида контроля должен предопределяться изначально сложившимися условиями дорожного движения, а также задачами, которые стоят перед нарядами ДПС ГИБДД [17].

Однако абсолютизация выявляемости административных правонарушений приводит к тому, что основная задача ДПС ГИБДД уходит на второй план.

В виду того, что на практике просто не представляется возможным произвести фиксацию всех совершаемых нарушений Правил дорожного движения, а также оформить все это должным образом в рамках Российского законодательства, сотрудники ДПС ГИБДД на основании имеющегося анализа о конкретном участке дороги, должны скоординировать и направить все необходимые силы для того, чтобы пресечь наиболее

опасные административные нарушения на таком участке. Это в значительной степени позволит минимизировать неблагоприятные последствия, связанные с нарушением Правил дорожного движения.

Для подразделений ДПС ГИБДД конечный результат определяется не только качественными показателями. Здесь учитываются и так называемые косвенные показатели, к которым принято относить:

- количество ДТП;
- число погибших и пострадавших вследствие совершенных дорожно-транспортных происшествий на конкретной территории;
- уровень и состояние дисциплины среди участников дорожного движения на закрепленном участке.

С практической стороны весьма трудно установить взаимосвязь активности инспекторов ДПС ГИБДД при выполнении своих должностных функций и показателями аварийности. Так, во-первых, дорожно-транспортные происшествия по своей сути явления многофакторные. А во-вторых, нет закрепления инспекторов ДПС ГИБДД за каким-то конкретным маршрутом, участком дороги и т. п.

На сегодняшний день складывается тенденция, когда сотрудник ДПС ГИБДД знает, что его основной задачей является выявление и фиксация нарушений Правил дорожного движения. И в карточке поста обычно указываются «рыбные» места, где по статистике в большей степени нарушаются Правила дорожного движения. А соответственно, получается, что сотрудник ДПС ГИБДД в большинстве случаев не предупреждает совершение нарушений Правил дорожного движения, а ждет, когда они будут нарушены, а в дальнейшем привлекает виновное лицо к административной ответственности. Соответственно, по факту основная задача, возлагаемая на ДПС ГИБДД в современных условиях, просто не выполняется.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что сотрудникам ДПС ГИБДД в процессе осуществления своей деятельности необходимо изменить основу такой деятельности и все-таки предупреждать возможные нарушения Правил дорожного движения, что как раз и будет способствовать поддержанию должного уровня дорожно-транспортной безопасности в стране.

Значительный объем задач, решаемых сотрудниками ДПС ГИБДД, сложность и характер их деятельности предъявляют к их служебным качествам повышенные требования, которым они должны соответствовать [8; 9; 10; 13; 14; 16; 30; 31; 32; 33]. Формирование этих качеств – необходимая предпосылка обеспечения эффективности их деятельности.

Список литературы

1. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
2. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
3. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
4. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника 154-169 // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
5. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
6. Барашников М.В. Административно-правовой статус участников дорожного движения. – М.: Юрлитиздат, 2008.
7. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов – М.: НОРМА, 2014. – 682 с.
8. Бялт В.С., Демидов А.В., Талянин В.В. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: Учебное пособие. – СПб.: ЛЕМА, 2015. – 139 с.
9. Бялт В.С., Трифонов В.А. Запреты и ограничения, связанные с приемом на службу в органы внутренних дел

Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 257-263.
10. Бялт В.С., Трифонов В.А. К вопросу о приеме на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 237-240.
11. Вашкевич А.В., Мизонова А.Е., Козлов Е.Н. К вопросу об организации профилактической работы с водителями мототехники // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 59-63.
12. Годунов В.С. Особенности автотранспортных преступлений, проявляющиеся в механизме их совершения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 61-65.
13. Демидов А.В. Актуальные проблемы реформирования системы государственной службы Российской Федерации // Гуманитарные науки в XXI веке: Сб. ст. по материалам XXV Международной научно-практической конференции. – 2015. – С. 135-138.
14. Демидов А.В. Актуальные проблемы реформирования системы государственной службы Российской Федерации // Теория и практика современной юридической науки. – 2015. – С. 219-223.
15. Демидов А.В. Понятие полицейской функции государства // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2016. – № 2-1 (63). – С. 180-183.
16. Демидов А.В. Совершенствование нормативного правового регулирования института дисциплинарного производства в органах внутренних дел Российской Федерации: административно-правовой аспект // Гуманитарные науки в XXI веке. – 2015. – № XXIV. – С. 183-187.
17. Зейналов Ф.Н. Особенности форм и методов несения ДПС // Наука и практика. – 2010. – № 2. – С. 52-53.
18. Квитчук А.С. Государственная политика по созданию правового комплекса безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 2. – С. 97-104.
19. Квитчук А.С. Проблемы и пути формирования государственной и муниципальной систем управления обеспечением безопасности дорожного движения // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 102-107.
20. Квитчук А.С. Транспорт и гражданское законодательство РФ // Транспортное право. – 2006. – № 1. – С. 2-4.
21. Квитчук А.С., Болотина Е.В., Третьяков И.Л. Нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовые вопросы // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 204-207.
22. Квитчук А.С., Синькевич Н.А. Проблемы совершенствования системы безопасности дорожного движения // Транспортное право. – 2005. – № 4. – С. 43-46.
23. Костенников М.В. Правовое регулирование транспортной безопасности и роль полиции в ее обеспечении // NB: Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 9. – С. 23-29.
24. Никишкин А.В. Обеспечение безопасности дорожного движения – основная задача субъектов Российской Федерации на современном этапе // Вопросы юриспруденции: история и современность: Сборник статей по материалам II международной научно-практической конференции по юриспруденции. СПб.: Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2015. – С. 72-76.
25. Никишкин А.В. Организация деятельности подразделений государственной инспекции безопасности дорожного движения, в разрезе системы государственных органов власти современной России // Россия и современный мир: вызовы и угрозы политического развития: Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции по политологии. Россия, г. Санкт-Петербург, 11-12 сентября 2014 г. – СПб.: Фонд научных исследований в области гуманитарных наук «ЗНАНИЕ – СИЛА», 2014. – С. 134-150.
26. Никишкин А.В. Основная задача современной России – обеспечение безопасности дорожного движения // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 131-138.
27. Никишкин А.В. Развитие организационно-правового обеспечения деятельности ГИБДД как фактор снижения числа дорожно-транспортных происшествий на автодорогах России // Региональная информатика – 2008 (РИ – 2008): Материалы XI Санкт-Петербургской международной конференции. Россия, г. Санкт-Петербург, 22-24 октября 2008 г. – СПб., 2008. – С. 142-143.
28. Сальников С.П. Автотранспортные правонарушения: социально-политическая сущность и профилактика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
29. Синькевич Н.А., Квитчук А.С. Проблемы общественной безопасности в контексте административной реформы // История государства и права. – 2006. – № 3. – С. 23-26.
30. Трифонов В.А. Институт поручительства в системе органов внутренних дел // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 2. – С. 124-126.
31. Трифонов В.А. К вопросу о новом федеральном законе «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации» // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 1. – С. 172-178.
32. Трифонов В.А. Конституционно-правовые основы приема граждан на государственную службу в Российской Федерации // Пробелы в Российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 28-30.
33. Чирков Д.К. Анализ и оценка состояния преступности в субъекте Российской Федерации (в связи с

изменениями ст. 51 закона «О прокуратуре Российской Федерации») // Следователь. – 2011. – № 11 (163).
34. Чирков Д.К. Безопасность и государственное строительство: современные проблемы. Глава 3 // Декриминализация экономических преступлений: за и против: Монография / Под общ. научн. ред. Н.А. Фроловой. – М.: Орбита-М, 2013. – 384 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ПЬЯНКОВ Михаил Олегович,
Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Иркутск, Россия)
E-mail: kons-evdokimov@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)
E-mail: naukarf@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *Исследуется понятие и система предупреждения коррупционных преступлений. Анализируются различные научные точки зрения и предлагаются меры, направленные на предупреждение коррупционных преступлений и минимизацию последствий коррупции.*

Ключевые слова: *коррупция; коррупционное преступление; органы прокуратуры; антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.*

PYANKOV M.O.
SAL'NIKOV P.P.

THE CONCEPT AND SYSTEM OF THE PREVENTION OF CORRUPTION CRIMES

The summary. *The article analyses the notion and system of the prevention of corruption crimes. The author analyzes various scientific points of view, and proposes measures to prevent corruption crimes, and minimization of the consequences of corruption.*

Key words: *corruption; corruption crime; the procuratorial organs anti-corruption expertise of normative legal acts.*

Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями.

Полагаем необходимым обратить внимание и сказать, что борьба с коррупцией – это не шоу. Она требует профессионализма, серьёзности и ответственности. Только тогда она даст результат и получит осознанную поддержку со стороны общества [1]. Именно этими словами заканчивалось послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 года. С тех пор прошло более полугода, но заголовки новостей об очередном задержанном коррупционере продолжают обновляться каждые несколько часов, формируя, таким образом, целый перечень из 5-6 выявленных фактов коррупционных правонарушений в день [26; 40; 44].

Анализ крайних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опираются авторы.

Термин «коррупция» в современной науке рассматривается неоднозначно. Можно выделить, по меньшей мере, два подхода к определению рассматриваемого понятия: легальный (подход законодателя), психологический (как деформация правового сознания).

С точки зрения легального подхода, коррупция есть незаконное, противоправное, общественно-опасное деяние, проявляющееся в сфере экономики, политики, социальной и целом ряде других областей или государственного управления, за которое нормативно-правовыми актами установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность [49, стр. 64; 31; 35].

С позиции психологического подхода коррупцию следует рассматривать как разновидность деформации правового сознания и проявления правового нигилизма, лицами, наделенными властными полномочиями, либо являющимися государственными и муниципальными служащими [49, стр. 66; 8; 9; 10; 11; 13].

Конечно, столь частое обновление новостей говорит о высоком уровне работы правоохранительных органов по выявлению коррупционных правонарушений. Следовательно, тот же факт говорит о низком качестве деятельности по предупреждению таковых.

Очевидно, что государство, поражённое коррупционными процессами, неспособно противостоять внутренним и внешним угрозам [15, стр. 110]. Провальная военная операция под названием «Восстановление конституционного порядка в Чеченской Республике» подтвердила такой тезис. Именно поэтому эффективное противодействие коррупции должно состоять не в борьбе с её последствиями (в виде задержаний отдельных лиц), а в её своевременном предупреждении. Рассмотрим такие меры.

Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья.

Логично, что своевременное и эффективное предупреждение какого-либо явления (в т. ч. коррупции) состоит в ликвидации его причин. Поэтому необходимо выяснить такие причины.

Одна из них лежит в нравственности российского общества в целом. Дело в том, что сегодня СМИ поднимают престиж богатства и денег, вытесняя веками существовавшую поговорку «не в деньгах счастье». Рекламные акции в печати и телевидении микрозаймов, лотерей, онлайн-казино, якобы дающих возможность быстро и легко заработать, привели к тому, что в российском обществе слово «богатый» стало ассоциироваться с понятиями «умный», «успешный». Это произошло на фоне массовой приватизации большинства государственных предприятий, сместившей центр экономической тяжести со стороны государства в сторону ряда лиц с сомнительным и даже криминальным прошлым [16; 24]. Вполне естественно, что такие люди стали пытаться лоббировать свои интересы через высшие органы государственной власти. Так, на выборах Президента РФ в 2012 году одним из кандидатов стал представитель финансовой элиты.

Очевидно, что обогащение такой элиты, сравнительно небольшой группы людей, привело к обнищанию всего населения в целом. «Это стало подталкивать население и мелкое чиновничество к массовой низовой коррупции, подкрепляемой советскими традициями блата, а также вынуждать предпринимателей в условиях повышающихся налогов к отходу в теневую сферу экономики» [45]. В подобных условиях функционирования любое государство превращается из организации по защите общественного блага в аппарат обеспечения корпоративных интересов.

По мнению В. А. Номоконова, «двадцать российских богачей имеют совокупный бюджет, сопоставимый с федеральным. Это провоцирует сильнейшее имущественное расслоение

общества, и, как следствие, признание денег, капитала и собственности главной ценностью» [23]. Получение капитала любым способом, в том числе и незаконным, становится главной целью большинства членов российского общества.

Именно отсюда истекает правовой нигилизм всего общества, в том числе и власти [7; 12; 21; 27; 42]. Только эта причина, на наш взгляд, является основным коррупциогенным фактором, порождающим такие общеизвестные предпосылки, как противоречивое законодательство, низкий ВВП, оторванность бюрократического аппарата от населения, низкий уровень контроля власти со стороны населения и пр.

Формулировка целей статьи.

Цель исследования заключается в определении направления и конкретных мер совершенствования комплекса уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией. Для реализации этой цели выдвигаются следующие исследовательские задачи:

- анализ понятия коррупции и связанных с ним понятий в уголовно-правовом аспекте;
- определение места уголовной ответственности в системе иных мер борьбы с коррупцией

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.

Влияния экономики на уровень нравственного развития общества в целом подтверждает правовая статистика: при существовавшей государственной монополии на средства производства в СССР, количество убийств, например, в 1986 году составило 16 тысяч при 279 млн. человек населения. Количество убийств в 2006 году в России составило 28 тысяч при населении 142 млн. человек [39].

Существует целая система профилактики коррупционных преступлений, включающая в себя решение кадровых, организационных, финансовых, социально-экономических, правовых задач [41; 19; 2; 28; 29; 30]. Выделим основные из них.

1. Ограничение рыночных отношений. Минимальное участие государства в экономике за несколько десятилетий показало, что саморегулируемый рынок – миф, так как такой рынок неизбежно криминализируется. Ведь с «экономической точки зрения, коррупция – это проникновение рынка во властные отношения, формирование рынка властных услуг. Исходя из этого, государство должно поддерживать не спекулянта, а производителя товара, а для этого необходимо возвращение в массовую психологию ценностей человека труда, отдание ценностей приоритета учёному, а не телеведущему» [17].

2. Сокращение разрывов дифференциации доходов населения. Как ни странно, к малоимущим слоям населения относятся люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, а именно врачи и учителя. Так, например, средняя заработная плата врача-хирурга в Сибирском федеральном округе, по данным одного из иркутских сайтов по трудоустройству, составляет 30 тыс. рублей. Сокращение разрыва в дифференциации доходов может быть достигнуто посредством реорганизации шкалы налогообложения [18; 20; 37; 38] – путём внедрения прогрессивной системы налогообложения, что, несомненно, сократит разрыв в доходах населения и увеличит количество доходных статей в бюджете, но, к сожалению, на некоторое время спровоцирует отток финансовых инвестиций.

3. Учёт международного опыта в сфере борьбы с коррупционными преступлениями. Конечно, в России невозможно внедрение «стратегии войны» по образцу КНР, которая, несмотря на то, что признаёт «коррупционные проявления патогенными формами общественного бытия» [49; 47], может превратиться в репрессивный инструмент для устранения политических противников. Однако весьма показателен опыт Южной Кореи: Комитет по аудиту и инспекции, главный антикоррупционный орган, обладает полномочиями начать расследование по первому же обращению [22, стр. 176; 48; 46], при этом во время процедуры проведения проверки обеспечивается максимально свободный доступ населения к информации. Такое полномочие в сочетании с принципом репутационной составляющей обеспечит закрытость правоохранительной системы даже для лица, просто замешанного в коррупционном скандале.

Однако самая главная мера в предупреждении коррупционных преступлений, на наш взгляд, состоит в повышении уровня правосознания и правовой культуры населения [32; 33; 34; 36]. Такая задача может быть решена только путём завоевания доверия населения, для чего необходимы вышеизложенные способы, а также всесторонняя поддержка семьи, пропаганда её ценностей, устранение социальной апатии, осознание

гражданами своих прав, свобод и обязанностей как результата долгого и трудного пути нашего государства к построению правового государства и др.

Каждому члену общества необходимо помнить, что «доверие к власти есть та духовная сила, которая делает власть действительным органом народа, и в то же время дает народу действительное волевое единство, а если же этой воли нет, то правопорядок превращается в порядок непрерывного, систематического насилия; ибо недоверие государства к народу, а народа к государству заставляет власть рассчитывать исключительно на аппарат принуждения, предупреждая им и подавляя им всякое проявление самостоятельности» [14, стр. 201-202].

Учитывая, что коррупционные преступления наносят вред правовым отношениям практически во всех сферах общественной жизни, то важная роль в противодействии коррупции и предупреждении коррупционных преступлений принадлежит органам прокуратуры.

Поскольку преступление легче предупредить, чем раскрыть, то на взгляд авторов, профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации будет заключаться в проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления. Важным в данной сфере является вопрос проверки всех проектов государственных и муниципальных правовых актов на наличие коррупциогенных факторов [3; 25]. Поэтому на федеральном уровне следует установить обязательность предоставления нормативных правовых актов, их проектов в органы прокуратуры для проведения антикоррупционной экспертизы. За отказ от предоставления нормативных правовых актов и их проектов на экспертизу прокурору виновных следует привлекать к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ (Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении), а в случае отказа предоставлять проекты правовых актов в региональные и местные комиссии по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов – по ст. 19.7 КоАП РФ (Непредставление сведений (информации)) [4, стр. 23; 43, стр. 148-150].

Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Авторы разделяют позиции Е.В. Березиной и К.Н. Евдокимова, что для укрепления антикоррупционного законодательства имеет смысл ввести в КоАП РФ такой состав, как «умышленное издание (принятие) нормативного правового акта, содержащего коррупциогенные факторы» [4, стр. 24].

В заключение следует отметить, что проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов позволит снизить уровень государственной и муниципальной коррупции [5], так как нормативные правовые акты, содержащие коррупциогенные факторы, создают условия для активного развития коррупции в российском обществе.

Список литературы

1. Послание Президента Федеральному Собранию // Kremlin: официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379.
2. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 34-44.
3. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
4. Березина Е.В., Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов органами прокуратуры // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 1 (30). – С. 23-24.
5. Бородин В.В. Национальная стратегия противодействия коррупции в системе государственной и муниципальной службы в современной России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 57-62.
6. Гриб В.Г. Противодействие коррупции: Учебное пособие. – М., 2011.

7. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
8. Захарцев С., Сальников В. Профессиональная деформация сотрудников силовых структур // Защита и безопасность. – 2017. – № 2. – С. 22-24.
9. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания сотрудников полиции, судей и прокуроров // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 4(9). – С. 335-345.
10. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015 – № 1(18). – С. 340-345.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
14. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993.
15. Карасёв В. Методы профилактики и противодействия коррупции // Власть. – 2008. – № 8. – С. 109-112.
16. Катасонов В. Нас ждет новая волна приватизации – «бандитская в квадрате» // Aftershock: информационный сайт. URL: https://aftershock.news/?q=node/490195&full.
17. Клейменов М.П. Профилактика коррупции // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 85-89.
18. Корнилов Г.А., Миронов В.С. Противодействие криминальным угрозам в сфере налогообложения – национальный интерес России: Научно-практическое пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.В. Мозякова. – СПб.: Фонд «Университет», 2004. – 224 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
19. Липинский Д.А., Евдокимов К.Н.Регулятивная функция уголовной ответственности: понятие, структура и взаимосвязь с предупреждением преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 520-530.
20. Малинин В.Б., Улезько С.И. Понятие налога и налоговых правоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 96-102.
21. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38.
22. Моисеев В.В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 3.
23. Номоконов В.А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 62-64.
24. Полеванов В. «Бандитская» приватизация и судьбы олигархов // Maxpark: финансово-политический сайт. URL: http://maxpark.com/community/politic/content/1778489
25. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
26. Прокуратура нашла «мертвые души» при организации спортивных мероприятий // Regnum: информационное агентство. URL: https://regnum.ru/news/society/2337238.html.
27. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
28. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2012. – № 10. – С. 4-14.
29. Савенков А.Н., Савенков А.А. Как победить коррупцию: юридические практики Великобритании // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 7-16.
30. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
31. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
32. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
33. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
34. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.:

ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
35. Сальников В.П. Российская бюрократия и бизнес: минимизация коррупционных рисков // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России / Под общ. ред. Р.А. Ромашова. – Самара: Самарский юридический ин-т ФСИН России, 2014. – Вып. 2. – С. 140-144.
36. Сальников В.П. Формирование правовой культуры в условиях становления гражданского общества: структура и функции // Ученые записки юридического факультета. – 1997. – № 2. – С. 10.
37. Сальников М.В., Щепкин С.С. Становление и эволюция институтов налогов в контексте развития общества и государственности // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 4. – С. 24-32.
38. Сальников М.В., Щепкин С.С. Эволюция института налогов в контексте развития общества // Юридический мир. – 2004. – № 10. – С. 76-84.
39. Статистика преступности в СССР и России // Lifejournal: сайт новостей. URL: https://tl2002.livejournal.com/116197.html.
40. Строительные работы перинатального центра в Норильске сдавали за взятки [Электронный ресурс] // Regnum : информационное агентство. URL: https://regnum.ru/news/accidents/2337075.html.
41. Теория государства и права: Учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов, В.М. Деревскова, И.А. Кузьмин, Н.А. Пьянов; под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2016. – 620 с.
42. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58.
43. Участие прокуратуры в правотворческой деятельности: Учебное пособие / А.В. Юрковский, К.Н. Евдокимов, В.М. Деревскова, И.А. Кузьмин, В.П. Любушкина; под редакцией А.В. Юрковского. – Иркутск, 2014. – 239 с.
44. ФСБ «вычислила» коррупционеров в мэрии Тольятти // Regnum : информационное агентство. URL: https://regnum.ru/news/accidents/2337565.html.
45. Шекультиров Б.И. Коррупция в России: право, власть и нравственность // Вестник АГУ. – 2011. – Серия 1. – С. 3–6.
46. Юрковский А.В. Конституционно-правовая политика противодействия преступности в Монголии, Японии и Республике Корея: контент-анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4 (38). – С. 112-121.
47. Юрковский А.В. Правовое просвещение как элемент правовой политики противодействия преступности в КНР // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXI международной научно-практической конференции. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. – С. 206-210.
48. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Особенности конституционно-правовой охраны в Республике Корея // Право и политика. – 2016. – № 11. – С.1351-1358.
49. Юрковский А.В., Евдокимов К.Н., Деревскова В.М. Правовые основы противодействия коррупции: Учебное пособие. – Иркутск, 2012. – 199 с.

МАМЕДОВ Шамил Сафарали оглы,
кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: shamil.mamedov.1965@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Анализируется личность преступников, осуществляющих незаконный оборот алкогольной продукции. Рассматриваются три типа лиц, совершающих такого рода правонарушения. Отмечается, что всем им свойственны антиобщественные взгляды, отрицательное отношения к нравственным ценностям, правовой нигилизм и низкий уровень правосознания и черты криминального профессионализма.*

Ключевые слова: *алкогольная продукция; незаконный оборот; личность преступника; предупреждение преступлений; социальный тип.*

MAMEDOV Sh.S.

ILLEGAL CIRCULATION OF ALCOHOL PRODUCTS AND CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SUBJECT OF CRIME

The summary. *The identity of criminals who carry out illegal turnover of alcoholic products is analyzed. Three types of persons who commit such offenses are considered. It is noted that all of them are characterized by antisocial views, negative attitudes towards moral values, legal nihilism and low level of legal awareness and features of criminal professionalism.*

Key words: *alcohol products; illegal traffic; the identity of the perpetrator; crime prevention; social type.*

«Успешное предупреждение преступлений возможно лишь в том случае, если внимание будет сконцентрировано на личности преступника, поскольку именно личность – носитель причин их совершения. Личность является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения. Те ее особенности, которые порождают такое поведение, должны быть непосредственным объектом предупредительного воздействия» [15, стр. 11]. Именно в этом должна проявляться превентивная политика [76] как один из шести элементов [6; 7; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 66; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 77; 85; 88] уголовной политики в целом [5; 8; 9; 22; 46; 47; 48; 67; 82].

Проблема изучения личности преступника, как известно, зачастую вносит существенные коррективы в общую картину криминогенной ситуации. В целях эффективности индивидуального предупреждения преступлений надо полно и всесторонне знать личность совершившего преступление или обладающего криминальной потенцией [58, стр. 106]. Это одинаково значимо как для умышленного преступления, так и преступления, связанного с неосторожной формой вины, скажем, транспортного [10; 11; 12; 13; 16; 78; 79].

Существенное отличие структурных образований личности преступника от личности законопослушного гражданина состоит, прежде всего, в

том, что в первом случае многие составляющие черты, свойства личности (особенно те, которые сформировались под влиянием социальных условий) характеризуют ее с негативной стороны и делают более восприимчивой к воздействию криминогенных факторов. Справедливо считается, что основное отличие личности преступника от личности законопослушного гражданина состоит в негативном содержании ценностно-нормативной системы, т. е. в криминальной направленности личности преступника, которая и определяет общественную опасность данной личности [29; 45; 56; 57; 60; 63].

Целостную систему, составляющую феномен личности, в том числе преступника, можно представить в виде трех подсистем: социального статуса личности, ее социальных функций и, наконец, нравственно-психологической характеристики, которая, в свою очередь, складывается из нескольких видов психологии в узком смысле слова: гражданской, трудовой, бытовой, правовой, межличностной, а также психологии «Я». Причем наиболее устойчивые отношения этих подсистем образуют систему ценностей личности и его преобладающую мотивацию.

Учение о личности – одно из самых сложных и в настоящее время мало разработанных наукой, в том числе и психологической. Данное положение проявляется и в криминологии, однако при всем спектре нюансов понятий ведущие криминологи страны сходятся в некоторых существенных свойствах такого понятия, как личность преступника [52; 53; 55; 50; 51; 54]. Так, А.И. Долгова определяет последнюю как «социальное лицо человека, совершившего преступление». Ю.М. Антонян считает, что личность преступника – это «совокупность интегрированных в ней социально значимых негативных свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми» [15, стр. 12]. Н.Ф. Кузнецова и Г.М. Миньковский формулируют следующее определение: «Это целостная система социальных и психологических черт, свойств и качеств участника и носителя общественных отношений», совершившего преступление. Е.Б. Кургузкина под личностью преступника предлагает понимать динамическое состояние лица, определяемое совокупностью различных негативных факторов, внешних и внутренних, социальных, биологических, психологических, представляющего собой идеальную модель, отличающуюся от других людей такими особенностями, как отчуждение от нормальных связей, отношений, ценностей, более низкий уровень образования и культуры, более низкая нравственность, выражающаяся в признании возможности использования криминальных средств достижения целей, а также сочетание таких психологических черт, как гипертрофированная импульсивность, ригидность, тревожность, параноя льность [58, стр. 114]. Наконец, Ю.М. Антонян определяет личность преступника «как личность человека, который совершил преступление вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или непроявления необходимой активности в предотвращении отрицательного результата» [15, стр. 16].

Последнее представляется нам наиболее полным и адекватно отражающим сущность рассматриваемого явления, поэтому в своем дальнейшем исследовании мы будем пользоваться именно им как методологической основой.

Н.Т. Ведерников определяет личность преступника как социальный тип человека, сформированный специфическими условиями общества, класса или группы людей, в тоже время это – конкретный индивид, в котором социальные свойства выражены в индивидуально своеобразной форме [20, стр. 9]. Ему присуща совокупность физических, биологических и социальных свойств, информация о которых отображается в процессе его деятельности в виде материальных и идеальных следов. Из всего множества свойств и качеств личности преступника интерес криминалистики, вызывают лишь те из них, которые участвуют в процессе детерминации механизма преступления, обуславливают особенности его отражательных возможностей и процесса следообразования и вместе с тем испытывают на себе и запечатлевают воздействие других лиц, предметов и процессов, взаимодействующих с ними [59, стр. 112].

Анализ судебно-следственной практики позволяет сделать вывод, что совершение преступлений в области незаконного производства спиртосодержащей продукции возможно только группой лиц.

В организованную преступную группу обычно

входят несколько человек, роли между участниками группы чётко распределены. Руководит и осуществляет контроль за деятельностью других участников организатор незаконного производства, он же забирает основную часть прибыли. Остальные участники обычно получают так называемую заработную плату за проделанную работу.

Количественный и качественный состав преступной группы может меняться в зависимости от объёмов производства и способов реализации готовой продукции. Несмотря на достаточно высокий уровень вариативности существующих организационных форм групп, занимающихся незаконным оборотом алкогольной продукции, мы предлагаем выделить три типа лиц, совершающих такого рода правонарушения.

Первый – руководители (организаторы) преступных групп, осуществляющих незаконный оборот алкогольной продукции.

Руководители осуществляют подбор и расстановку кадров, которые будут осуществлять непосредственную производственную деятельность по производству фальсифицированной продукции. Данные лица подбирают необходимые для размещения соответствующего оборудования помещения. Возраст данных лиц составляет 26-38 лет, высокий образовательный уровень 68% имеют высшее образование, 30% имеют легальный бизнес, в некоторых случаях помогающий скрывать следы преступной деятельности. Мотивация исключительно корыстная. Выраженная антисоциальная направленность личности. У данной категории наблюдается правовой нигилизм и низкий уровень правосознания [28; 32]. Ради достижения корыстной цели приемлют любые средства, невзирая на последствия, в том числе для жизни и здоровья потребителей данной некачественной продукции. Искусственно создают условия для совершения такого рода преступления и правонарушений. Автор обозначает их в своей работе как «криминальные дельцы». В принципе такой тип преступника не волнует сфера деятельности, они готовы заниматься любой, в том числе ярко выраженной противозаконной деятельностью приносящей сверхдоходы.

Второй – исполнители. Лица, занимающиеся непосредственно производством и сбытом нелегальной алкогольной продукции, самой тяжелой и опасной работой. В 90% случаев это лица мужского пола, возрастные критерии можно разделить на три группы это лица 18 – 24, 25 – 33 и 34 – 45 лет, очень низкий образовательный уровень, только 36% имеют среднее образование, у остальных 9-11 классов общеобразовательной школы. К уголовной ответственности за совершение различных преступлений привлекалось 67% лиц, входящих в эту подгруппу. Личность имеет преимущественно антисоциальную направленность. Мотивация также корыстная. Занимаются такого рода правонарушениями в силу сложившейся трудной жизненной ситуации либо в силу привычки заниматься противоправной деятельностью. От дельцов отличаются тем, что не предпринимают активных действий по созданию условия для совершения преступлений. Данный тип обозначен автором как «цеховики».

Третья группа – лица, участвующие в обеспечении незаконного оборота спиртосодержащей и алкогольной продукции. Данный тип отличается в целом положительной социальной направленностью. В большинстве случаев лица, относящиеся к этому типу, могут быть не посвящены в преступный характер деятельности, но могут догадываться об этом или допускать такую возможность. Это, прежде всего, различный обеспечивающий персонал: водители, механики, грузчики, техники по обслуживанию оргтехники и так далее. Преимущественно мужчины, образование – среднее, среднее специальное. Данный тип назван автором «работяги».

Криминологические характеристики лиц, совершивших уголовно-правовые деликты в сфере оборота алкогольной продукции, качественно отличны от параметров преступников, совершающих так называемые общеуголовные преступления. Задача выявления комплекса признаков личности рассматриваемого вида только начинает решаться, и хотя число рассматриваемых преступлений год от года неизменно растет, а в некоторые годы – и удваивается, общее количество их все-таки еще невелико. Поэтому специальные исследования в данном направлении не только позволяют выделить здесь весьма характерные особенности традиционных составляющих структуры личности, но и смоделировать на этой основе средства предупредительного характера. Кроме того, характер деятельности группы лиц, объединенных для совершения данного преступления, и наличие

организационной формы, благодаря которой они совершают преступления, дают основания для вывода о необходимости введения в России уголовной ответственности юридических лиц, которая имеется уже во многих странах и которую активно предлагают ввести в России профессоры А.И. Бастрыкин и А.В. Федоров [17; 18; 83; 84; 86; 87; 89; 90; 91; 92; 93] и другие исследователи [21; 31].

Социально-демографические особенности личности преступника, как известно, образуются характеристиками пола, возраста, социального положения, образования, рода занятий, профессии, квалификации, семейного положения, жилищных и материальных условий, а также рядом других признаков.

Если начать производить характеристику лиц, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, с самого первого, лежащего «на поверхности» признака – пола, то мы обнаруживаем, что разница между мужчинами и женщинами, совершающими преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, незначительна (59,3% мужчин и 40,7% женщин). Это резко отличается от показателей общеуголовной преступности, где соотношение женского и мужского пола среди преступников в среднем составляет 1/7.

Такие составы преступлений, как контрабанда (ст. 188 УК), изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование (ст. 327.1УК), подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК), производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК) совершаются лицами женского пола крайне редко.

Обращает на себя внимание различие в активности, проявляемой мужчинами и женщинами, в зависимости от участия в совершении указанных видов преступлений. Наиболее контрастными различия проявились для мужской половины: по незаконной предпринимательской деятельности (71,1%); производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции (64,4%), незаконное использование товарного знака (86,4%). На наш взгляд, такое положение, помимо других причин, связано с распространенностью самого участия женщин в торговой сфере.

В последнее время в структуре преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, значительно увеличилось количество выявленных преступлений, предусмотренных ст. 159 УК, и это существенно повлияло на соотношение женщин и мужчин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, которое составило ?, соответственно. Кроме того, в ходе проведенного исследования установлено доминирование женщин, совершающих преступления, связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции, на стадии реализации алкогольной продукции, а мужчин соответственно – на стадии производства.

Следующим классификационным признаком при характеристике личности преступника обычно выступает его возраст, причем здесь характеристика производится, как правило, по двум показателям: среднему возрасту виновного лица и категорийному его распределению по различным возрастным группам (чаще всего с «шагом» в одно десятилетие). Анализируемый вид преступности характеризуется средним возрастом делинквента в 37 лет; при характеристике же его по второму показателю выявляются несколько иные тенденции, нежели при рассмотрении всей преступности в целом.

Анализ возрастных характеристик показывает, что криминальная активность в сфере оборота алкогольной продукции наиболее высока у лиц в возрасте от 36 до 40 лет (23% от общего числа), в возрасте от 31 до 35 лет (21%) и в возрасте от 41 до 45 лет (18%). Криминальная активность спадает после 50 лет (8%). Столь невысокий удельный вес этой категории населения, скорее всего, связан с присущей ей законопослушностью, осторожностью, исполнительностью.

Кроме того, совершенно нехарактерно совершение преступлений в данной сфере для несовершеннолетних (около 1%).

Таким образом, в отличие от общеуголовной преступности, где пик криминальной активности приходится на возраст 25 – 29 лет, а затем следует возрастная группа 18 – 24 года и несовершеннолетние, преступность в сфере оборота алкогольной продукции является более «старой». Это можно объяснить тем, что для совершения

преступлений в сфере оборота алкогольной продукции требуется определенный стартовый капитал, опыт работы в сфере предпринимательской деятельности и хорошо налаженные хозяйственные связи, необходимые для приобретения сырья для производства фальсифицированной алкогольной продукции и последующей ее реализации. Приобретение всего этого требует определенных временных затрат что и сказывается на возрасте лиц, совершающих преступления в сфере оборота алкогольной продукции.

Естественно предположить, что лица, совершающие преступления в сфере оборота алкогольной продукции, должны обладать довольно высоким уровнем умственного развития, что количественно, хотя и косвенно, может быть измерено таким показателем, как уровень образования. Итоги исследования подтверждают данное предположение: если средний образовательный показатель по всей npe-i ступности в целом в его доле, занимаемой высшим образованием, равен 4%, то у преступников в сфере оборота алкогольной продукции число лиц, имеющих оконченное либо неоконченное высшее образование, составляет примерно 27%, что соответствует превышению среднего уровня почти в 7 раз, у 59% выявленных лиц – среднее специальное, оставшиеся 14% имеют среднее образование.

Одним из важнейших конститутивных признаков личности преступника, вообще, и правонарушителя в сфере оборота алкогольной продукции, в частности, является его служебное или рабочее положение. Как показало проведенное исследование, доля лиц, занимающих руководящие должности на предприятиях различных форм собственности, а также являющихся индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица, среди мужчин составила 21,3%, а среди женщин – 12,8%.

Профессиональная занятость у преступников в сфере оборота алкогольной продукции по сравнению с общеуголовными также значительно выше. Большинство лиц, совершающих преступления в данной сфере, имеют постоянный источник дохода. Проведенное исследование показало, что доля лиц, не имеющих постоянного источника дохода, составляет 27,1% в отличие от 54,5% для остальных преступлений. Большинство лиц, совершающих преступления, работают в сфере торговли (84,3%) или производства алкогольной продукции (9,9%).

Интересным показателем при характеристике личности преступника является его семейное положение. Абсолютное большинство лиц, занимавшихся незаконным оборотом алкогольной продукции, были женаты (или замужем). В целом, считает Д.А. Шестаков, супружество само по себе является антикриминогенным фактором. Появление семейного общения и забот занимает свободное время гражданина и уже этим фактом ограничивает действия на него внешних криминогенных влияний. К факторам этого же порядка следует отнести также и родительскую семью, как важнейший детерминирующий либо антикриминогенный фактор. Ее криминогенное влияние в известной ситуации может обнаружиться и многие годы спустя, обусловливая во взаимодействии с другими факторами совершение преступления [95, стр. 88]. Предложенная профессором Д.А. Шестаковым позиция еще раз подтверждает выводы теоретиков права о том, что в России традиционная семья является важной социальной ценностью [3; 4; 19; 30; 43; 44; 64; 81].

Следующим характерологическим признаком преступника можно избрать место его проживания, при этом обнаруживается, что абсолютное большинство правонарушителей в сфере оборота алкогольной продукции – городские жители.

Достаточно поляризован в данном отношении и показатель преступников по гражданству. В ходе проведенного исследования было установлено, что среди выявленных лиц, занимающихся незаконным оборотом алкогольной продукции, достаточно высокий удельный вес иностранных граждан – 3,4% (все граждане СНГ, в первую очередь, граждане республик Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины), что почти в 2 раза превышает аналогичный показатель для российской преступности в целом [80].

Данная ситуация диктует необходимость усиления государственного контроля над миграционными процессами, протекающими в нашей стране [1; 23; 24; 25; 26; 49; 65].

Приведенные выше данные показывают, что пробелы в нравственном воспитании не могут компенсироваться ни высоким уровнем образования, ни занимаемым положением в обществе, соответственно, сами по себе они не являются антикриминогенными факторами. Однако указанное распределение имеет серьезное значение для разработки профилактических мер воспитательного характера.

Таким образом, сами по себе социально-демографические признаки не несут социальной нагрузки и не характеризуют лицо как преступника. Но в сочетании с другими признаками социально-демографические свойства позволяют точнее определить социальный «портрет» преступника.

Криминологический анализ показывает, что криминальная среда пополнилась лицами с деформированным нравственным сознанием, со стертой гранью в понимании правомерной и неправомерной деятельности. Пользуясь недостатками в правовом регулировании производства и оборота алкогольной продукции, они стали наживать громадные прибыли за счет умения обходить закон либо замаскировано нарушать его.

Необходимо отметить, что мотивационное поле (основные побудительные мотивы к занятию незаконным оборотом алкогольной продукции) не обязательно должно содержать в себе признаки противоправности. Однако практическое удовлетворение потребностей в силу серьезных изъянов образовательно-культурных и нравственных качеств рассматриваемой категории лиц зачастую приобретает «уродливые» формы.

Диапазон психологических качеств личности преступника в рассматриваемой сфере достаточно широк, и во многом именно они предопределяют формы и методы, продолжительность, масштабы и другие характеристики их преступного поведения. Общими здесь являются, в первую очередь, негативное отношение к закону и жажда наживы, пренебрежение к моральным и нравственным нормам, сознательное культивирование безнравственных коллизий и игнорирование таких негативных последствий, как дискредитация деятельности сферы оборота алкогольной продукции, а также подрыв принципа социальной справедливости [14, стр. 6-20; 61]. Философско-правовая проблема соотношения права и справедливости встает здесь в полный рост [40; 41; 42; 94; 96].

Анализ уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, показывает, что уровень рецидивной преступности по данной категории дел составляет 6,6%, в отличие от 27% для остальных преступлений [80]. Данная тенденция была характерна для начала 2000-х годов и продолжается в настоящее время. При этом предыдущие судимости чрезвычайно редко связаны с насильственными видами уголовных деяний, гораздо чаще это преступления против собственности (различные формы хищения) и преступления в сфере экономической деятельности, К сожалению, уровень специального рецидива в настоящее время не представляется возможным определить, так как преступления в сфере оборота алкогольной продукции стали выделяться в отдельную группу достаточно недавно, поэтому лица, наказанные за данные деяния, либо еще отбывают наказание, либо еще не успели совершить новых преступлений в данной сфере.

Необходимо отметить, что количество преступлений, совершаемых в данной области группами лиц, составляет около 1% от общего количества (данные ГИЦ МВД РФ), что несколько ниже, чем аналогичный показатель для экономической и общеуголовной преступности в целом. Как правило, число соучастников в них в среднем не превышает 3 человек, доля групп из 4 и более человек составляет только 14%. Это, в первую очередь, связано с высокой латентностью преступлений, совершаемых преступными группами в сфере оборота алкогольной продукции. Так, в ходе опроса экспертов 45,7% респондентов указали, что свыше 50% преступлений, связанных с незаконным оборотом алкогольной продукции, реально совершается с участием преступных групп (группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество/преступная организация), 35,1% опрошенных – от 10 до 50%, 19,2% респондентов – менее 10% преступлений.

Представляет интерес характеристика деятельности организованных преступных групп на рынке алкогольной продукции, данная Р.Г. Аксеновым и Р.В. Черкасовым [2, стр. 45-46]. В частности, ими были получены сведения о том, что специфика рассматриваемых преступлений не предполагает выделения организатора из состава преступной группы по его личностным качествам, что характерно для групп, совершающих общеуголовные преступления. Как и в обычной предпринимательской деятельности, организатор выступает в лице работодателя, который нанимает для осуществления задуманной деятельности необходимых ему лиц. Соответственно этому строятся взаимоотношения в группе. Многие функции организатора, характерные для группы общеуголовной направленности, здесь

просто никак не проявляются:

- информационная функция практически отсутствует, поскольку лидеру важен результат, продукт деятельности группы, от реализации которого он получает прибыль, а сведения о внутренней жизни группы, поддержание ее внешних связей и т. п. его интересуют в меньшей степени (2,9%);
- стратегическая функция организатора в основном сводится к постановке количественных целей и задач перед исполнителями (65,7%), планированию всей деятельности (37,1%) и определению путей использования дохода (65,7%);
- нормативно-ценностная и дисциплинарная функции также почти не обнаруживаются (2,9%);
- специфика проявления организационных функций заключав ется не столько в формировании группы, сколько в организации и руководстве незаконным оборотом алкогольной продукции (80%). При этом в 96,4% случаев организатор непосредственно участвует в кустарном производстве и реализации, и в 3,6% случаев – только осуществляет интеллектуальное руководство всей деятельностью.

Предполагаемый социальный портрет организатора такого преступного бизнеса выглядит следующим образом: это мужчина (100%) в возрасте 27 – 35 лет (75,3%), ранее не судимый (48,6%), со средним специальным или высшим образованием (86,4%), являющийся предпринимателем (78,4%) или государственным служащим (18,3%), обладающий суммой знаний по технологии производства алкогольной продукции (34,3%) и имеющий возможности приобретения как самой алкогольной продукции, так и необходимого сырья и оборудования (82,9%).

Кроме того, исследование показало, что структура бутлегерских групп зависит от способа совершения преступления. В зависимости от стадии незаконного оборота алкогольной продукции распределяются и ролевые функции в группе. Можно выделить лиц, осуществляющих поставку необходимого сырья и оборудования («поставщики»); лиц, непосредственно изготавливающих алкогольную продукцию («изготовители»); лиц, выполняющих вспомогательные функции (шоферы, грузчики, мойщики бутылок); лиц, реализующих готовую продукцию («сбытчики»); лиц, осуществляющих функцию прикрытия преступной деятельности (охранники).

Краткая характеристика обозначенных групп лиц выглядит следующим образом.

«Поставщиками» выступают работники ликероводочных заводов, спиртзаводов, типографий, пунктов приема стеклопосуды, а также лица с техническим образованием, имеющие возможность изготовления и ремонта устройств для производства спиртного.

Для выполнения основной черновой работы по изготовлению алкогольной продукции, как правило, нанимаются лица без определенного места жительства (4,2%), беженцы или приезжие из азиатских и кавказских республик (34,8%), лица, нигде не работающие (46,6%), нередко используется труд знакомых и родственников (12,3%). Организатор либо его доверенное лицо предоставляют «изготовителям» оборудование и разъясняют технологию производственного процесса. Причем связь между «поставщиками» и «изготовителями» может быть как непосредственной, так и опосредованной – через организатора или его помощников. Таким образом, «изготовителям» неизвестно, откуда поступает оборудование и сырье, а «поставщики» не знают, где и кто все это использует.

Лица, осуществляющие вспомогательные функции, в большинстве случаев не посвящаются в процесс производства, а привлекаются, например, для погрузки и транспортировки готовой продукции, иногда добросовестно заблуждаясь относительно потребительских качеств перевозимого ими товара. Учитывая, что для перевозки к месту реализации водителя снабжают необходимыми документами, он зачастую уверен в том, что перевозит нормальную алкогольную продукцию от одного покупателя к другому. Данное звено в предложенной схеме может отсутствовать. В этом случае сами «изготовители» выполняют указанные функции, непосредственно взаимодействуя со «сбытчиками».

«Сбытчики», как правило, – это руководители или работники магазинов, кафе, закусочных, оптовых баз и т. п. Расчет за проданный товар они производят с организатором. Поэтому «изготовители» обычно не знают, где, по какой цене и на какую сумму была реализована изготовленная ими винно-водочная продукция.

Лица, осуществляющие прикрытие

незаконного оборота алкогольной продукции, как правило, не поддерживают связь с предыдущими звеньями и общаются только с организатором, осуществляя не только прикрытие организованной им деятельности, но и другие различные вспомогательные функции.

В зависимости от наличия ряда факторов, выделенные по функциональному признаку группы лиц могут выполнять как одну, так и несколько функций.

Соответственно, степени организованности группы могут действовать в отдельном районе населенного пункта (17,6%), в рамках какого-либо города (39,7%), в определенном регионе (области, крае, республике) (40,1%), в различных регионах страны (2,6%).

Нам представляется, что данная Р.Г. Аксеновым и Р.В. Черкасовым характеристика деятельности организованных преступных групп на рынке алкогольной продукции является наиболее полной и отражающей все ключевые звенья такой деятельности.

При всем разнообразии форм и методов преступной деятельности в сфере оборота алкогольной продукции, ее неоднородности и различиях в психологических характеристиках личности преступников – все они так или иначе вполне укладываются в две достаточно далеко стоящие друг от друга типологические группы, что не исключает и существования «промежуточных» или смешанных типов личности рассматриваемых преступников.

Первая из них включает в себя «последовательно-корыстный» тип [62, стр. 143-157]. Для них характерны активная и продолжительная преступная деятельность, которая наложила крайне негативный отпечаток на весь нравственно-психологический облик лица, где доминируют стяжательство, сочетаемое с изощренными и циничными формами социально однородных преступных нарушений закона.

Чаще всего это достаточно опытные и последовательные организаторы преступных групп в предпринимательской сфере либо их активные участники.

Вторую типологическую группу составляют лица «противоречиво-корыстного» типа, в структуре личности которых немало положительных черт и нет ярко выраженной отрицательной, откровенно корыстной доминанты преступного поведения. Противоречивость их характеристики проявляется в конкуренции негативных (право нарушающих) и позитивных целей (или, по крайней мере, социально-нейтральных) избранных преступных средств. Сюда, в частности, относятся: во-первых, так называемые «вынужденные преступники», сформировавшиеся на фоне суммарного действия крайне неблагоприятных экономических и психологических факторов; во-вторых, «хозяйственные преступники», которые в «интересах дела» выбирают путь прямого и порой заведомо для них преступного нарушения закона; в-третьих, пассивные правонарушители, которые не в силах отказаться от соблазна [27, стр. 95].

Таково видение в наиболее общей форме типологических черт личности преступников в сфере оборота алкогольной продукции.

Обобщение данных, характеризующих лиц, совершающих правонарушения в сфере оборота алкогольной продукции, дает возможность сформулировать следующие выводы.

1. Анализ личности преступника в сфере оборота алкогольной продукции позволяет не только выделить его весьма характерные особенности, традиционные составляющие структуры личности, но и смоделировать на этой основе меры предупредительного воздействия.

2. Для лиц, совершающих преступления в затрагиваемой сфере, характерно осуществление общественно опасных деяний систематически. Такая деятельность становится апробированным способом извлечения доходов. Соответственно, лицам, занимающимся незаконным оборотом алкогольной продукции, в значительной степени свойственны черты криминального профессионализма.

3. По своим основным характеристикам тип личности правонарушителей, занимающихся незаконным оборотом алкогольной продукции, близок к «противоречиво-корыстному», в частности, подтипу «вынужденному», сформировавшемуся на фоне суммарного действия крайне неблагоприятных экономических и психологических факторов.

Несмотря на достаточно высокий уровень вариативности существующих организационных форм групп, занимающихся незаконным оборотом алкогольной продукции, мы предлагаем выделить три типа лиц, совершающих такого рода правонарушения.

Первый – руководители (организаторы)

преступных групп, осуществляющих незаконный оборот алкогольной продукции.

Руководители осуществляют подбор и расстановку кадров, которые будут осуществлять непосредственную производственную деятельность по производству фальсифицированной продукции. Данные лица подбирают необходимые для размещения соответствующего оборудования помещения. Возраст данных лиц составляет 26-38 лет, высокий образовательный уровень (68% имеют высшее образование), 30% имеют легальный бизнес, в некоторых случаях помогающий скрывать следы преступной деятельности. Мотивация исключительно корыстная. Выраженная антисоциальная направленность личности. У данной категории наблюдается правовой нигилизм и низкий уровень правосознания. Ради достижения корыстной цели приемлют любые средства, невзирая на последствия, в том числе для жизни и здоровья потребителей данной некачественной продукции. Искусственно создают условия для совершения такого рода преступления и правонарушений. Автор обозначает их в своей работе как «криминальные дельцы». В принципе такой тип преступника не волнует сфера деятельности, они готовы заниматься любой, в том числе ярко выраженной противозаконной деятельностью, приносящей сверхдоходы.

Второй – исполнители. Лица, занимающиеся непосредственно производством и сбытом нелегальной алкогольной продукции, самой тяжелой и опасной работой. В 90% случаев это лица мужского пола, возрастные критерии можно разделить на три группы: это лица 18 – 24, 25 – 33 и 34 – 45 лет, очень низкий образовательный уровень, только 36% имеют среднее образование, у остальных 9 – 11 классов общеобразовательной школы. К уголовной ответственности за совершение различных преступлений привлекалось 67% лиц, входящих в эту подгруппу. Личность имеет преимущественно антисоциальную направленность. Мотивация также корыстная. Занимаются такого рода правонарушениями в силу сложившейся трудной жизненной ситуации либо в силу привычки заниматься противоправной деятельностью. От дельцов отличаются тем, что не предпринимают активных действий по созданию условий для совершения преступлений. Данный тип обозначен автором как «цеховики».

Третья группа – лица, участвующие в обеспечении незаконного оборота спиртосодержащей и алкогольной продукции. Данный тип отличается в целом положительной социальной направленностью. В большинстве случаев лица, относящиеся к этому типу, могут быть не посвящены в преступный характер деятельности, но могут догадываться об этом или допускать такую возможность. Это, прежде всего, различный обеспечивающий персонал: водители, механики, грузчики, техники по обслуживанию оргтехники и так далее. Преимущественно мужчины, образование – среднее, среднее специальное. Данный тип назван автором «работяги».

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р. Миграция в России и сетевые структуры // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 80-93.
2. Аксенов Р.Г., Черкасов Р.В. Организация преступных групп, осуществляющих незаконный оборот алкогольной продукции // Российский следователь. – 2001. – № 6. – С. 45-46.
3. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
4. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
5. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
6. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика в России в условиях реформирования государства: Теория и современность. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
7. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления: Интервью // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.

8. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
9. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
10. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступники: к вопросу о типологии личности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 81-86.
11. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Автотранспортные преступления в России: общее состояние проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 128-134.
12. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Личность гражданина, виновного в совершении автотранспортного преступления: общественно-опасные черты и установки // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 98-104.
13. Алиев Я.Л., Аруев К.Б., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Мотивы автотранспортных преступлений: общая характеристика личности преступника 154-169 // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 105-113.
14. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Психологические особенности личности расхитителей социалистического имущества и индивидуальная работа с ними. – М., 1986.
15. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.К, Эминов В.Е. Личность преступника. – СПб.: СПбГУ, 2004.
16. Аруев К.Б., Реуф В.М., Сальников С.П., Третьяков И.Л. Профилактика автотранспортных правонарушений: некоторые вопросы теории и практики // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 46-51.
17. Бастрыкин А.И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. Выпуск 2. – М.: Институт повышения квалификации СК России, 2013. – С. 3-13.
18. Бастрыкин А.И. Уголовная ответственность юридических лиц как мера противодействия коррупции // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2014. – № 1. – С. 6-12.
19. Бондаренко О.Г. Правовая природа и применение института брачного договора в России и за рубежом // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Сб. матер. межрегиональной науч-практ. конф. , 20 мая 2015 г., г. Орел. / Под ред. Е.Н. Щендригина, Д.П. Майоровой. – Орел: ОрлГУ им. И.С. Тургенева, 2015. – С. 75-78. – в сб. 292 с.
20. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого: (Понятие, предмет и методика изучения) – Томск: Томский ун-т, 1978.
21. Винокуров С.И., Чирков Д.К. К вопросу об актуальности введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 90-94.
22. Волеводз А.Г. Уголовная политика: многообразие проблем, требующих решения // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 2. – С. 7-8.
23. Государственный контроль за миграционными процессами: Учебное пособие / С.А. Акимова, С.Н. Байжуминов, Н.Г. Максименко, Н.А. Нигметов, Т.А. Прудникова; Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 143 с.
24. Дзьоник Д.В. Административно-процессуальные особенности привлечения к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные частью 3 (4) ст. 18.15 КоАП РФ // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 103-106.
25. Дзьоник Д.В. Контроль за миграцией: проблемы и решения: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2016. – 200 с. – (Серия «Теория и практика миграционных процессов).
26. Дзьоник Д.В. Привлечение к административной ответственности юридического лица, допустившего нарушение миграционного законодательства: проблемы и перспективы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 106-112.
27. Долгов А. В., Иванченко Р. Б., Милюков А. Ф. Криминальная ситуация в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и меры борьбы с ней. Монография / Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. С. Ф. Милюков. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
28. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
29. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика. Поведение. Ответственность. – М.: Политиздат, 1989.
30. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
31. Захарцев С.И. О проблеме установления уголовной ответственности юридических лиц в России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 5(16). – С 30-33.
32. Захарцев С.И. Правосознание: понятие и уровни // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2.

– С. 48-53.
33. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
34. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
35. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
36. Захарцев С.И., Сальников В.П. Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 132-137.
37. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
38. Захарцев.С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 2(20). – С. 7-22.
39. Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность и военная безопасность: Монография. – М.: Граница, 2017. – 424 с.
40. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
41. Исмагилов Р.Ф. Право и справедливость в контексте исторических традиций // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 87-92.
42. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
43. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
44. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
45. Кожевников С.Н. Правомерное поведение и правонарушение: сущность и содержание. – Н. Новгород, 2001.
46. Кондрат И.Н. Концепция российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
47. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений: Монография. – М.: ФОРУМ, 2014. – 208 с.
48. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
49. Косарева В.В. Социальная природа и правовая сущность миграционных отношений // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 118-123.
50. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
51. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
52. Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002.
53. Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2002.
54. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.

55. Криминология: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М., 1996.
56. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. – М., 1978.
57. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. – М., 1982.
58. Кургузкина Е.Б. Учение о личности преступника: Монография. – М., 2002.
59. Кустов А.М. Криминалистика и механизм преступления. Цикл лекций. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2002.
60. Лазарев В.В. Правомерное поведение как объект юридического исследования // Сов. государство и право. – 1976. – № 10. – С. 29-37.
61. Ляпин В.В. Уголовно-правовая борьба органов внутренних дел с преступлениями в сфере торгово-предпринимательской деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
62. Миненок М. Н. Личность расхитителя. Криминологическая характеристика и типология: Учебное пособие. – Калининград: Калининградский ун-т, 1980. – 72 с.
63. Оскамытный В.В. Правомерное поведение личности. – Киев, 1985.
64. Павлов Г.Н. Актуальные вопросы брачного договора в Российской Федерации // Вестник Омского ун-та. – 2013. – № 1. – С. 124-127.
65. Сальников В.П., Силантьева В.А. Правовое регулирование миграционных процессов в России // Миграционное право. – 2017. – № 3. – С. 13-17.
66. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
67. Сальников В.П., Третьяков И.Л. Уголовная политика: некоторые итоговые размышления о понимании, сущности и генезисе развития // Мир политики и социологии. – 2016. – № 6. – С. 30-42.
68. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
69. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
70. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
71. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
72. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
73. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
74. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-организационная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 10. – С. 72-89.
75. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
76. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 70-97.
77. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9 – С. 70-97.
78. Сальников С.П. Автотранспортные правонарушения: социально-политическая сущность и профилактика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 10. – С. 88-99.
79. Сальников С.П., Павлик Е.М. Предупреждение хищений транспортных средств: криминологические и уголовно-правовые вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 122-130.
80. Состояние правопорядка в Российской Федерации: Аналитические материалы. – М., 2000.
81. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
82. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность / Под ред. Н.А. Лопащенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.
83. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц – прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 3. – С. 429-433.
84. Федоров А.В. К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные преступления // Юридический мир. – 2014. – № 12. – С. 43-47.
85. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики //

Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
86. Федоров А.В. Международно-правовое регулирование вопросов уголовной ответственности юридических лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 3. – С. 367-381.
87. Федоров А.В. О некоторых тенденциях развития уголовно-правовой антикоррупционной политики в Российской Федерации в части, касающейся установления уголовной ответственности юридических лиц // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14. – Выпуск 3. – С. 165-176;
88. Федоров А.В. Российская оперативно-розыскная политика: общетеоретическое положения // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 24-32.
89. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц // Закон. – 2017. – № 6. – С. 62-69.
90. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Журнал российского права. – 2015. № 1. – С. 55-63.
91. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
92. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Франции // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2017. – № 1. – С. 15-25.
93. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц: перспективы законодательной регламентации, мировой опыт // Академия права и экономики. Научный журнал. – 2017. – № 2. – С. 5-9.
94. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
95. Шестаков Д.А. Семейная криминология: семья – конфликт – преступление. – СПб., 1996.
96. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

БОРОДИН Виктор Васильевич,
профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: borodindis@mail.ru

КАЗАНЦЕВА Наталья Геннадьевна,
заведующий кафедрой административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент (г. Чита, Россия)
E-mail: ngsav@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ТАМОЖЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НА ВОСТОКЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СООБЩЕНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Политика современной России формируется посредством наделения органов государственной власти полномочиями в соответствующих сферах деятельности. Поэтому ретроспективный анализ и изучение роли таможенных органов в реализации задач и функций государства является одним из важнейших аспектов в формировании политико-правовой основы государственного устройства России. При этом сложные и подчас противоречивые управленческие процессы необходимо анализировать в контексте становления Российского государства. В статье представлена характеристика контрольной деятельности таможенных органов на территории исторического Забайкалья. Отмечено, что изучение деятельности таможенных органов в истории Российского государства имеет большое значение и позволяет восполнить существующие в науке пробелы.*

Ключевые слова: *таможенная политика; таможня; ввоз товаров; вывоз товаров; Забайкалье; Китай.*

BORODIN V.V.
KAZANTSEVA N.G.

CUSTOMS CONTROL IN THE EAST OF RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE OPENING OF THE RAILWAY COMMUNICATION: THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The summary*. Policy of modern Russia is formed by providing the public authorities with competencies in relevant fields. Therefore, a retrospective analysis and study of the role of customs authorities in the implementation of tasks and functions of the state is one of the most important aspects*

in the formation of political and legal foundations of the state system of Russia. However, the complex and sometimes contradictory management processes need to be analyzed in the context of the formation of the Russian state. The article presents the characteristics of activities of customs authorities in the territory of historical Transbaikalia. It is noted that the study of the activity of customs authorities in the history of the Russian state, is of great value and allows you to fill the existing science gaps.

Key words: *The state customs policy; customs; import of goods; export of goods; Transbaikalia; China.*

К концу XIX – началу XX вв. происходит усиление военного присутствия России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Российская империя пыталась расширять сферы своего влияния на востоке. По мнению властей, повлиять на это должна была транссибирская магистраль и железнодорожная ветка в сторону границы с Китаем, проходившая также по территории Маньчжурии Китайской Восточной железной дороги (далее КВЖД). Открытие нового пути требовало от властей разных уровней согласованных решений. Особая роль отводилась Министерству финансов и Департаменту таможенных сборов. Последним необходимо было обеспечить качественный контроль за перемещением товаров через государственную границу с целью обеспечения интересов национальных производителей и поддержания должного уровня экономической безопасности. По этой причине на территории Забайкалья и Дальнего Востока создаются таможенные органы, расширяются штаты, создаются нормативно-правовые акты.

Общеустановленные в России таможенные формальности, в том числе таможенный контроль осуществлялся таможенными органами на основании общеимперского законодательства. Все учрежденные таможни функционировали в соответствии с нормами Устава Таможенного, но на рубеже XIX в. – начала XX в. возникла необходимость в учреждении нормативно-правовой базы, направленной на регулирование таможенных формальностей в условиях железнодорожного сообщения. Эта работа была организована Министерством Финансов и подведомственным ему Департаментом таможенных сборов.

Однако необходимо отметить, что применение многих правил на практике зависело от разнообразных обстоятельств, таких как: своеобразие региона, характер транспортного сообщения и др. В этой связи ярчайшим примером является Маньчжурская таможня. Именно этот таможенный орган на восточных рубежах Российского государства стал местом применения специализированного законодательства. Учреждение в Забайкалье Маньчжурской таможни стало знаменательным и очень важным событием, напрямую связанным с открытием железнодорожного сообщения.

Министр финансов С.Ю. Витте в отчете о путешествии на Дальний Восток пишет: «… кроме своего мирового значения сибирская железная дорога как местный путь принесет многоразличные выгоды России… …Но постройка железной дороги не выполняет еще той обширной задачи. Железная дорога является только частью этого дела и одним из средств к его достижению. Потребуется еще много трудов и усилий, придется преодолеть не мало всякого рода препятствий, сменится ни одно поколение, прежде чем дело во всей его совокупности будет доведено до конца и принесет те обильные плоды, которые от него можно ждать. Предстоящие задачи настолько сложны и многочисленны, что в настоящее время очертить и наметить их было бы затруднительно и едва ли даже возможно. Но и теперь уже наиболее близкие и насущные из них выясняются с достаточной определенностью…» [16]. Таким образом, от государства требовались новые нормативные рычаги. Одной из насущных проблем стало осуществление таможенного контроля в условиях движения по КВЖД. С момента открытия движения поездов таможенные чины созданного таможенного органа столкнулись с многочисленными трудностями. Прежде всего, это осуществление таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых железнодорожным транспортом. Опыта осуществления такой деятельности таможенные служители не имели. Анализ отчетной документации и

переписки таможенных чинов позволяет утверждать об этих фактах.

Для разрешения сложившихся трудностей начался процесс правотворчества. В одном из первых документов Департамента таможенных сборов для досмотрщиков Маньчжурской таможни (Инструкция 1902 года), оговаривались специфические вопросы таможенных действий в условиях железнодорожного сообщения. В документе сказано «досмотрщики обязаны по приказанию чиновника вскрывать сундуки, ящики, чемоданы и другие места и следить нет – ли между пассажирскими вещами предметов новых, не бывших в употреблении или товаров и вещей в товарном виде, как-то материй в кусках и отрезках или смотанных на живую нитку в виде простынь, плащей или других предметов одеяния; нет – ли в чемоданах, сундуках и ящиках тайных помещений и не спрятано – ли в них что-либо из вышеозначенного, а также не спрятаны ли подобные вещи в черном белье или из самих пассажиров под платьем. О всем замеченном немедленно докладывать досматривающему чиновнику. Пассажирские вещи или товары нужно досматривать осторожно, чтобы ничего не повредить, не испачкать, и не перемять» [7, л. 145-147]. Данные правила касались досмотра пассажирского багажа, одной из важных и значимых форм таможенного контроля того периода времени.

И это далеко не единичный пример. Так, 18 июня 1902 года Департамент Таможенных сборов сообщает управляющему Маньчжурскою таможенною заставою* «…так как станция Маньчжурия находится вне пределов Империи, то таможенный надзор должен быть приурочен к вывозу товаров с названной станции в наши пределы. При строгом соблюдении требования, чтобы ни одно место не было погружено для перевозки в Забайкалье без разрешения таможенной заставы. При этом условии железнодорожные накладные на товары, прибывающие их Китая на станцию Маньчжурия, не имеют значения грузового документа по отношению к подлежащим таможенному досмотру товарам, за исключением накладных прямого железнодорожного сообщения до какого-либо пункта Империи дубликат каковых должен быть представляем в заставу, согласно § 10 временных правил 3 Октября 1887 г …» [7, л. 200-202].

Циркулярами Департамента таможенных сборов определялись и другие особенности таможенного оформления. Так, например, циркуляром Департамента таможенных сборов Маньчжурской таможенной заставе от 4 июня 1902 года № 14170 было предписано «….в виду малочисленности личного состава заставы, краткости времени имеющегося в распоряжении оной от прихода поезда из Китая и до отхода его в Забайкалье и затруднительности, поэтому для заставы при большем количестве пассажиров выдавать на все выпущенные заставою вещи по опломбировании мест с таковыми, надлежащих свидетельств на предмет свободного пропуска их через другие таможни. Департамент находит возможным, в виде временной меры, впредь до преобразования заставы в таможню, установить во избежание задержек пассажиров, чтобы в Маньчжурской заставе досматривались пассажирские вещи лишь тех лиц, кои направляются в пределы Забайкалья, вещи же лиц, следующих в Иркутск и далее, если это удостоверяется багажными квитанциями, пропускались без всякого контроля в виду того, что такие вещи будут полежать досмотру в Мысовой или Иркутске….» [7, л. 182–182об].

Непосредственное влияние на контрольную деятельность Таможни оказывали и бытовые обстоятельства. В 1902 году в связи с неустройством Маньчжурской таможни были введены упрощенные правила досмотра грузов. Так, товары, имеющие отметки «Беспошлинно», не подвергались полному досмотру. Это позволило сохранить объемы товарообращения, которое постоянно увеличивалось. Об увеличении наплыва товаров в связи с открытием КВЖД говорит следующий факт: если ввоз чая с 25 февраля по 10 августа в общем составил около 12 тыс. пудов, то за следующий август – сентябрь было ввезено 400 тыс. пудов [7, л. 186].

Немалой трудностью в действиях таможенных чинов была идентификация товаров: зачастую невозможно было отличить китайский чай от, например, цейлонских или японских партий. Иногда чай из разных стран шел в одной партии, в одном контейнере. Поэтому было трудно решить, какой товар подвергать взиманию пошлины, а какой – нет.

В ежедневной практике таможенных служащих регулярно возникали вопросы, не освещенные законодательством. В связи с этим интересно изучение переписки таможенных учреждений с

Департаментом таможенных сборов по поводу осуществления таможенных формальностей. К примеру, на поступившее в Департамент из Маньчжурской таможни представление от 8 мая 1902 года за № 199, о пропуске, для буддийского духовенства, в Забайкалье богослужебных книг на монгольском языке, изображений святых буддийского культа бурханов и тибетских лекарств, Департамент Таможенных Сборов дал распоряжение «впредь до дальнейших распоряжений, упомянутые предметы буддийского культа, изделия китайского происхождения, незапрещенные по тарифу ко ввозу в Империю, надлежит пропускать беспрепятственно и без взыскания пошлины, а монгольские книги – по цензурному просмотру конференциею восточного Института во Владивосток, согласно циркуляру Департамента от 6 Февраля 1901 г. № 2694. Что же касается пропуска тибетских лекарств, то о сем последует особое распоряжение» [7, л. 186].

В циркулярах Департамента таможенных сборов часто детализировались отдельные правила оформления товаров для действий Маньчжурской таможенной заставы. В письме Департамента от 10 апреля 1902 года сказано Маньчжурской таможенной заставе, что «для предупреждения задержки в пути выпущенных заставою вещей, следует выдавать владельцам их надлежащее свидетельство на предмет свободного пропуска этих вещей через другие таможни и принять к исполнению прилагаемый при сем в копии циркуляр от 8 февраля с.г. за № 3213, а лицам, следующим из Порт-Артура и г. Дальнего, объявлять, в случаях надобности, о льготе, установленной для них Высочайшим повелением 8 Февраля с.г., согласно коему Министру Финансов предоставлено разрешать русским подданным, возвращающимся из названных портов в Европейскую Россию, беспошлинный пропуск их домашних вещей независимо времени пребывания их за границею, если в Министерство Финансов будет предоставлено официальное удостоверение в том, что лица эти имели на месте квартиру и обзаведении оной и что привозимые вещи действительно принадлежали к их домашней обстановке, бывшей в их употреблении» [7, л. 106–107].

В 1908 году для Маньчжурской таможни установлены правила осуществления таможенных формальностей [19, стр. 277–289]. В документе сказано, во всех своих действиях таможня на ст. Маньчжурия основывается на нормах трактата 1881 года. Правилами был установлен следующий порядок, осуществления таможенных действий. Товары, следующие по Китайской Восточной железной дороге через таможню в пределы Российской империи и в обратном направлении, подлежали оплате ввозной и вывозной таможенной пошлиной. Маньчжурская таможня была вправе собирать исключительно лишь таможенные сборы, не производя взиманий никаких внутренних или иных пошлин и сборов. В подтверждение уплаты таможенной и транзитной пошлин таможня выдавала квитанцию и свидетельство.

Транзитные товары обрабатывались особым способом. Так, ст. 5 Правил гласит: «Товары, назначенные по железнодорожным документам на ст. Маньчжурия и Пограничная и на другие станции, расположенные в 50-ти верстной полосе от границы, выпускаются по досмотру в места назначения свободно и беспошлинно, как поступающие в 50-ти верстную льготную пограничную полосу. Оплате ввозной пошлиною подлежат по досмотру в таможнях грузы, следующие из России по накладным на станции, расположенные за пределами 50-ти-верстной полосы от границы или же погруженные на станциях Маньчжурия и Пограничная для следования на станции, лежащие вне той же 50-ти-верстной пограничной полосы».

В отношении таможенных процедур по ввозу товаров, Правила устанавливали следующее. Грузы, следующие из России в Маньчжурию, досматривались по принадлежности таможней, при этом грузы, имеющие по накладным местом своего назначения один из пунктов, расположенных в 50-верстной полосе от границы, выпускались немедленно без взыскания пошлины по удостоверению таможни, при условии, что в числе грузов нет ничего запрещенного к привозу в Китай.

Досмотр привозимых в Маньчжурию товаров производился на основании вторых экземпляров накладных, передаваемых русской таможней китайской таможне.

Китайская таможня производила досмотр не позднее 24 ч. со времени передачи ей накладных. Производство досмотра по товарам, привезенным с данным поездом, должно заканчиваться в кратчайшие сроки и не позже 48 ч. с момента начала досмотра. В случае несоблюдения установленных

сроков, таможня об обстоятельствах задержки составляла акт, представляемый в главную таможню в Харбине; копия с этого акта приобщалась к грузовым железнодорожным документам. После получения накладной таможня производила расчет товаров, по наружному осмотру или по производственному вскрытию, или же производила вскрытие и досмотр товара с выгрузкой их из вагонов, в случае какого-либо несходства или сомнения в документах.

Отправка товаров со ст. Маньчжурия далее в Маньчжурию по линии железной дороги производилась с ведома таможни и по подаче ей товароотправителем письменного заявления. При этом товары, направляемые на станции, находящиеся в 50-верстной полосе, выпускаются немедленно без взыскания пошлины по удостоверению таможни, что в них ничего не имеется запрещенного к привозу. Товары, следующие по железной дороге за пределы 50-верстной пограничной полосы, досматриваются на основании поданного заявления со взыскавшим в подлежащих случаях привозной пошлины. Товары же, отправляемые с других станций, расположенных в 50-верстной полосе, на станции за этой полосой, подлежали досмотру и в соответствующих случаях оплате пошлиной в контрольных пунктах, учреждаемых китайскими таможнями.

Выпуск товаров из таможни производился немедленно по взносе причитающейся за них таможенной пошлины. В подтверждение уплаты пошлины таможней выдавались квитанции, освобождающие товар от вторичной уплаты таможенной пошлины.

Иностранные товары, оплаченные при ввозе только одной ввозной пошлиной, перевозимые с пограничных пунктов или станционных районов внутрь страны, по оплате транзитной пошлины могли получить транзитное свидетельство, которое освобождало их от уплаты всяких других внутренних пошлин и налогов. В уплате транзитной пошлины таможня выдавала свидетельство (transit certificate), которое освобождало товар от всяких внутренних пошлин и налогов при передвижении его из станционных районов внутрь страны. Товары без транзитного свидетельства подвергались внутреннему обложению.

В отношении вывозимых товаров также устанавливались особые правила. При прибытии поезда из Маньчжурии, на ст. Маньчжурия, железнодорожными агентами предъявлялся в таможню поездной список, вагонные листы и вторые экземпляры накладных. Взысканию вывозной пошлины по досмотру в таможне подлежли грузы, адресованные в Россию на станции за пределами 50-верстной пограничной полосы. Товары, отпускаемые из Маньчжурии, досматривались китайской таможней, которая определяла вывозную пошлину по китайскому тарифу, а затем русской таможней, которая исчисляла ввозную пошлину по русскому тарифу, или же, во избежание задержки, смотря совместно и одновременно обеими таможнями. Грузы, подлежащие оплате вывозной китайской пошлиной, не могли быть отправляемы по железной дороге в пределы Российской империи впредь до оплаты их пошлиной. Грузы, запрещенные к вывозу из Китайской империи, конфисковывались китайской таможней.

При обратном вывозе иностранных товаров из Китая, внесенная ранее ввозная пошлина возвращалась на основании далее упомянутых правил, принятых в китайских таможнях. Иностранные товары, уплатившие ввозную пошлину, могли при вывозе из Китая в течение 3 лет со дня таковой уплаты получить возврат ранее уплаченной ввозной пошлины ввиду удостоверения на возврат пошлины (draioback certificate – зачетное свидетельство). Эти удостоверения принимались таможней без вычета в уплату вывозных и ввозных пошлин. По желанию они могли быть обменены на деньги. Удостоверения на возврат пошлин выдавались таможней в течение трех недель со дня представления документов, устанавливающих право владельца товаров на возврат пошлины, если товары окажутся во всех отношениях сходными с описанием, установленным при ввозе, если они в – первоначальной упаковке со всеми отличительными знаками и марками, если пошлина, возврат которой испрашивается, действительно была уплачена в установленный срок.

Товары, имевшие местом своего назначения один из пунктов в пределах станционных районов и оплатившие при ввозе пошлину, могли переотправляться в местности внутри страны по подаче заявления в ввозную таможню или главную таможню в Харбин, с приложением квитанции таможни на ст. Маньчжурии или ст. Пограничная об уплате ввозной пошлины и с уплатой транзитной пошлины.

Процессы правотворчества, направленные

на совершенствование системы таможенного контроля в регионе сохранились и в дальнейшем.

Департаментом таможенных сборов 19 февраля 1911 года была утверждена инструкция для действий Маньчжурской таможни по отправке поездов и грузов, в которой даны были конкретные предписания, ведь оформление поездов было особым видом деятельности для таможенных чиновников.

Поезда, предназначенные к отправке со ст. Маньчжурия в Российскую империю, должны были находиться на месте, назначенном для этого управляющим таможней по соглашению с начальником станции. Отправление в Империю товарных поездов разрешалось днем и ночью, т.е. таможенные чины работали в сменном режиме.

При отправлении товарных поездов дежурному по станции и таможенному чиновнику предъявлялся за час до отправления железнодорожным агентом поездной список вместе с накладными на вывозимые в этих поездах грузы в количестве одного или двух экземпляров в зависимости от места назначения груза, а также вагонные листы при отправке товаров для оплаты пошлиной во внутренние таможни. Поездной список содержал следующие сведения: номер поезда, день и час его отхода, число и номер вагонов и платформ, номера накладных с указанием станции отправления и назначения грузов, число вагонных листов (при отправке транзитных грузов).

Погрузка на ст. Маньчжурия в товарные вагоны предназначенные к вывозу в Империю грузов совершалась при обязательном наблюдении таможенного надзора. По окончании этой операции вагоны обеспечивались таможенными пломбами. Перед отправлением в Россию на запад товарного поезда таможенным надзором при участии железнодорожного агента производился его осмотр, по окончании которого, впредь до отхода поезда, принимались меры по охране паровоза, вагонов и платформ.

Для пассажирских поездов были иные правила таможенного оформления и контроля. При отправлении пассажирского поезда железнодорожный агент предъявлял таможенному надзору багажный список и железнодорожные документы, сопровождающие багажные места. После проверки багажных мест по документам, последние передаются тому же агенту. Багажный список содержал сведения: указание станций отправления и назначение вывозимых по багажным квитанциям мест, номера багажных наклеек, число мест по каждому номеру наклейки, общее число мест прописью и подпись железнодорожного агента.

Детально регламентировался статус «поездной прислуги». Поездной прислуге отправляющихся в Россию поездов воспрещалось иметь в поездах какие-либо предметы, кроме вещей, служащих для личного их употребления в пути или для служебной цели. Поездная прислуга в случае основательного подозрения в сокрытии при себе пошлинных или запрещенных к ввозу в Империю предметов могла подвергаться личному досмотру и осмотру вещей.

Таможенные формальности осуществлялись и в отношении других объектов контроля, например, товарные поезда, перед отправлением их в Россию, пассажирские же – перед посадкой в них пассажиров, подвергались осмотру, причем не исключая почтовые вагоны, паровозы и тендеры. Накладные на грузы предоставлялись в одном или двух экземплярах, на которых делалась пометка дежурного по станции таможенного чиновника.

Выгрузка грузов и багажных мест производилась без участия со стороны чинов таможенного надзора. Грузы же принимались таможней по накладным, которые предъявляло Коммерческое агентство.

Транспорт, привезенный из России по железной дороге и отправляемый обратно в Россию по грунтовым дорогам, обеспечивают специальными пломбами Маньчжурской таможни, которые снимались ближайшим к месту назначения груза постовым таможенным надзором. Сопровождающие транспорт лица при следовании из таможни к месту назначения транспорта могли иметь при себе кроме показанных в таможенных квитанциях товаров лишь предметы, необходимые для потребления в пути. Остальные предметы, признавались контрабандой.

Данные правила не распространялись на перевозочные средства местных приграничных жителей, которые пропускались беспрепятственно.

В целом следует отметить, что некоторые положения осмотра и досмотра представляют собой прототип ныне существующей технологической схемы оформления поездов.

В итоге, отметим, что в конце XIX в. – начале XX в. сформировалась довольно качественная нормативно-правовая база, регламентирующая общий порядок контроля со стороны таможенных чинов, в том числе с учетом региональных особенностей. Применение многих общеимперских правил, сформулированных в результате Судебной реформы 1864 г. [1; 2; 3; 6; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 18; 23] на практике, исходя из своеобразия региональных особенностей, было достаточно затруднительным. Этот факт послужил причиной разработки особых правил.

Таким образом, открытие Сибирского железнодорожного пути не только оказало влияние на развитие таможенного дела Восточно-Сибирского региона, но раскрыло новые возможности правотворчества с целью достижения общегосударственных задач и целей.

Примечания

* Маньчжурская таможня была учреждена в результате преобразования Маньчжурской таможенной заставы в 1902 г.

Список литературы

1. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
2. Ананских И.А., Сальников С.П., Туков С.В. Д.В. Стасов и судебная реформа // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 155-162.
3. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
4. Бородин В.В. Конституционный суд России и уставная юстиция в Российской Федерации: Монография. – СПб.: Юридический институт, 2017. – 128 с.
5. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. Т.2. – СПб.: Наука, 2001. – 260 с.
6. Глушаченко С.Б., Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Пузанов Ю.П., Сальников С.П. Судебная защита прав подданных Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 62-69.
7. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 107. Оп. 1. Д. 2. История Восточного Забайкалья. Читинская область / Отв. ред. И.И. Кириллов. – Иркутск: ИГЭА, 2001. – 283 с.
8. Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. (К пятидесятилетию Судебных Уставов). 1864 – 20 ноября – 1914. – М.: издание т-ва И.Д. Сытина, 1914.
9. Коротких М.Г. Судебная реформа в России: сущность и социально-правовой механизм формирования. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994.
10. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. – Иркутск: Иркутский ун-т, 1987. – 50 с.
11. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
12. Мойсинович А.М. Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв.: Дис… канд. ист. наук. – Ярославль, 2006. – 260 с.
13. Немытина М.В. Суд в России. Вторая половина XIX – начало XX в. – Саратов, СЮИ, 1999.
14. Остроумов Н.В. Эволюция судебной реформы в России: от суда «милостивого» к суду классовому (к 150-летию судебной реформы) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 43-50.
15. Подготовка судебной реформы 1864 года: первые законопроекты: Сб. документов / Науч. ред., сост., авт. вступ. ст.: Д.И. Луковская, Н.В. Дунаева. – СПб.: Президент. б-ка, 2014. – 667 с.: илл. – (Документы и материалы).
16. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711.
17. Сальников С.П. Правовые идеалы российского общества второй половины XIX – начала XX веков // Вестник

Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1 (29-1). – С. 107-108.
18. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
19. Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. – СПб., 1912.
20. Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалья. – Иркутск, 1999. – 79 с.
21. Таможенный устав 1892 г. // Собрание законов Российской империи: Свод учреждений и уставов таможенных. Т. 6. – СПб., 1892. – 683 с.
22. Таможенный устав по европейской и азиатской торговле, дополненный соображениями и разъяснениями. Изд. Миклашевского. – Спб., 1887.
23. Шахрай С.М., Краковский К.П. «Суд скорый, правый, милостливый и равный для всех». – М.: Кучково поле, 2014. – 536 с.; 16 л. ил.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

ГУСЕВА Елена Викторовна,
магистрант Юридического института Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: lena-g95@mail.ru

ФЕДУЛОВ Игорь Николаевич,
профессор кафедры истории, философии и права Югорского государственного университета, доктор философских наук (г. Ханты-Мансийск, Россия)
E-mail: infedoulov@mail.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. *Рассматривается философско-правовой аспект института адвокатуры. Влияние диалектики как философского подхода на развитие и становление института адвокатуры.*

Ключевые слова: *адвокатура; философия права; диалектика.*

GUSEVA E.V.
FEDULOV I.N.

INSTITUTE OF ADVOCACY IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT

The summary. *This article deals with the philosophical and legal issues of the bar, and considers how the dialectics that represents the philosophical approach influences on development and establishment of the bar.*

Key words: *advocacy; philosophy of law; dialectics.*

Адвокатура – социально-правовой институт, занимающийся защитой прав, свобод и интересов доверителя в суде любыми законными способами [16; 25]. Адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему государственной власти и органов местного самоуправления. С адвокатурой связаны самые различные общественные науки, каждая из которых затрагивает те или иные аспекты сознания или бытия, стороны социальных явлений, их взаимосвязи и взаимоотношения [2; 26].

Адвокатура имеет давнюю историю. Еще

в Древней Греции философов интересовали проблемные вопросы отношения человека и государства. Именно там зародилось гражданское общество, а право пришло на смену обычаям. Однако в те времена понятия «адвокат» как такового еще не существовало. Роль защитников в суде выполняли логографы (от греч. «logos» – слово и «grapho» – пишу). Таким образом, защита осуществлялась либо в составлении защитительных речей для суда (логография), либо в устных выступлениях с такими речами (ораторство). В истории известны высокие образцы ораторского таланта Древней Греции: Демосфена, Лисия, Эсхина. Логографы находились рядом с клиентом, подсказывая ему или исправляя допущенную им ошибку, а затем, клиент мог попросить выслушать еще и оратора, которым выступал логограф. В первое время логографы были более доступными для населения, так как любой мог подойти к нему и посоветоваться по тому или иному правовому вопросу, но со временем они стали брать плату за свою помощь. Тогда и появились первые адвокатские услуги [3; 21].

В свою очередь, мыслители стремились объяснить необходимость существования законов природы и законов общества. Сократ разделял писаные человеческие законы с неписаными божественными по признаку справедливости [32]. Платон создал логико-гносеологическое учение об идеях [15; 24]. Аристотель различал «право волеустановленное» и «право естественное». Он считал, что естественное право выражает требования о политической справедливости в человеческих взаимоотношениях [6; 29; 13, стр. 16-18].

Вопросы, касающиеся права нашли свое развитие у многих философов Нового времени. Гуго Гроций, основываясь на учении Аристотеля, обосновывал задачу юристов соотносить закон с идеалами справедливости [17; 30]. Благодаря Томасу Гоббсу основой государственности предложено считать общественный договор, а не насилие [23; 14].

Российские мыслители также не остались в стороне от разработки философских основ учения о правах и законных интересах человека и гражданина. Такие проблемы находились в центре внимания В.Г. Белинского, А.И. Герцена, А.Н. Радищева, Н.Г. Чернышевского и др.

В настоящее время наблюдается значительная активизация исследований современных авторов в этом направлении, особенно после принятия новой Российской Конституции в 1993 году [5; 22; 28; 31; 39; 40].

Цель настоящей статьи – раскрытие глубинной сущности института адвокатуры, ее фундаментальной роли среди институтов гражданского общества. Наиболее глубокий уровень анализа предоставляет философия, эксплицирующая объект с точки зрения универсальных законов бытия. Философское знание раскрывает общественное бытие в целом, исследует взаимодействие отдельных сторон объективной, в том числе правовой реальности, отношений между ними [4; 7; 19]. Его целью являются закономерности общественного развития и его институтов. Смысл философского исследования института адвокатуры состоит в том, чтобы точнее определить место адвокатуры в системе государственно-правовой надстройки и самого общества [1; 12].

Философия является теоретической базой и методологическим ориентиром для адвокатуры, так как бытие правовой формы общественного сознания и, в частности, самой адвокатуры как таковой детерминировано объективными философскими законами и принципами [37]. В данной статье мы исходим из того, что адвокатура – это самостоятельное общественное явление, оформленное в виде социального института; но в то же время, это явление, будучи общественным, функционирует по государственным законам и существует в сфере применения его законов, взаимодействуя с их требованиями, подчиняясь данным требованиям и используя их для решения своих задач. Институт адвокатуры важен для развития самого государства, стабильного функционирования его органов, прежде всего – правоохранительных [9; 27; 33; 38]. Также адвокатура является важной составляющей в части обеспечения членам общества их прав и свобод в случаях контакта с государством, его органами, их представителями.

Вследствие этого осмысление феномена адвокатской деятельности с философских позиций является необходимой предпосылкой ее творческого развития. На основе результатов философского анализа раскрывается социальная сущность адвокатуры, появление новых ее форм, закономерности развития, механизм функционирования в системе правоохранительных органов и т.п.

Для познания сущности института адвокатуры и наиболее характерных черт, отличающих его от иных правовых институтов, наиболее плодотворным представляется диалектический метод. Ключевыми средствами философского анализа здесь служат фундаментальные категории диалектики (причина и следствие, сущность и явление, содержание и форма и т.д.). Руководствуясь ими, исследователь может изучать сущность, природу и общественную роль адвокатуры в обществе [18].

Таким образом, мы исходим из того, что диалектика является философской основой изучения адвокатуры, как в общем-то и многих других общественных и правовых явлений [8; 10; 11; 36]. Диалектика предоставляет адвокатуре метод творческого познающего мышления. Адвокат выступает одновременно в роли как познающего субъекта, так и творца одной из сторон юридического процесса – объекта. Творчеством охвачено все в адвокатуре, начиная от функционирования системы ее органов и заканчивая работой адвоката над конкретным делом.

Главную роль в диалектике играют три категории: движение, пространство и время [18]. Рассмотрим, как каждая из названных категорий соотносится с изучением адвокатуры.

Движение. Адвокатура пребывает в постоянном развитии, в поиске новых форм и средств. Это отличает ее от государственных структур и правоохранительных органов, которые по своей специфике являются довольно стабильными, с четко выстроенными государственными задачами и средствами их решения.

Категория пространства весьма многогранна и многоаспектна. С одной стороны, адвокат может вести дела практически на всей территории страны, но может возникнуть необходимость строгого территориального обслуживания. С другой же – пространственный фактор можно интерпретировать совершенно иначе, ассоциируя с «пространством» юридический процесс как таковой и говоря о различных «манёврах», «продвижении вперёд», «отходе назад» и т.п.

Осмысление *категории времени* также может быть произведено в двух аспектах. Время может быть понято не только как определенные сроки, в течение которых адвокаты работают над делом, но и как фактор продвижения, «течения» юридического процесса [18].

Основными методами диалектического анализа явлений выступают *анализ* и *синтез*. Анализ позволяет выделить в структуре институте адвокатуры составляющие различных уровней (структурного, деятельностного, ценностного), синтез же формирует целостный образ института адвокатуры, включающего в себя структуру, адвокатскую деятельность, адвокатские ценности и пр. [18].

Например, рассматривая уровень адвокатской практики, мы должны отметить, что методы анализа и синтеза в деятельности адвоката используется постоянно. Адвокат анализирует дело клиента, имея самые малые знания от доверителя и правоохранительных органов, которые рассматриваются полно, всесторонне и объективно. А затем, по мере вхождения адвоката в процесс, сведения накапливаются, систематизируются и в итоге синтезируются в целостный образ «дела». Получается полная картина правового спора, и уже основываясь на ней, вырабатывается позиция, группируются доказательства, возникают пути познания новых фактов и т.п.

Наконец, рассуждая о диалектической природе адвокатской деятельности, мы должны также указать роль и пути экспликации законов диалектики [18]. Мы начнем с закона взаимосвязи качественных и количественных изменений. С появлением различных форм адвокатских образований (адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро, юридическая консультация) происходят серьезные перемены жизни традиционной адвокатуры. Появление на определенном этапе общественного развития большого количества адвокатских бюро с необходимостью заставило их объединяться в коллегии с целью защиты корпоративных интересов. Адвокатские коллегии – новая качественная форма в структуре института адвокатуры. Появление и осознание собственных интересов адвокатской корпорации, не сводимых к интересам отдельных адвокатов, означает появление новой идеальной формы в системе категорий, связанных с понятием «адвокатура».

Закон единства и борьбы противоположностей охватывает практически все взаимоотношения адвокатов с представителями правоохранительных органов. На основе существующих общих интересов, такие как укрепление законности, борьба с ее нарушениями, решение проблем общества и др., адвокатура своими

ресурсами ведет эту работу, чаще всего, путем официальной интеллектуальной борьбы с неверными решениями правоохранительных органов.

Важную роль играет и закон «отрицания отрицания». Он находит свое воплощение в том, что появление новых явлений в адвокатуре, неотвратимо вытесняет старое, неактуальное, тем самым отрицая его как негативное, препятствующее прогрессу института адвокатуры.

В заключение отметим, что приведенными примерами роль и значение диалектического метода в познании института адвокатуры не ограничиваются. Диалектическому анализу могут быть подвергнуты любые аспекты адвокатской деятельности – от глобального по своей сути вопроса о взаимодействии государства и гражданского общества при посредничестве института адвокатуры до составления защитительных речей и проведения судебных процессов [20; 34; 35]. Философский анализ, несомненно, способствует существенно более глубокому пониманию сущности, назначения и целей адвокатуры, ее роли в общественном развитии и взаимодействия общества и государства.

Список литературы

1. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Принципы деятельности российской адвокатуры // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 22-25.
2. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 97-108.
3. Аракелян Н.Г. Сравнительная адвокатура: Курс лекций. – Одесса: Юридическая литература, 2009. – 240 с.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
6. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
7. Галиев Ф.Х. Правовая культура как правовая реальность // Политика и общество. – 2011. – № 4. – С. 78-84.
8. Горбунов М.Д. Правопонимание: диалектика подходов // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 191-210.
9. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
10. Захарцев С.И. Диалектический метод в оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 62-69.
11. Захарцев С.И. Философия права и диалектика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 180-189.
12. Иванов А.В. Направления совершенствования правореализующей деятельности в адвокатуре // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 135-137.
13. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
14. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
15. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
16. Каплина Н.В. Адвокатура в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина современной России // Вопросы совершенствования системы государственного управления в современной России. – 2016. – С. 257-271.
17. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический

журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
18. Лубшев Ю.Ф. Адвокатура в России. – М.: Профессиональное образование, 2002. – 832 с.
19. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
20. Марченко С.В., Реуф В.М., Сальников П.П. Судебная речь в контексте правовой культуры юриста // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 54-59.
21. Маслов А.А. О гонораре адвокатов (honorarium) в Римской республике // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 46-50.
22. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
23. Михалкин Н.В. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2014. – 393 с.
24. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
25. Орлова О.В. Социально-правовой механизм реализации и защиты прав и свобод личности в гражданском обществе // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 71-75.
26. Поляков И.В. Современная российская адвокатура: профессиональная и квалифицированная защита прав и свобод граждан // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 93-97.
27. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
28. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1(224). – С. 82-98.
29. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
30. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
31. Сальников М.В. Равноправие граждан пред законом как условие стабильности общества // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2003. – № 1(17). – С. 103-104.
32. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77. – в кн. 640 с.
33. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
34. Тимошков С.Н. Типовая структура современной адвокатской речи // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 138-144.
35. Тимошков С.Н. Изменение целеустановки адвокатской речи на рубеже XIX-XX веков // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 145-152.
36. Третьяков И.Л. Диалектика теории и практики уголовной политики // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 161-172.
37. Философия: Учебник для юридических вузов / Под ред. В.П. Сальникова, В.В. Балахонского, Б.К. Джегутанова, Г.Н. Хона. Издание третье, испр. и доп. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 496 с.
38. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
39. Шахрай С.М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований / Отд-ние общественных наук РАН. – М.: Наука, 2013. – 919 с.
40. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск: Пул, 1992. – 228 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

АУБАКИРОВА Индира Ураловна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, доцент (г. Астана, Казахстан)
E-mail: indastana@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ

Аннотация. *Анализируется сущность государственного управления как института, развивающегося в сложной конфигурации взаимовлияния с иными социальными регуляторами. Отмечается усиление общесоциального наполнения, общечеловеческих начал государственного управления, закрепляемое конституционных актах. Формулируется тезис о том, что в целях и задачах государственного управления с неизбежностью отражается двойственность сущности государства как института, объемлющего единичное и общее, интересы правящей элиты и всеобщие интересы.*

Ключевые слова: *государственное управление; власть; управление; научный институт; социальные регуляторы.*

AUBAKIROVA I.U.

PUBLIC ADMINISTRATION AS A SCIENTIFIC INSTITUTE

The summary. *The essence of public administration as an institution developing in a complex configuration of mutual influence with other social regulators is analyzed. The strengthening of the general social content, the universal human principles of state administration, fixed by the constitutional acts is noted. The thesis is formulated that the duality of the essence of the state as an institution embracing the individual and common interests of the ruling elite and general interests is inevitably reflected in the purposes and tasks of state administration.*

Key words: *public administration; power; control; scientific institute; social regulators.*

Познание государственного управления как института, развивающегося в сложной конфигурации взаимовлияния с иными социальными регуляторами, предполагает научное проникновение в его онтологический смысл, *в его сущность*. При этом очень важно помнить о синкретизме современной правовой культуры [10; 11; 12]. Как-то в одной из своих публикаций автор данной статьи обращал внимание на указанное обстоятельство [5].

Синкретизм правовой культуры как самостоятельное научное направление разработал и

обосновал доктор юридических наук, профессор Башкирского государственного университета Ф.Х. Галиев. Он научно доказал, что в современном обществе все социальные правила действуют не изолированно друг от друга, а совместно, постоянно взаимодействуя друг с другом в процессе функционирования. «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других… Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения, в единстве с другими социальными регуляторами…, синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [13, стр. 23]. Вот в чем проявляется сущность синкретизма современной правовой культуры.

Важно исходить из фундаментальной посылки, указанной еще Фомой Аквинским, что сущность всякой вещи есть то, что выражено в определении, которое содержит родовое, а не индивидуальное начало, сущность не согласуется с его существованием (действительностью) [24; 25; 26; 30; 51].

Согласно известному гегелевскому тезису, возможность не есть еще действительность [14, стр. 79]. Действительность института проявляется в его деятельном начале. Будучи разновидностью социального института, государство превращается из «вещи-в-себе» в «вещь-для-других» в процессе своего взаимодействия с обществом, иными социальными институтами. Государство не может ограничиваться своей действительностью, оно должно выступать как деятельность, при этом как необходимая и разумно действующая субстанция. Власть государства (свойство, способность, потенция) проявляется внешне, объективируется посредством управленческого воздействия на общественные отношения. Государственное управление есть действующее по отношению к социуму государство, оно целенаправленно осуществляет функции, обусловленные его предназначением. При этом, государственное управление, трансформируясь из неупорядоченного феномена в социальный институт, по мере своего развития вступает в систему прав и обязанностей во взаимоотношениях с социумом. Общество выступает как своеобразная матрица для института государства, т.е. то, от чего государство производно. Посему, как сущность государства получает свое обоснование в природе общества, так и сущность государственного управления опосредуется природой государства. Познать сущность государства, соответственно, сущность государственно-управленческого воздействия на общественные отношения, возможно, уяснив его цели и функции [41, стр. 193]. В этом контексте сущность государственного управления тесно коррелирует с вопросом о легитимности власти, поскольку познать ее – это понять, в чьих интересах она действует, чью волю отражает.

Стоит заметить, представители узкопрофильного (отраслевого) подхода фокусируют внимание главным образом на рассмотрении государственного управления как разновидности деятельности органов исполнительной власти, соответственно, в качестве сущности государственного управления ими указывается практическая реализация исполнительной власти, исполнение и реализация законодательных и иных нормативных актов [18, стр. 17].

К примеру, И. Глазунова полагает, что «государственно-административное управление – это практическая реализация исполнительной власти. Сущностная характеристика этого базового понятия может быть представлена в нескольких аспектах. Государственно-административное управление – это:

1) деятельность государственных органов, институций «вторичного» мандата;
2) государственные органы формируются политическими (выборными) органами и должностными лицами;
3) подпадают под регуляцию административного и административно-процессуального законодательства;
4) государственно-административное управление осуществляется не только на трех уровнях публичной власти, а имеет более сложную иерархическую структуру «этажей» управления на: федеральном, общенациональном уровне; уровне федеральных округов; уровне субъектов Федерации; уровне административно-территориальных округов в субъектах Федерации; уровне местном (города,

района)» [15, стр. 43].

Общетеоретическое представление о сущности государственного управления опирается на исходную посылку, что оно есть (воз)действующее государство, следовательно, указывает на необходимость определения онтологически значимых черт для широкого спектра проявлений государственной активности, не только в сфере исполнительной власти. Неслучайно в теории государства и права отмечается, что «сущность государственного управления на самом деле заключается в том, что оно выступает главным каналом осуществления всей системы государственной власти, а не только отдельной ее разновидности (исполнительной власти), и получения обратных сигналов о состоянии объектов управления, учет которых в деятельности каждой разновидности государственной власти необходим для эффективного функционирования всей системы государственной власти» [58, стр. 17]. Иными словами, широкий, общетеоретический, подход интерпретирует сущность государственного управления сквозь призму выяснения доминирующих интересов и целей во всей системе государственной власти, конкретных форм их осуществления и взаимоотношений с обществом.

«Практически все проблемы теории государства, – к*онстатируют В.В. Лазарев и С.В. Липень,* – прямо или косвенно связаны с категорией «сущность государства», и для ее понимания следует ответить на вопросы: «В чьих интересах государство осуществляет свою управленческую деятельность? В каких пределах государство осуществляет свою управленческую деятельность? В каких направлениях государство осуществляет свою управленческую деятельность? Какими методами, способами государство осуществляет свою управленческую деятельность? На каких принципах базируется управленческая деятельность государства? Каким образом создаются высшие органы государства, каким образом распределяется их компетенция? Какова территориальная организация государственной власти?» [36, стр. 90].

В этом ракурсе следует исходить из предпосылки, что *сущность государственного управления характеризуется диахронностью*. Как всякий социальный институт, сущность и содержание государственного управления имеют свою историческую динамику и социокультурный контекст. С XVI-XVII веков берет начало эпоха становления и укрепления национальных государств, и в результате развития государственного управления как «полицейского проекта» в научном дискурсе актуализируется рефлексия над «проблемой существования и природы государства как такового» [16]. На заре появления в западном политическом ландшафте национальных государств речь шла об «управлении, согласованном с мощью государства. Цель такого управления – усиление мощи государства как в том, что касается расширения его границ, так и в том, что касается его способности противостоять другим государствам» и развитие таких основ жизнедеятельности социума, которые укрепляют государственную мощь [55, стр. 305-306, 313]. Иными словами, в этот период формирование национальных государств происходит в рамках этатистской управленческой парадигмы. При этом в управленческом воздействии на общественные отношения отражаются преимущественно потребности, интересы и воля узких социальных слоев, в чьих руках находится власть.

С развитием индустриального, дисциплинированного общества (М. Фуко) получает теоретическую и эмпирическую основу идея рационального конструирования государственного управления, функционирующего на легальных основаниях. По мысли М. Вебера, «современный рациональный промышленный капитализм в такой же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается в рационально разработанном праве и управлении на основе твердых формальных правил» [8, стр. 54]. Буржуазные отношения развиваются рука об руку с развитием новой модели государственно-управленческих отношений, оформляясь «вокруг организационного ядра капиталистического производства и бюрократического государственного аппарата» [56, стр. 7-8].

Вместе с развитием буржуазных отношений в западном обществе утверждается совершенно иная, нежели этататистская, парадигма государственного управления – либеральная. Она базируется на идее самоценности индивида и приоритета его интересов. Такое понимание иначе оценивает сущность государственного управления: как института, сформированного совокупностью индивидов и для индивидов. Согласно либеральным воззрениям Б. Спинозы, государство является творением личности,

следовательно, личность, полагая себя его созидателем и последним правовым источником, в случае надобности может подвергнуть его переделке [54, стр. 437-438].

Концепции и практики нового времени и последующее обоснование в XIX веке идеи социального государства повлияли на интерпретацию сущности государственного управления в аспекте усиления его *общесоциального наполнения, общечеловеческих начал.* Сущность государственно-управленческого воздействия тесно сопрягается с социальной предназначенностью государства, его целями и функциями как института, созданного обществом для осуществления всеобщих интересов. Стоит отметить, что сама постановка проблемы об общесоциальной заданности государственного управления отнюдь не есть интеллектуальное новшество Нового времени, подобная интерпретация уходит истоками в античную и средневековую философию [9; 42; 47]. Так, сущность государственной организации Аристотель раскрывает через понятие цели (осмысленно-целевой деятельности), которая совпадает у него с понятием общего блага: «цель – это и есть собственно благо», а наивысшее благо («совершенная цель») – это счастье [3, стр. 55, 62]. Отсюда, «наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо» [4, стр. 591]. Аль-Фараби* в познании сущности бытия государства использует категорию «деятельного разума», в соответствии с которым «истинным правителем является тот, кто в искусстве, посредством которого он управляет городами, ставит целью и предметом стремления создание для себя и остальных горожан подлинного счастья, которое является пределом и целью искусства правления»** [1, стр. 85-98, 108-113, 121-198].

Однако концептуальную и эмпирическую основу утверждение об основной цели деятельности государства как достижение всеобщего блага получила только в период формирования современного буржуазного общества. Такая точка зрения зачастую критикуется как гедонистическая, «эвдемонистически-утилитарная». Тем не менее, она содержит огромный онтологический потенциал, задавая для государственных институтов антропоцентрические ориентиры. К примеру, американская Декларация независимости фиксирует: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых» [49, стр. 25].

По мысли Г. Еллинека, «конечной целью всякой деятельности государства является, прежде всего, участие в труде на пользу прогрессивного развития входящих в состав его индивидов – не только настоящего, но и будущих поколений, а затем, так как сознание народами их солидарности все более выходит за пределы государства, и содействие прогрессивному развитию человечества». Данный подход раскрывается «в трояком направлении», как «спосшествование» (способствование) в государственной деятельности индивиду, развитию которого как члена целого должно быть оказано содействие, народу как совокупности настоящих и будущих членов государства и человеческому роду, членом которого является отдельный народ [22, стр. 267-268].

В управленческом воздействии государства на общественные отношения (реализации государством управленческой функции) объективируется общесоциальное начало государства. Социальное назначение института управления следует искать в организующе-управленческом потенциале государства, связанном с его способностью обеспечить потребности в нейтрализации угрозы социальной дезорганизации, создании условий для социального консенсуса и развития личности и общества [23; 32; 34].

Изменение сущности государства обусловливает изменение содержания государственно-управленческой деятельности. При этом в современном государстве назначение государственного управления невозможно познать иначе, как сквозь призму права. Как верно отмечается в юридической литературе, «в демократическом обществе государственная власть – это управление по уполномочию народа, нации, т.е. управление по праву, правовое управление» [57, стр. 47]. С точки зрения современной трактовки государства и проводимой им правовой политики, государственное управление выступает как государственно-правовое управление. Стоит заметить, в юридической литературе

обосновывается мнение, что правовая политика выступает как управление позитивным правом [43]. Управленческую функцию современное государство осуществляет, основываясь преимущественно на нормах действующего законодательства и общепризнанных принципах и нормах международного права. Общесоциальная заданность государственного управления закрепляется в конституционных актах, устанавливающих цели и функции государственной власти, права и свободы личности. Государственно-управленческая деятельность с установлением эпохи модерна начинает обретать ориентир на рациональные и легальные начала, обеспечение верховенства права и закона, признание ценности человеческого достоинства. В этом смысле государственное управление – функция (средство) для достижения современным государством конечной цели – обеспечения публичного блага. Заметим, постановка цели указывает на рациональные начала в управлении делами государства.

Вместе с тем, *взаимосвязь сущности государства и государственного управления (как деятельностной стороны государства) имеет сложный, не лишенный напряженности и противоречий, характер, что обнаруживается между общесоциальной стороной государства и реальным воплощением ее в государственно-правовых практиках.* Проблема связана с двойственным характером сущности государства: эмпирически она никогда не выступает в своей «идеальной ипостаси» и всегда содержит как классовые, так и общесоциальные начала, хотя по мере эволюции социальных институтов и меняется в сторону усиления последних. Стоит при этом отметить, что связь между сущностью государства и функциональной природой его управленческого воздействия на общественные отношения носит не прямой, а опосредованный характер. М.Н. Марченко справедливо указывает, что «государство как социальное в самом широком смысле явление развивается и совершенствуется не только и даже не столько в силу его внутренних, сколько внешних по отношению к нему факторов, обусловленных процессами развития и совершенствования общества» [50, стр. 167]. При этом в государственном управлении сопрягаются не только рациональные, но и стихийные, бессознательные начала, которые с неизбежностью подразумевает сам ход общественных процессов. Если отталкиваться от того, что культура – это мать, институты – ее дети [35, стр. 29], то государственное управление есть плод осуществления не только рационально разработанных с учетом универсальных тенденций построений. Объективация деятельностной стороны государства как сложного и многогранного институционального образования всегда происходит в каком-либо социоисторическом контексте и в культурной среде конкретного народа, в которой сложились свои архетипы, традиции, ценности и нормы, в том числе политико-правовые. Стало быть, нельзя отрицать в подобных процессах фактор «духа народа». При этом государственное управление опосредуется взаимосвязанными и взаимообусловленными политико-культурными и правокультурными факторами (невозможно представить общество с высокой политической культурой и низкой правовой, и наоборот: они развиваются в унисон [40, стр. 61; 44; 45; 46]).

Таким образом, можно констатировать, что *в социальном назначении (целях и задачах) государственного управления с неизбежностью отражается двойственность сущности государства как института, объемлющего единичное и общее, интересы правящей элиты и всеобщие интересы. При этом в реалиях доминирование либо баланс тех или иных начал в рамках подобной двойственности не может не обусловливаться политико-правовой культурой конкретного общества.*

Конкретизируя категорию «государственное управление» необходимо соотнести его с такими смежными понятиями, как «государственная власть», «государственное регулирование», «государственная политика», «политическое управление», «государственное администрирование», «менеджмент». Это позволит выявить эссенциальные черты государственного управления как сложного политико-правового явления, определить философское и юридическое наполнение данной категории.

Одной из наиболее содержательно близких категорий к государственному управлению является «государственная власть». В научном дискурсе констатируется, что «всякое проявление власти есть управление» [52, стр. 38], а пространство государственной власти – это та «сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство

государством» [2, стр. 7]. Между тем, относительно соотношения категорий «государственная власть» и «государственное управление» мнение ученых расходится. Зачастую они трактуются с точки зрения тождественности. Другие авторы полагают, что каждая из названных категорий обладает собственным политико-правовым содержанием, при этом их разграничение проводится по критерию субстанциональности (власть осуществляют конкретные органы власти, тогда как управление – деятельность данных органов)***, с точки зрения функционально-инструментального подхода****, и, наконец, с позиций ценностно-поведенческих*****.

Полагаем, государственная власть и государственное управление – органически взаимосвязанные категории, но при этом каждая из них имеет свое смысловое наполнение. Государственная власть является имманентным свойством государства, «внутренний источник» движения (Аристотель), который внешне обнаруживает себя в управлении делами общества. Государственное управление – это процесс, динамика, действие, тогда как государственная власть – статичное атрибутивное понятие, характеризующее свойства субъекта власти, а не осуществляемую им деятельность. Управление делами общества государство осуществляет посредством реализации своей власти, власть выступает как средство управления, а управление, в свою очередь, как способ (форма) реализации власти. В этом ракурсе правоведы резонно полагают: «Возможно ли государство без управления или власти как средства осуществления управления? Очевидно, что нет» [39, стр. 23].

Еще одной парой смежных категорий является «государственное управление» и «государственное регулирование» [53]. Зачастую между данными категориями ставится не вполне обоснованный, полагаем, знак равенства, при котором отождествляется весь набор их признаков******. Вместе с тем, необходимо учитывать некоторые смысловые нюансы данных категорий. Государственное управление шире государственного регулирования, первое включает в себя последнее. С помощью регулирования субъект управления (государственные органы и их должностные лица) стремится преимущественно с помощью правовых норм обеспечить устойчивое *воспроизводство* общественных отношений. Государственное регулирование – это форма управленческой деятельности государства, выражающаяся в организующем и упорядочивающем воздействии на социальные процессы, создании условий, обеспечивающих стабильное воспроизводство и развитие общественных отношений, преимущественно с помощью общеобязательных правовых предписаний. По Г.В. Мальцеву, если управление общественными процессами состоит в том, чтобы придать им определенные рациональные рамки и направленность на известную цель, то регулирование есть внесение правила или меры в управляемый процесс, чтобы организовать его как размеренный, законосообразный, правильный порядок [37, стр. 6]. В связке «власть-управление-регулирование» управление выступает функцией власти, в то время как регулирование выступает функцией как власти, так и управления.

Следующей парой взаимосвязанных понятий являются «государственное управление» и «государственная политика». Данная взаимосвязь проявляется уже в том, что на греческом языке термин «политика» имеет значение искусства управления государством. Общим в управлении и политике является то, что оба соотносятся с понятием власти. Полагаем, соотношение понятий «государственное управление» и «государственная политика» характеризуется тем, что государственное управление реализует основные направления государственной политики, которые закреплены в стратегических программных документах, актах законодательства, иных нормативных правовых актах. Также могут приниматься государственные политические решения и в отношении государственного управления, например, по структуре органов, осуществляющих государственное управление.

Близко к понятию государственной политики понятие «политическое управление». Рассматривая последнее в соотношении с понятием государственного управления, отметим, что они являются своего рода «параллельными» понятиями, существующими в различных, но перекрещивающихся плоскостях. Если государственное управление является способом реализации государственной власти, то политическое управление – способом реализации политической власти. Частично круг субъектов данных властей совпадает (но не полностью, например, политические партии, не входящие в представительный орган государства, могут осуществлять

политическую власть, но не иметь доступа к государственной) [33].

Довольно специфическим термином является «администрирование» [6; 38], появившемся позднее по сравнению с традиционно использовавшимся в российской и казахстанской юридической литературе термином «государственное управление». Термин «администрирование» является калькой с западного обозначения публичного управления (public administration), и многими правоведами в постсоветских странах связывается с бюрократическим управлением, функционирующем на административном, внеправовом, принуждении [20]. Он может использоваться в целях обогащения юридического понятийного аппарата, артикуляции смысловых акцентов в юридической текстах, пр.

В современном дискурсе об управлении широко используется термин «менеджмент» [29]. Менеджмент определяется как «процесс достижения поставленных целей посредством использования труда людей» [48, стр. 14]. Термин «менеджмент» применим к любой сфере социальной коммуникации, в которой осуществляется управление, включая государственную. «Менеджмент» – более общее понятие, нежели «государственное управление». Последнее можно рассматривать как разновидность менеджмента, осуществляемого в публичной сфере с применением юридических средств и методов правового регулирования, что открывает широкие перспективы для совершенствования государственного управления с использованием достижений управления в частной сфере.

Итак, государственное управление обладает развитой системой логических связей с множеством иных смежных государственно-правовых явлений, однако не смешивается с ними, имеет собственное содержание и особенности, вытекающие из его сущности.

Таким образом, государственное управление, рассматриваемое сквозь призму общетеоретического подхода, выступает как «государство в действии», воплощаясь в деятельности всей совокупности государственных органов как своей субстанциональной основы. Оно выполняет ряд жизненно важных для формирующего его общества необходимых функций, связанных с организацией и упорядочением общественных отношений. Государственное управление формируется исторически и является социальным и политико-правовым институтом, закономерно вписывающимся в институциональную матрицу государственно-организованного общества, отражая его социокультурное своеобразие и политико-правовой опыт.

Примечания

* Аль-Фараби – средневовый философ, родиной которого является город Отрар (терр. современного Казахстана). Он «первым в средневековую эпоху разработал учение об общественном прогрессе, оказал огромное влияние на всю последующую политическую и социологическую мысль, создав стройную политико-правовую систему общества, государства (от его возникновения до полного совершенства) как идеальной модели, приемлемой для всего человечества» [17, стр. 137].

** В трудах аль-Фараби идеи Аристотеля по вопросам управления государственно-организованным обществом получают как интерпретацию, так и дальнейшее развитие. «Широкую известность Фараби, – пишет О.Э. Лейст, – принесли его комментарии трудов Аристотеля, в связи с чем еще при жизни ему было присвоено почетное имя «Аристотель Востока», «Второй учитель»... Взяв за исходное моральные категории добра, зла, отношения к труду, он делит города-государства на добродетельные, коллективные и невежественные» [27, стр. 104]

*** Г.М. Казиева, в частности, полагает, что если исполнительная власть – это самостоятельная и независимая ветвь государственной власти», то государственное управление – это «непосредственная деятельность государственных органов по осуществлению властных полномочий в целях выполнения его организационно-регулирующих и служебных функций. Все органы государственной власти осуществляют управленческие функции» [28, стр. 9].

**** По мнению О.Н. Дорофеева, «понятия государственной власти и управления следует рассматривать с точки зрения функционально-инструментального подхода, в рамках которого публичная политическая власть выступает как функция государства, в свою очередь, государственное управление следует воспринимать в

качестве внешней формы выражения данной функции и одновременно в качестве инструмента ее реализации» [21, стр. 3-4].

***** В рамках социальной философии Т.В. Гуськова рассматривает соотношение искомых понятий следующим образом: «выступая как институт регулирования общественных процессов, государство действует в разных поведенческих форматах. Однако все акции данного института могут быть представлены как продукты двух особых подсистем такой регулятивной деятельности: властно-политической и собственно-управленческой. Наличие двух относительно самостоятельных подсистем принятия государственных решений показывает, что в едином процессе целеполагания существуют различные логики выработки ориентиров, особые механизмы согласования интересов, мотивации акторов и свои стратегии выработки позиций, различные альтернативы применения тех или иных ценностей и традиций, норм и стереотипов, правил и технологий действий» [19, стр. 9-10].

****** Примечательны в связи с этим высказывания о том, что «в самом обыденном смысле регулирование выражается в подчинении определенному порядку, в упорядочении тех или иных действий. Налицо полное совпадение признаков регулирования и управления» [7; 31, стр. 22].

Список литературы

1. Аль-Фараби. Гражданская политика // Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. – Алма-Ата, 1973.
2. Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина. – СПб., 2004.
3. Аристотель. Никомахова этика. Соч. в 4 т. Т.4. – М., 1983.
4. Аристотель. Политика. Собр. соч. в 4 т. Т.4. – М., 1983.
5. Аубакирова И.У. Человек и государственное управление: некоторые теоретико-методологические подходы // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 70-80.
6. Бацвин Н.С. Понятие и сущность государственного администрирования // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2012. – № 1. – С.31-36.
7. Бородин С.С., Громыко С.С. Административное право. – СПб., 2007.
8. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
9. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
10. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
11. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58.
12. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 182-190.
13. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
15. Глазунова Н.И. Государственное (административное) управление. – М., 2006.
16. Глушаченко С.Б., Евсеев А.В., Канюкова Т.Е., Лябов А.О., Сальников М.В. Российское право. IX-XIX в.в. (исторические зарисовки) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 168 с.
17. Голиков А.К. История политических учений. – СПб., 2012.
18. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты: Монография / Под ред. Л.Л. Попова. – М., 2012.
19. Гуськова Т.В. Проблемы государственного управления в современной России (социально-философский анализ): Автореф. дис. … канд. философ. наук. – М., 2009.
20. Денисов С.А. Общая теория административного государства. – Екатеринбург, 2010.
21. Дорофеев О.Н. Государственное управление как форма реализации публичной политической власти: теоретико-правовой аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 23 с.
22. Еллинек Г. Общее учение о государстве. – СПб, 2004.
23. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
24. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Конвергенция в философии и богословии в творчестве Фомы Аквинского как обеспечение устойчивости концепции естественного права // Юридическая наука: история и современность.

– 2016. – № 10. – С. 176-184.
25. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
26. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
27. История политических и правовых учений / Под ред. О.Э. Лейста. – М., 1997.
28. Казиева Г.М. Конституционно-правовые основы государственного управления на федеральном (центральном) и региональном (местном) уровнях в Российской Федерации и Республике Казахстан: Сопоставительный анализ: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2009. – 24 с.
29. Калганова Л.А. Соотношение и взаимодействие понятий государственного управления и менеджмента // Юрист. – 2006. – № 11. – С.55-58.
30. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
31. Козлов Ю.М. Административное право. – М., 2002.
32. Колядин А.М. Воздействие корпоративного сектора на демократию и гражданское общество // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 39-46.
33. Колядин А.М. Политическая система как интегрированное выражение политики и власти // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 8. – С. 173-183.
34. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 190 с.
35. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М., 2002.
36. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрайт, 2012. – 634 с.
37. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
38. Махина С.Н. Децентрализация государственного администрирования как средство обеспечения демократии и правомерности государства // Юридические записки: Гражданское общество и государство в России: обеспечение демократии и правомерности. – 2006. – Вып.20. – С.110-130.
39. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 2001. -520 с.
40. Петручак Л.А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. – М., 2012.
41. Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2011.
42. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
43. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russica. – 2015. – № 3. – С. 7-18.
44. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
45. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
46. Сальников М.В. Политико-правовая традиция и правовая культура общества: соотношение в теоретическом правоведении и юридической практике // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 169-186.
47. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
48. Современное управление. Энциклопедический справочник. Т. 1. – М., 1997.
49. Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты / Под ред. О.А. Жидкова. – М., 1993.
50. Социология права: Курс лекций: в 2 т. Т.1 / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2015.
51. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
52. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе. – М., 1968.
53. Файзуллин Г.Г. О соотношении понятий «государственное управление» и «государственное регулирование» сельским хозяйством // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 10. – С.77-93.
54. Фишер К. История новой философии. Бенедикт Спиноза. – М., 2005.

55. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2005.
56. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2008.
57. Чернобель Г.Т. Институциональная детерминанта системы государственного управления // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 45-55.
58. Шапсугов Д.Ю. Теория права и государства. В 2 ч. Ч.2. – Ростов-на-Дону, 2001.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ КАК РУССКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ФИЛОСОФ ПРАВА.
Лекция

Аннотация. *Рассматривается философское наследие Федора Михайловича Достоевского, оказавшее значительное влияние на русскую философию права. Отмечается, что Достоевский был по существу впервые по достоинству понят и оценен именно философами, анализируется восприятие Достоевского как философа в Германии.*

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский; писатель; философ; философия права; русская философия; Р. Лаут.*

ISMAGILOV R.F.

F.M. DOSTOEVSKY AS RUSSIAN AND THE EUROPEAN PHILOSOPHER OF LAW.
Lecture

The summary. *The philosophical heritage of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky is considered, which has had a significant impact on Russian philosophy of law. It is noted that Dostoevsky was for the first time appreciated and appreciated by philosophers for the first time, and the perception of Dostoevsky as a philosopher in Germany is analyzed.*

Key words: *F.M. Dostoevsky; writer; philosopher; philosophy of law; Russian philosophy; R. Louth.*

Русская философия как наука формировалась под преобладающим влиянием европейской философии, начиная с XVIII века. Философская мысль в допетровской Руси развивалась в основном в рамках религиозного мышления, оформленного богословской традицией. Начала

академической философии принес в Россию XVI века Максим Грек, ученик Марсилио Фичино и носитель одновременно двух традиций – традиции Флорентийской гуманистической академии и традиции афонского монашества. Заметим, что в жизни Достоевского важную роль сыграли и Флоренция, в которой он провел многие месяцы и которую он очень любил, и Афон, куда он, по своему признанию, постоянно стремился, будучи за границей.

Русской философии нужно было пройти достаточно продолжительный период ученичества у философии Европы, чтобы найти адекватные способы выражения своих смыслов на языке академической науки. Но лишь в XIX веке русская философская мысль достигает своей подлинной зрелости. Здесь прежде всего следует отметить полное и глубокое усвоение русскими учеными содержания западной философии. При том, что на рубеже веков последняя достигает своего высшего результата – немецкой классической философии Канта [19; 21; 23; 39], Фихте, Шеллинга и Гегеля [8; 22; 24; 18, стр. 20-21; 20, стр. 62-69]. Яркий образ Гегеля и Канта создал Арсений Гулыга в книгах, посвященных биографии философов, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей» [6; 7].

Немецкая философия, восстановив с учетом опыта Нового времени и эпохи Просвещения [25; 27; 28; 29; 35; 36; 37; 42; 45; 49; 50; 51], христианское мировоззрение в философии, сделала то, к чему традиционно стремилась русская правовая мысль: нашла форму адекватного сочетания научного логического анализа и ценностной ориентации христианства [44].

В итоге русская философия не только в полной мере достигла уровня европейской науки об отношении мышления и бытия, но и в какой-то мере стала выше ее. Во всяком случае, авторитет Владимира Сергеевича Соловьева и Федора Михайловича Достоевского непререкаем и для современных зарубежных философов, особенно в Германии [30].

Вместе с тем в развитии русской гуманитарной мысли положительную роль сыграл и патриотический подъем, связанный с победами в Отечественной войне 1812 – 1814 гг., побудивший, между всем прочим, искать самостоятельные пути в науках об обществе и человеке. Не случайно первое оригинальное и яркое слово в русской философии права сказал именно участник той войны, боевой офицер Петр Яковлевич Чаадаев.

О значении XVIII в. для развития философской и научной культуры XIX в. и о восприятии научной философии в XIX столетии писал крупнейший историк русской философии В.В. Зеньковский: «XVIII-ый век был, конечно, только «прологом» в развитии философии в России. Однако различные течения, наметившиеся уже в XVIII веке, оказались не случайными, – все они проявились позже – уже в XIX-ом веке – в более зрелой и отчетливой форме. Во всяком случае XVIII-ый век в России окончательно отвоевал для философии ее особое место, окончательно закрепил ее секулярный характер. К XVIII-ому веку вполне применимы те слова, которыми характеризовал Киреевский духовную атмосферу в начале XIX-го века: «слово философия, писал он однажды, имело (тогда) в себе что-то магическое». Философия возбуждала надежды, далеко выходящие за пределы ее возможностей, – от нее ожидали не столько ответа на теоретические запросы ума, сколько указаний на то, как разрешить вопросы жизни. Это не было устранение теоретических проблем, а была потребность целостного синтеза, аналогичного, тому, какой дает религия. Потому-то философия и становилась главным проводником творческих исканий, что она воспринималась, как секулярная замена церковного мировоззрения. Надо, однако, тут же отметить, что секулярные тенденции, защита ничем не стесняемой свободы философского мышления вовсе не были связаны в это время непременно с рационалистическими течениями. То же самое мы находим, например, в у тех, кто защищал примат чувства, а не разума. И это особенно важно иметь в виду, если мы хотим понять, почему слово «философия» имело в себе «что-то магическое»; в философских исканиях значительное место принадлежало запросам чувства (как увидим дальше – преимущественно, эстетического). Отсюда тот энтузиазм, который так характерен для философствующей молодежи в России в начале XIX-го века».

В итоге Россия должна была представить миру философа, равномощного европейским гениям. Именно таким увидела Европа Федора Михайловича Достоевского. Так он был со временем понят и оценен и в своем Отечестве.

В России работы Достоевского не обошел

вниманием ни один из современных ему крупных критиков, мыслителей, ученых. Зачинатели критики трудов Достоевского В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Писарев и др. видели в нем по преимуществу «социального» писателя, стремились определить его отношение к общественной и литературной жизни, так, например, регулярно дискутировалась проблема отношения Достоевского к славянофильству и западничеству. Обсуждались вопросы о гуманизме писателя, приемы художественного творчества, уже прижизненная критика занималась столь популярным в дальнейшем за рубежом психологическим истолкованием его работ (более всего в отношении «Преступления и наказания). «Современники с самого начала признали и хвалили его как психолога», – замечал Вячеслав Иванов. Однако вопросы религиозных и онтологических оснований стали выходить на первый план только в последние годы жизни великого писателя. Отношение к Достоевскому как к философу впервые проявилось в работах Владимира Соловьева и Константина Леонтьева, стоявших у истоков русской религиозно-философской мысли конца XIX столетия. Позднее оно стало доминирующим.

На значительный импульс, который придал развитию русской философии Достоевский, во многом определив ее своеобразные черты и ту роль, которую она сыграла в развитии философии права после великих немецких классиков, указывал А.В. Гулыга: «Усвоив дух Достоевского, русские мыслители решили задачу Шеллинга. Они все заняты разработкой «положительной философии» как задумал ее Шеллинг. Это философия творящего духа, философия ценностей, святынь, философия любви. Для освоения ее мало понятийного аппарата – нужно интуитивное постижение истины в ее животворной полноте». Ученый считал Ф.М. Достоевского творцом русской идеи. В частности, в своей соответствующей книге он посвятил ему четвертую главу под названием «Я видел истину» (Достоевский) [5, стр. 98-126]. В сборник произведений русских мыслителей под названием «Русская идея», к которому он написал предисловие, включены дневники писателя за 1877 и 1880 годы [43, стр. 154-189].

В свою очередь, именно русским философам мы обязаны наиболее глубокими интерпретациями наследия великого писателя: «…почти все крупнейшие русские философы как бы считали своим долгом писать книги о Достоевском. Именно русским философам более, чем профессиональным литературным критикам, обязаны мы лучшими книгами о величайшем русском художественном гении. Мало того, Достоевский был по существу впервые по достоинству понят и оценен именно философами – создателями русского религиозно-философского Ренессанса, то есть тем поколением, которое было затронуто и пронизано влиянием Достоевского и Вл. Соловьева, и в котором, после позитивистической духовной летаргии проснулась жажда духовного, в том числе философского творчества. При этом Розанов и Мережковский, отчасти Лев Шестов, почти что начали свою творческую деятельность с исследований о Достоевском, а Бердяев и Булгаков написали свои исследования в процессе становления их философского миросозерцания», – отмечал С. Левицкий в своем предисловие к известной книге Н.О. Лосского [31]. И он, конечно, прав [1; 2; 34; 40; 54]. Здесь можно вспомнить еще одну интересную книгу Н. Лосского «Бог и мировое зло», где анализируется творчество Достоевского [32].

Центральной темой дискуссии, которая развернулась вокруг творчества писателя и которая привела, в конечном итоге, к глубокому философскому осмыслению его наследия, стал вопрос об ортодоксальности веры писателя. Первоначально спор разгорелся вокруг «Пушкинской речи» Достоевского, вокруг его идей о русском народе-богоносце, объединителе Востока и Запада о всечеловеческом братстве и о предназначении человека как высшей ценности бытия и как высшей социальной ценности.

В дальнейшем православно-религиозную основу мировоззрения Достоевского признавали В. Иванов, С. Булгаков, периодически – Н. Розанов; его основание «в новом религиозном сознании» – Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Шестов и также В. Розанов. На волне русского богоискательства рубежа веков был поднят вопрос об отношении Церкви и «чистой Христовой веры». В таком контексте творчество Достоевского (как и Толстого) нередко было принято считать своеобразным поиском этой веры [26]. Наиболее ярко подобную позицию выразил Д.С. Мережковский, основатель «религии Третьего завета», не признававший официальной Церкви.

Взгляды В.В. Розанова на аспекты творчества русского писателя несколько раз менялись до прямо противоположных, что впрочем, было свойственно не только ему. В самом известном своем труде о Достоевском «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария» (1890) философ отметил «сосредоточение интереса его на религиозном», замечая, что в «Легенде» зло «выражено с беспримерною силою». Розанов сочувственно отзывался об идеях Достоевского о том, что «утоление всякой скорби», «примирение всякой ненависти» совершится славянской расой, и что «в церкви – начало соборности», поддерживая именно православную церковь, отдавая ей предпочтение перед католицизмом. Спустя десять лет, в статье «Размолвка между Достоевским и Соловьевым» (1902 г.), Розанов уже обвиняет Достоевского в клевете на католическую церковь, которую увидел все в той же «Легенде» и упрекает писателя в искусственности и эфемерности, почти обмане («пряность и пряность, а нет хлеба», «бесконечное расширение» кончается «удушливой суженностью», и т.п.) [41].

Позднее нечто подобное еще решительнее заявлял Лев Шестов: «Достоевский был не первым учителем, обманувшим своих учеников». Вслед за Н.Михайловским Л.Шестов употребил в связи с Достоевским эпитет «жестокий», объявляя его сторонником темной силы. Шестов считал, что Достоевский научился взывать к Господу» именно вследствие жестокости и трагичности своего мировоззрения. Философ определил творчество Достоевского как «историю перерождения убеждений».

Вячеслав Иванов точно высказывается по поводу сомнений в наличии веры у Достоевского (Мережковский, Шестов): «Некоторые критики ошибочно воспринимают диалектический момент самопознания духа как выражение изначального скепсиса и отчаяния». Сходную трактовку мы найдем и у С.Н. Булгакова. В статье «Русская трагедия», впервые прочитанной автором в Московском Религиозно-философском обществе 2 февраля 1914 г. и встреченной ответной критической речью Вяч. Иванова (расхождения между ними здесь для нас непринципиальны), он замечал: “Достоевский не был святым или праведником, в его душе шла ужасная борьба Бога с дьяволом, но верю, он вышел из нее не побежденным, а победителем». Созвучно Иванову Булгаков высказывался о том, что в творчестве писателя «святая Русь борется с царством карамазовщины» [2; 16]. Аналогичную позицию Вяч. Иванова можно найти и в другой его работе «Разное и вселенское», посвященной русской национальной идее как воплощению христианского идеала [17, стр. 371].

Прот. В.В.Зеньковский посвятил анализу философии Достоевского целый раздел в своей знаменитой «Истории русской философии» [15, стр. 386-416]. По словам Зеньковского, «Достоевский всю жизнь оставался религиозной натурой, всю жизнь «мучился», по его выражению, мыслью о Боге… вся исключительная значительность идейного творчества Достоевского заключается как раз в том, что он с огромной силой и непревзойденной глубиной вскрывает религиозную проблематику в темах антропологии, этики, эстетики, историософии». Вслед за Бердяевым Зеньковский подчеркивает исключительный антропоцентризм мировоззрения Достоевского, оспаривая, однако, мнение Бердяева о принципиальном различии святоотеческой антропологии и взглядов русского писателя. «Непревзойденно глубокое выражение» идеи свободы Зеньковский находит в творчестве и религиозных исканиях Достоевского.

Согласно Г.В.Флоровскому, главные смысловые узлы мировоззрения Достоевского также сосредоточены в понятии свободы. Антиномии свободы, по Флоровскому, Достоевский разрешает посредством любви через соборность и Церковь. Классическим образцом отношения к Достоевскому как к православному мыслителю является вышедшая в 1953 году в Нью-Йорке книга Н.О. Лосского «Достоевский и его христианское миросозерцание». В книге изображаются, по словам автора, «достоинства христианства посредством гения Достоевского» [33]. Интересно заметить, что В. Набоков в своем анализе творчества Достоевского именно религиозную линию определял как наиболее слабую в литературном плане: «Всю длинную, вялую историю старца Зосимы можно было бы исключить без всякого ущерба для сюжета, скорее это только придало бы книге цельности и соразмерности…». «… стоит появиться Алеше, как мы тотчас же погружаемся в совершенно иную, безжизненную стихию. Сумеречные тропы уводят читателя в угрюмый мир холодного умствования, покинутый гением искусства» [38].

Признавая христианскую направленность творчества писателя, Н.А. Бердяев в книге «Мировоззрение Достоевского», написанной в эмиграции, в оценке его прежде всего выделяет гуманизм, видя в творчестве писателя своего рода гимн человеку, человеческой свободе и индивидуальности. «У Достоевского был только один всепоглощающий интерес, только одна тема, которой он отдавал все свои творческие силы. Тема эта – человек и его судьба. Не может не поражать исключительный антропологизм и антропоцентризм Достоевского». Бог видится Бердяеву через человека: «Решить вопрос о человеке значит решить вопрос о Боге». Именно в этом ключе Бердяев интерпретирует творчество Достоевского. Бердяев обратил внимание на страдание как на «причину сознания» человека. При этом он своеобразно преломляет тему зла в творчестве Достоевского, утверждая, что зло ведет его героев к конечному добру [1].

Оценивая значение Достоевского как писателя и как мыслителя, хорошо сказал о нем Николай Бердяев (хотя тут же ошибочно причислив его к гностикам, правда, с некоторой оговоркой): «Достоевский был не только великий художник, он был также великий мыслитель и великий духовидец. Он – гениальный диалектик, величайший русский метафизик. Идеи играют огромную, центральную роль в творчестве Достоевского. И гениальная, идейная диалектика занимает не меньшее место у Достоевского, чем его необычайная психология. Идейная диалектика есть особый род его художества. Он художеством своим проникает в первоосновы жизни идей, и жизнь идей пронизывает его художество. Идеи живут у него органической жизнью; имеют свою неотвратимую, жизненную судьбу. Эта жизнь идей – динамическая жизнь, в ней нет ничего статического, нет остановки и окостенения. И Достоевский исследует динамические процессы в жизни идей. В творчестве его поднимается огненный вихрь идей. Жизнь идей протекает в раскаленной, огненной атмосфере – охлажденных идей у Достоевского нет, и он ими не интересуется. Поистине в Достоевском есть что-то от Гераклитова духа. Все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе. Идеи у Достоевского – не застывшие, статические категории, – это – огненные токи. Все идеи Достоевского связаны с судьбой человека, с судьбой мира, с судьбой Бога. Идеи определяют судьбу. Идеи Достоевского глубоко онтологичны, бытийственны, энергетичны и динамичны. В идее сосредоточена и скрыта разрушительная энергия динамита. И Достоевский показывает, как взрывы идей разрушают и несут гибель. Но в идее же сосредоточена и скрыта и воскрешающая и возрождающая энергия. Мир идей у Достоевского совсем особый, небывало оригинальный мир, очень отличный от мира идей Платона [46]. Идеи Достоевского – не прообразы бытия, не первичные сущности, и уж конечно, не нормы, а судьбы бытия, первичные огненные энергии. Но не менее Платона признавал он определяющее значение идей. И вопреки модернистической моде, склонной отрицать самостоятельное значение идей и заподозривать их ценность в каждом писателе, к Достоевскому нельзя подойти, нельзя понять его, не углубившись в его богатый и своеобразный мир идей».

Книга Бердяева была спустя два года переведена на немецкий язык и издана в Мюнхене. И это не случайно. К тому времени в Германии Достоевский был не менее популярен и вызывал такой же интерес, как на родине. Хотя первое знакомство немцев с русским писателем, кажется, не предвещало такого успеха. Как нам представляется, восприятие Достоевского как философа развивалось в Германии во много под влиянием русской философии права. Именно выдающиеся и известные на Западе русские философы, прежде всего такие как Н.А. Бердяев, Д.А. Мережковский, Ф.А. Степун, С.А. Булгаков, раскрыли для немцев метафизическую глубину творчества русского писателя. Знакомство с их работами дало импульс попыткам философского прочтения Достоевского Наторпом, Лукачем, Лаутом и др. При этом немецкие авторы в процессе интерпретации наследия Достоевского сосредоточились на тех аспектах, которые задавались логикой развития философии, культуры, социальной жизни Германии начала XX вв.

Война и революционные события 1917 г. подхлестнули интерес немецкой общественности к загадочной стране-соседке и к одному из ярчайших представителей русской культуры. Количество посвященных Достоевскому статей и публикаций, вышедших в 1920-30-х гг. в немецкоязычном пространстве, исчисляется тысячами. При этом нельзя не отметить, что академическая наука вплоть до 1930-х гг. весьма сдержанно

реагировала на творчество русского писателя. Основное философско-социологическое направление рецепции его творчества оставалось неизменным. Немецкий читатель воспринимал Достоевского «не столько как писателя и художника, сколько как пророка и провозвестника новой веры, страдальца, который в своем творчестве поднял «последние вопросы» человечества». Безусловно, значительную роль в формировании такого прочтения сыграли вводные статьи Дмитрия Мережковского к немецкому изданию собрания сочинений писателя.

Широкое знакомство массового европейского читателя с творчеством Достоевского происходит сразу по окончании Первой мировой войны. Конец первой четверти XX века был ознаменован пиком интереса к русскому писателю в Европе, что во многом объясняется общеевропейской ситуацией культурного кризиса, порожденного войной. Кроме того, в 1921 году в Германии отмечалось столетие со дня рождения писателя, когда как отмечают Азадовский и Дудкин, «известность русского писателя достигает апогея и перерастает в культ». Тираж издаваемых переводов его произведений составляет десятки тысяч; резко возрастает и число статей и монографий, посвященных его творчеству. Сущность восприятия Достоевского в этот период резюмирует Стефан Цвейг в предисловии к новому многотомному собранию сочинений писателя, предпринятому в издании «Инзель»: «Достоевский для нас сегодня больше, чем поэт, это – духовное понятие, которое вновь и вновь будет подвергаться истолкованию и осмыслению. Образ русского писателя пронизывает и озаряет сегодня все сферы духовной жизни – поэтическую и философскую, духовную и культурную».

Как известно, послевоенная Германия увлечена идеями заката западной культуры, заката Европы (О.Шпенглер). В «Закате Европы» центральное место отводится концепции народности, национальной идеи и связанному с ними понятию души культуры. Шпенглер рассматривает цивилизацию как неизбежную конечную ступень развития культуры, несущую начало ее упадка. По мнению мыслителя, основное различие между двумя понятиями заключается в том, что культура религиозна, поскольку неразрывно связана с прошлым, с культом предков, и базируется на национальных особенностях, а цивилизация – нерелигиозна и интернациональна, оторвана от народных корней. Современный ему культурный и духовный кризис Шпенглер объясняет неотвратимым истощением духовного и творческого потенциала Европы. В ближайшем будущем он предвидит триумф европейской цивилизации, за которым последует смерть западноевропейской культурной расы и приход новых культур с их молодым духовным зарядом.

Как утверждает Шпенглер, именно нарождающейся русской культуре, еще проникнутой мистическим духом религиозности, принадлежит будущее. Первыми пророчествами о русской душе и ее вере, полагает мыслитель, и являются произведения Достоевского. В нем Шпенглер видит осознание Россией своей самобытности, воплощение огромного потенциала русской культуры. Концепция Шпенглера отличалась цельностью и завершенностью и во многом способствовала закреплению в сознании немцев своего рода мифа о Достоевском как о носителе духа молодой русской культуры и провозвестнике будущего христианства, а также актуализировала проблему сопоставления двух русских гениев – Толстого и Достоевского: «Толстой – это Русь прошлая, Достоевский – будущая».

Тема заката Запада характерна для многих видных европейских философов, писателей, художников того времени. Г. Гессе выражает свои взгляды о кризисе европейской культуры через интерпретацию творчества Достоевского, которого ставил чрезвычайно высоко как писателя и как мыслителя. С художественной стороны Гессе наиболее высоко оценил роман «Подросток». В статье 1915 г., посвященной роману «Подросток», Гессе размышляет о принадлежности России к азиатскому, восточному культурному типу, который характеризуется особой религиозностью, пассивностью и терпением. По его мнению, Европа должна учиться этим ценностям у России, приобщившись тем самым к «темному, иррациональному началу». В 1920 г. Гессе публикует сборник «Взгляд в хаос», в который включены статьи «Мысли о романе Достоевского «Идиот»» и ««Братья Карамазовы» или Закат Европы. Размышления при чтении Достоевского». Здесь акцент смещается с религиозной проблематики на психологические особенности русского человека и его отличие от западноевропейского типа.

Заметим, что после Первой мировой войны тема отношения России, Азии и Европы была

чрезвычайно популярна. В 1923 году Поль Наторп, один из ведущих философов того времени, публикует книгу «Значение Федора Достоевского для современного кризиса культуры». В этой книге Наторп так объясняет феномен Достоевского-художника: у него «все истекает из глубин внутреннего видения» и поэтому он глубоко «экспрессионистичен».

Далее следует указать на место творчества Достоевского в развитии философии экзистенциализма, на хронологическое первенство совокупности взглядов Достоевского на прогресс как на философию кризиса. Данный тип мироощущения – характерная черта идейного развития в XX веке. Сбывающиеся пророчества «одинокого мыслителя» дали истории мировой мысли новый уровень понимания мира и себя в этом мире. Как известно, к ветви экзистенциалистов последней трети XIX в. – первой четверти XX в. в России традиционно причисляют Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова. Выделяют также особую плеяду, т.н. «русских предэкзистенциалистов»: Р.Ю. Виппера, В.В. Розанова, М.О. Гершензона. Однако ключевой фигурой данного направления является все же Достоевский. В его творчестве русский предэкзистенциализм нашел, с одной стороны, наивысшее проявление, а с другой стороны, сформировал свои характерные признаки, выделившие его среди других русских философских традиций: либерального позитивизма, революционного материализма, религиозной философии.

Перечисленных мыслителей объединяет не политическое, религиозное или гносеологическое содержание, а их творческие стили. Для всех характерно чувство непринадлежности ни к одному из философских течений; духовное их одиночество в то же время не пассивно, но и не революционно; оно проходит в форме мощного интеллектуального творческого противопоставления себя и окружающей среды. Именно «одиночество» и «заброшенность» индивида в реально существующей внешней системе – отличительная черта экзистенциализма.

Как известно, в центре внимания экзистенциальной философии – человеческая личность, проблема индивидуального выбора образа жизни; экзистенциализм предельно насыщен психологическими и антропологическими мотивами – в поиске выхода для человека ценен личный опыт, переживания, ощущения отдельных персон. Именно на этом были сосредоточены искания Достоевского в те времена, когда подобные мотивы еще не звучали в философии.

Все крупные экзистенциалисты отрицали прогресс, общество буржуа, техницизм, сциентизм. Среди этих мыслителей можно назвать Хайдеггера и Виппера, Ортега-и-Гассета и Бердяева, Ясперса и Гершензона. Достоевский явился патриархом данной традиции. Именно у Достоевского впервые звучат мысли о том, что индивидуализм губит индивидуальность, любовь к ближнему превосходит любовь к абстрактному дальнему, боль сопутствует процессу развития и мерило благоденствия ущербно, наконец, эгалитарно-либеральное разлитие современной цивилизации происходит под знаменем прогресса – вот смысл нынешнего исторического момента. О правовом прогрессе стали писать значительно позже, в XX-XXI веке [9; 10; 11; 12; 13; 14; 47; 48; 53].

Особенно в этом смысле показательно творчество французского писателя Альбера Камю, оказавшее значительное влияние на духовный мир немецких интеллектуалов послевоенного поколения. Здесь стоит прежде всего указать на его знаменитое эссе 1942 г. «Миф о Сизифе». Мотивами Достоевского проникнуто произведение Камю «Бунтующий человек». О важности Достоевского для Камю убедительно говорит также то, что последний поставил в театре инсценировку «Бесов».

Исходная посылка экзистенциализма Камю – вопрос о том, как и в силу чего человек осуществляет свой выбор между жизнью и смертью. Вопрос актуален, поскольку человек в отличие от любого другого существа в мире способен осуществить акт самоубийства. Жизнь для человека – это не нечто преднайденное, это всегда – итог свободного выбора. Поэтому человек внутренне свободен. В этом Камю совпадает с Достоевским. Но уже в следующем суждении он принципиально расходится с православным мыслителем. Для Достоевского свобода личности есть неотъемлемый дар Бога, она осознается и раскрывается им в богомыслии и практике богообщения, в вере во Христа. Для безбожника Камю свобода – в абсурдности бытия. Но абсурден, как нам кажется, сам такой посыл европейского философа.

Как же именно понимается им абсурдность бытия и каким образом это связывается с

текстами Достоевского? Как определяет это сам Камю, абсурдный человек «ничего не предпринимает ради вечности и не отрицает этого. Не то, чтобы ему вообще была чужда ностальгия. Но он отдает предпочтение своему мужеству и своей способности суждения. Первое учит его вести не подлежащую обжалованию жизнь, довольствоваться тем, что есть; вторая дает ему представление о его пределах. Уверившись в вечности своей свободы, отсутствия будущности у его бунта и в бренности сознания, он готов продолжить свои деяния в том времени, которое ему отпущено жизнью. Здесь его поле, место его действий, освобожденное от любого суда, кроме его собственного. Более продолжительная жизнь не означает для него иной жизни». Позицию абсурдного человека Камю фиксирует словами Ивана Карамазова: «Все позволено».

В Германии наиболее крупным представителем послевоенного экзистенциализма был Карл Ясперс, значительное влияние на взгляды которого со стороны Достоевского отмечали многие авторитетные исследователи. Ясперс ставит Достоевского в ряд «мыслителей, воспринимающих «человеческое бытие как болезненное бытие». Можно встретить и убедительные суждения о близости идей Достоевского и Хайдеггера: «Стилистика Достоевского близка стилистике Хайдеггера, также у этих авторов близки и образы бытия. Достоевский художественно представляет и описывает то, что потом Хайдеггер назовет Dasein (присутствие или вот-бытие). Траектория движения мысли обоих мыслителей пересекается в понимании бытийного статуса идеи-сознания, но расходятся в запредельной «устремленности к». Для Достоевского – это образ Христа (а не истины). У Хайдеггера же мы находим мрачную решимость, внимающую зову собственной совести в своем бытии к смерти».

Несмотря на глубокие духовные и ценностные различия между Достоевским и Хайдеггером, Ясперсом и Достоевским, во многом именно экзистенциализм поддержал и заново актуализировал интерес немецких интеллектуалов к Достоевскому. Однако впервые раскрыл всю глубину философии Достоевского и систематически изложил ее в своем главном произведении последовательный католик баварский философ Рейнхард Лаут.

Книга Р. Лаута «Философия Достоевского в ее систематическом изложении», безусловно, до настоящего времени остается вершиной философского прочтения Достоевского и опыта построения последовательного изложения его метафизики. Причем, сказанное, как нам представляется, значимо не только для Германии, но и для России [30].

Эта книга – результат долгих творческих исканий немецкого автора, отразившихся в его ранних публикациях. Его ранние работы – всего лишь полемические рецензии, обращённые против обычных в Германии интерпретаций. Цикл своих работ о Достоевском Лаут открыл публикацией в 1949 г. своего рода «путеводителя по Достоевскому» (статья «Введение к творчеству Ф.М. Достоевского. Что позволено человеку? (Краткий обзор, составленный на основе его художественных произведений, писем, дневников)»). Эту работу немецкие исследователи хорошо помнят до сих пор, так как в послевоенной Германии выходило ещё мало работ, которые проложили бы новый путь к Достоевскому для множества читателей. В этих работах, не выделяя для анализа отдельно взятого произведения, персонажа, суждения он возводит творчество писателя к некоему единому источнику нравственного характера, утверждая, что все “надрывы” его персонажей – это отклонения от «оси нравственной воли». При этом Лаут высказывает острейшее неприятие тогдашней господствующей интерпретации творчества Достоевского.

Лаут писал в этой связи: «Прошло сто лет с тех пор, как 22 декабря 1849 года Достоевского приговорили к смертной казни, а в последний момент, уже на эшафоте, помиловали и заменили исполнение смертного приговора каторжными работами в Сибири. Тогда и свершился в душе его неожиданный переворот, который привёл писателя на новый путь и он стал одним из величайших духовных художников человечества. Из скорбной души его, отягчённой бременем страдания, заструился яркий свет, обозначивший во тьме и хаосе нашего времени зыбкие направление и цель, свет, позволивший Достоевскому найти выход из тупика, сомнения и страха перед жизнью, если только эпоха желала узнать этот выход. И сегодня, по прошествии семидесяти лет после смерти Достоевского, мы спорим о его личности и о его творениях. Через плотную завесу нашему взгляду медленно начинают

открываться его воззрения на Бога и мир. Мы лишь догадываемся о развитии этого мощного духа, и не в силах охватить его одним взглядом».

К Достоевскому Лаут апеллирует, призывая современников преодолеть духовный разброд, ставший характерным признаком нашего времени: «Повсюду мы видим «представителей истины», старательно прислушивающихся к мнению своих современников. Повсюду процветают так называемые академии, где на публичных чтениях, симпозиумах, рефератах и дискуссиях обмениваются мнениями. Находятся в напряженном забеге за последней современностью. Страшнейший недостаток, который только можно себе вообразить, в том, что ты уже не современен. Падают ниц пред «современным мышлением» и молят о том, чтобы быть признанным им. Готовы ежедневно менять свою позицию, если мнение Другого преодолевает собственное мнение. От всего сердца желают «реформировать» себя. Реформа – в этом омерзительном слове обозначается вся неустойчивость этой позиции: они готовы и даже жаждут все снова и снова принимать другие формы».

Напротив, справедливо отмечает Лаут, «истина, представляет собой принцип, который является causa sui, истиной своей истины, посредством которого все есть то, что есть, и познается все, что познается. Ничто не может поколебать это causa sui». «Только это стремление осуществить истину, причем осуществить ее полностью, отличает человека от животных и делает его человеком. Окончательная цель его, согласно, Достоевскому, Иисус Христос», – повторял немецкий философ в своем выступлении в Институте философии АН СССР в 1989 г.

Согласно выводу Лаута, решающая точка, исходя из которой только и можно понять развитие Достоевского – это то, что он всю свою жизнь всем своим существом искал незыблемого основания для веры и нравственных устоев личности. Перед лицом грозившей ему смертной казни всё существо его было потрясено и воля к жизни пробудилась. Одной единственной вспышкой явилась пред его душой правда жизни и показаны были малость и тщета прежних устремлений. «Как мог он удовлетворяться тем, что принял ложь в свою жизнь, что не искал выхода из неправды и тем более не верил в такой выход? Жажда движения к полной смысла жизни поднялась в нём, явилось безусловное приятие её, а также горячая экстатическая любовь к всетерпеливой земле, а прежде всего – благодарное и участливое размышление над смыслом этой жизни. Мощная, лишённая оков жизненная сила вымела все господствовавшие до сего времени понятия и воззрения, и бурно погнала его к “безвопросному” святилищу одной огромной мысли с которой только и можно покоится в полной святыни тишине».

По Лауту, единая истина открывается Достоевскому в Христе – в Человеке, соединившим в Себе абсолютное, божественное, и конечное, человеческое, полноту смысла бытия и благой выбор свободной воли. Он есть «Путь и Истина». Здесь – итог исканий Достоевского, вновь и вновь заставляющего нас осознать бесконечную значимость этой простой мысли. И именно поэтому Лаут в своей ранней работе говорит о Достоевском как о пророке: «Достоевский беспощадно обнажил зияющую бездну небытия, но он не предлагает ни неудовлетворяющего решения, ни обрывков абсурдной парадоксальной веры, близкой к отчаянию, не снимающей угрозу; он не предлагает власть, силу и здоровье, в которых у человека по-прежнему просвечивают все то же бессилие, слабость и болезнь. Он предлагает душе единственное, что он может дать ей как ответ: Христос – это Бог; и указывает ей на светлую внутреннюю силу, способную преодолеть и погасить любую тьму, любую бессмыслицу, любую вину… Как мощный пророк, он разбудил дремлющих и позволил им заглянуть в бездну, над которой они, не подозревая того, стояли; он показал заблудшим, что их пути не ведут к небытию, и обозначил отчаявшимся дорогу к освобождению».

Движение мысли от единства бытия к единству духовного начала в личности Богочеловека вполне соответствует историческому развитию мышления, что еще раз подчеркивает когерентность мышления Достоевского классической философской мысли.

Свою задачу в интерпретации Достоевского Лаут видел прежде всего в отстаивании своего тезиса о внутренней целостности мировоззрения Достоевского и его трансформации в целостную философию. Концентрированное выражение контраргументы Лаута нашли в его статье «Методический подход к философскому мировоззрению Достоевского».

Отстаивая тезис о целостности художественной формы произведений Достоевского, Лаут переходит к положению о целостности их философского содержания. Опираясь на исследования своих современников, он обосновывает вывод о том, что произведения Достоевского состоят не только из прагматической последовательности действия и психологических предпосылок различных персонажей, сгруппированных вокруг главных действующих лиц, но с самого начала повествования есть и нечто иное, данное одновременно с развитием в обеих вышеназванных плоскостях, которое гораздо важнее всего остального содержания, а именно: метафизическая составляющая: «Тут появляется некое глубокое метафизическое пространство, из которого и в котором и питаются достижения и душевные предпосылки, в среде которого и получает всё объяснение. Именно тут и происходит осознание целостного значения, разлитого среди различных плоскостей и глубин, или ступеней, короче говоря – произведений Достоевского. Все эти плоскости, глубины или ступени – вспомогательные средства для постижения целостной глубины метафизического пространства, все они даны лишь для того, чтобы сделать это пространство осязаемым. Уже с самого начала даётся некий глубинный “климат” метафизического пространства». В этой структуре «метафизического пространства» упорядочивание отношений между персонажами какого-нибудь романа будет зеркальным отражением великого космического порядка. Достоевскому удаётся таким образом реализовать и великое, и низменное человеческой сущности в человеческом же бытии и в практическом действии, ничего не теряя при этом в реальной достоверности и убедительности.

Исследовательский метод Лаута фокусируется в том способе, который обращается как раз к живой и пробуждающей к жизни силе художественного творчества, чтобы проникнуть наиболее глубоко во внутреннюю суть мира явлений и разработать таким образом основные условия поведения человека, принимая во внимание его самоотчуждение, условия, которые могли бы быть обязательными и неопровержимыми для обсуждаемых в работе проблем. Таким образом, речь идет об анализе основ целостного мировоззрения, которое определяет дух творчества Достоевского.

То, что Лаут в своем исследовании должен обратиться к области истории идеалистической философии, в особенности эстетики, которые сформировали духовные течения XIX века, уже потому важно, что русский мыслитель и писатель совершенно явно включил их в свое творчество, в котором встречаются идеи таких философов как Платон, Фихте, Шеллинг, Гегель, и словно вступает с ними в обмен мнениями. Методика рассматриваемой работы Лаута определена самим материалом: это прежде всего метод экзегезы и интерпретации текстов из произведений тех авторов, которые формируют определенным образом эту проблематику. Основной вес лежит при этом, естественно, на трудах Достоевского. Итак, Лаут пытаемся раскрыть философию Достоевского, исходя из духа его работ. Поэтому он специально освещает такие метафизические понятия, своеобразно трактуемые в философии Достоевского как «Бог», «Душа», «Свобода», «Грех», «Вина», «Добро», «Зло» и т.д. – в их многообразных (философских, психологических, культурных, социальных) аспектах. Этим определяется не только историко-философская значимость книги Лаута, но и ее метафизическая актуальность.

В целом можно согласиться с тем главным выводом, который делает Р. Лаут, оценивая уроки, преподанные великим писателем Западу: «Решающее задание человечества – преодоление всех препятствий разобщённости, достижение всечеловеческого единения посредством непрестанного нравственного усилия. И не может быть большего поражения в этой борьбе, если человечество откажется от такого нравственного усилия, и часть творения, или же одну единственную душу, отдаст вечному сомнению и богооставленности. Мы не должны хотеть ада». Сегодня эти слова звучат актуально как никогда. Можно согласиться с тем главным выводом, который делает Р. Лаут, оценивая уроки, преподанные великим писателем Западу: «Решающее задание человечества – преодоление всех препятствий разобщённости, достижение всечеловеческого единения в духе Христа посредством непрестанного нравственного усилия. И не может быть большего поражения в этой борьбе, если человечество откажется от такого нравственного усилия, и часть творения, или же одну единственную душу, отдаст вечному сомнению и богооставленности. Мы не должны хотеть ада». Сегодня эти слова звучат актуально

как никогда. «Путь к правильному пониманию Достоевского, – пишет Арсений Гулыга, – идет через его мировоззрение. Только усвоив этическую программу Достоевского, можно освободить его от репутации художника, воспевающего зло, к чему призывал на страницах совей умной книги Б. Бурсов» [5, стр. 101]. А.В. Гулыга имел в виду роман-исследование Б. Бурсова «Личность Достоевского» [3].

Яркий образ Достоевского как морального человека создали Юрий Селезнев [52] и Леонид Гроссман [4] в биографиях писателя-философа, вышедших в серии «Жизнь замечательных людей».

Список литературы

1. Бердяев Н. Мировоззрение Достоевского. – Париж, 1968.
2. Булгаков С.Н. Русская трагедия {О „Бесах“ Достоевского). Кн. IV, 1-26. – Русская Мысль, 1914.
3. Бурсов Б.И. Личность Достоевского. Роман-исследование / Отв. ред. член-корреспондент АН СССР В.Г. Базанов. – Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1974. – 672 с.
4. Гроссман Л.П. Достоевский: – М.: Молодая гвардия, 1961. – 544 с. – «Жизнь замечательных людей». Серия биографий. – Вып. 24(357).
5. Гулыга А.В. Русская идея и её творцы. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
6. Гулыга А.В. Гегель. – М.: Молодая Гвардия, 1970. – 272 с., ил. – («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 121(488)).
7. Гулыга А.В. Кант. 2-е изд. – М.: Молодая Гвардия, 1981. – 303 с., ил. – («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 10(570)).
8. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181-185.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс как актуальная философско-правовая проблема // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 175-192.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: новое направление исследования права / Теория государства и права. – 2017. – № 2. – С. 20-35.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
15. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
16. Иванов. Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Вяч. Иванов. Собрание сочинений. Т.4. – Брюссель, 1987. – С. 401-444.
17. Иванов. Вяч. Разное и вселенское. – М., 1994.
18. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
19. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Идея справедливости в традициях неокантианской философии права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 6. – С. 121-133.
20. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
21. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
22. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
23. Клименко О.А. Нормативистские и неокантианские модели права и государственный суверенитет //

Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 186-197.
24. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
25. Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Политическая концепция абсолютного суверенитета Марсилия Падуанского и Жана Бодена в контексте синкретизма современной правовой культуры // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 22-28.
26. Костин Е.А. Достоевский против Толстого: русская литература и судьба России. – СПб.: Алетейя, 2016. – 456 с.
27. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
28. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
29. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
30. Лаут Рейнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении / Под ред. А.В. Гулыги. Пер. с нем. И.С. Андреевой. – М.: Республика, 1996.
31. Левицкий С. Предисловие // Н.О. Лосский. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.
32. Лосский Н. Бог и мировое зло. – М., 1994.
33. Лосский Н.О.. Достоевский и его христианское миропонимание. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.
34. Мережковский Д. Толстой и Достоевский. – СПб., 1899.
35. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Сальников В.П. «Право возвышает народ, а грехи уменьшают его» – епископ Дамаскин о праве и просвещении // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 11-18.
36. Минеева Т.Г., Романовская В.Б., Сальников В.П. Политико-правовые взгляды Дамаскина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 11-17.
37. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 149-157.
38. Набоков В. Федор Достоевский. 1821-1881 // В. Набоков. Лекции по русской литературе. – М., 1998.
39. Петросян Л.К., Пономарев А.А. Учение Иммануила Канта о свободе личности как основа трансцендентальной теории философии и права // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 2. – С. 51-58.
40. Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского // Библиотека “Любителям российской словесности”. “Из литературного наследия”. – М.: Современник, 1989.
41. Розанов В.В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым // Наше наследие. – 1991. – № 6.
42. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
43. Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев; предисл. А.В. Гулыги. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 512 с.
44. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
45. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
46. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
47. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
48. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Трансформация правовых ценностей в эпоху научно-технического прогресса // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 59-69.
49. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
50. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки

юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
51. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
52. Селезнев Ю.И. Достоевский. – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1985. – 543 с., ил – (Жизнь замечательных людей. Сер. биогр. Вып. 1(621)).
53. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
54. Шестов Л.И. О «перерождении убеждений» у Достоевского. – В кн.: Шестов Л. Умозрение и откровение. – Рал8: “YMCA-PRESS”, 1964.

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ И «ЛОГИКИ СООТВЕТСТВИЯ»

Аннотация. *Рассматриваются различные модели институционализма общественных взаимоотношений. Отмечается, что с современные теории организации социальных систем ориентируют на необходимость учета неформальных механизмов регулирования, поиск нового качества управления, ставят под сомнение эффективность политической и бюрократической иерархии.*

Ключевые слова: *институционализация; государство; общество; социологический институционализм; социальные системы.*

KOLYADIN A.M.

STATE AND SOCIETY: SOCIOLOGICAL INSTITUTIONALISM IN THE CONTEXT OF VALUES AND THE «LOGIC OF CONFORMITY»

The summary. *Various models of institutionalism of social relations are considered. It is noted that with modern theories of the organization of social systems focus on the need to take into account informal regulatory mechanisms, the search for a new quality of governance, question the effectiveness of the political and bureaucratic hierarchy.*

Key words: *institutionalization; the state; society; sociological institutionalism; social systems.*

К социологическому институционализму относят работы «отцов- основателей» неоинституционализма Дж. Марча и И. Ольсена, которые определяют институты через ценности и «логику соответствия». Наряду с рассмотренными выше тремя подходами к институтам [37] возможно выделить и другие модели институционализма:

а) нормативный институционализм;

б) эмпирический институционализм. в котором предпринимается попытка использовать различия в конфигурации формальных институтов (президентское и парламентское правление) для объяснения различий в результатах политики;

в) международный институционализм (в теории международных отношений), в частности, использует теорию режима, которую можно рассматривать как аналог институциональным теориям во внутренней политике;

г) институты рассматриваются как посредники: группы интересов и политические партии, а также партийные системы и политические сети, выступающие связующим звеном между государством и обществом.

Модель «организация как трудовой процесс» («научная организация труда») связана с именем

Ф. Тейлора. Работник в ней рассматривается как звено единой специализированной цепи организации, трудовая деятельность которого размельчалась на простейшие элементы с целью задать ему оптимальный режим исполнения. Соответственно, трудовая деятельность принципиально отделялась от управления, которое являлось функцией другого субъекта. Концепцию «организация – машина» предложил А. Файоль, который считает, что организация проявляется как безличный механизм формализованных отношении, статусов и целей в многоуровневой административной иерархии. Она – инструмент, с помощью которого решаются задачи. Человек в организации выступает не в качестве личности, а в форме абстрактного «человека вообще» [6; 7; 18; 19; 26; 36; 69].

Модель «организация – община» (Э. Мэйо, Ф. Ротлисберг) предполагает, что основу этой общности составляют человеческие отношения. Организация – это частный случай человеческой общности, социальности. В основе ее лежат отношения «человек – человек», человек – группа», поэтому такие связи возникают на межличностной основе, взаимных привязанностей и общих интересах. Принятые в группе нормы поведения являются доминирующим регулятором отношений общины. Ее структура производна от стихийно складывающихся первичных отношений между людьми через факторы лидерства и престижности. В этих группах особое значение приобретает частное и неформальное право. Контроль поведения отдельного человека (через общественное мнение) и удовлетворение общественных потребностей осуществляет именно такая организация. Социально-психологическая «организация в организации» с трудом поддастся внешнему управлению. Наиболее правильный путь воздействия на общину находится в плоскости включения в ее естественную среду, и соответственно необходим для ценностей, установок, мотивов поведения носителей организационных отношений.

«Социотехническая модель» предложена группой английских социологов (Е. Трист и др.). Представители социотехнической концепции организации считают, что имеется взаимозависимость между социальной организацией производства и характером технических его средств. Иначе говоря, имеет место, с одной стороны, зависимость внутригрупповых связей от технологии производства, с другой – обратное влияние социально-психологических качеств группы на производственный процесс, главным образом производительность труда. Поэтому в зависимости от особенностей технологического процесса в деятельности организации следует учитывать и допускать возможность неформальных способов регулирования организационных отношений.

«Интернационистская модель» разработана Ч. Бернардом, Г. Сайменом, Дж. Марчсм и др., которые считают организацию производной от системы взаимодействий между субъектами деятельности. В процессе взаимодействия индивиды вносят в организацию ожидания, руководствуются своими собственными представлениями о реальной жизненной ситуации. В силу того, что структура и цели организации являются следствием этих взаимоотношений вместе с формальными правилами и процедурами, в системе управления проявляются элементы неопределенности и вместе с этим возникает риск при принятии решений. Рациональные действия руководителя имеют свои пределы, как-то: из-за ограниченности его знания об организации, неспособности предвидеть всех последствий своего решения, неустойчивости порядка его предпочтений. Риски играют существенную роль в общественных взаимоотношениях [5; 11; 12; 15; 21; 27; 35; 38; 39; 41; 43; 45; 46; 59; 60; 61].

Авторы теории «естественной организации» – Т. Парсонс, Р. Мертон, Л Этциони и др. – считали, что организационная деятельность анализируется как объективный, самосовершающийся процесс, в рамках которого субъективное начало не имеет решающего значения. Организованность – это такое состояние системы, которое позволяет ей самонастраиваться при воздействии внешних и внутренних составляющих. Отклонение от цели не является ошибкой или просчетом, а естественным способом функционирования организации, в которой значительное место занимают не плакируемые, а стихийные факторы. Как правило, этот подход избегает взгляда на систему с позиций управления. Социальное образование рассматривается как саморазвивающийся организм, имеющий множество проявлений и собственных законов, направление развития которых предугадать трудно [51, стр. 27-32]. Эволюция методологии западной социологии

показывает противоположность настоящего ее состояния начальному содержанию, В первых моделях организационная эффективность связывалась с высокой формализацией, организационное творчество закреплялось за высшими структурами в системе иерархии. Деятельность последней дробилась на простейшие компоненты, и узкая специализация означала высокую степень продуктивности носителя организационных отношений.

Современные теории ориентируют на необходимость учета неформальных механизмов регулирования, самостоятельность деятеля определяется как элемент, способствующий успешному развитию организации, сложный труд выступает как дополнительный мотив, психологические и иные потребности выходят в центр внимания управления организациями [40, стр. 29-37].

В связи с изысканиями второй половины XX в. в области теории организаций и социологии политики получила развитие концепция «умной», саморегулирующейся организации, которая находится под влиянием экономического подход;) к управлению и формулируется в духе теории «государственного менеджмента». Эта концепция имеет в определенном значении практическое происхождение, представляя собой идеологию административных реформ, начатых в 80-е годы XX в. «консервативными» правительствами в ряде западных стран.

С развитием постиндустриального общества ставится под сомнение эффективность политической и бюрократической иерархии в рамках государственных институтов и связанной с нею централизации информации и ответственности, осуществляется поиск нового качества управления [9; 22; 23; 24; 25; 42; 47; 52], «Адекватная современным требованиям организация должна основываться на переходе: от «конвейерного» труда к наукоемкому; от индивидуального труда к работе в командах: от работы по функциям к работе по проектам; от узкой и жесткой специализации к широкопрофильной подготовке: от подотчетности «боссу» к подотчетности «клиентам» (получателям результата); от иерархии к горизонтальной координации работы внутри команд» [8, стр. 68].

В то же время центральное правительство, в соответствии с этой нишей, должно создавать общенациональные нормы и правила. Соответственно данной ситуации в рамках этих правил могут действовать «регулирующиеся, имеющие цели прибыли организации, которые самостоятельно определяют задачи, организационные формы, партнерш поставщиков. Следует отметить, что методы частного сектора требуют самого глубокого анализа, но стремление при помощи рыночных механизмов решить большинство проблем современного общества, созывая «умные, саморегулирующиеся управленческие системы, затруднительно. Так, анализируя «изъяны рынка». Дж. Стиглиц определяет следующие условия, при которых рынок не решает социальные проблемы инфляция, безработица, несостоятельность конкуренции, внешние причины (неполные рынки, общественные товары, несовершенство информации [64, стр. 76-84].

В анализе проблем государства и институтов его образующих, а также государственного управления все большее значение приобрело другое концептуальное направление, в основе которого находится «политическая сеть». Концепция политических сетей имеет корни в теориях, которые посвящены взаимодействию гражданского общества и государства [1; 2; 3; 4]. Отмечаются следующие направления: плюралистическая теория, корпоративизм, теория заинтересованных групп, теория межорганизационных отношений.

Концепция политических сетей меняет ракурс рассмотрения государства как агента политики в широком значении последней: «1) в противоположность идее относительной независимости государства в политике в концепции политических сетей государственные структуры рассматриваются в качестве «сцепленных» с другими агентами политики и вынуждены вступать в обмен с ними своими ресурсами; 3) в противовес идее государственного управления как иерархически организованной системы данный подход предполагает новый тип управления, характеристика которого нашла выражение в формулу «управление без правительства», или «руководство без правительства» [16, стр. 238-244].

Руководство в рамках политической сети отличается как от простого администрирования, когда источником политических решении выступает верхушка иерархической пирамиды государственной власти, а общественные институты оказывают на этот процесс лишь опосредованное влияние, так и от рыночной модели

государственного управления с се акцентом на принципы торговой сделки, в которой каждый пытается максимально отстоять свой особый интерес; оно осуществляется через переговоры между государственными и негосударственными институтами, направлено на выработку удовлетворяющего стороны политического решения. Считается, что данная модель управления эффективнее рыночной и иерархической и лучше обеспечивает общественные потребности [63].

Интерпретация политической институционализации варьируется среди разных авторов в зависимости от того, как они понимают политический институт – как норму, организацию, устойчивый тип поведения или убеждения.

Определение институционализации через нормы (правила поведения). Ж.-Э. Лэйн и С. Эрссон пишут: «Институционализация – это процесс, благодаря которому правила или нормы выполняются таким образом, что они принимаются, наступают санкции в той или иной форме за их нарушения, они считаются легитимной группой, которая имеет к ним отношение» [73, p. 3].

Определение институционализации через организации. Оно широко распространено, особенно среди исследователей политических партий и организаций.

Определение институционализации через устойчивый тип поведения. Поскольку Хантингтон понимает под институтами устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения, то, следуя этой логике, институционализация, по Хантингтону, может быть интерпретирована как процесс, посредством которого формы поведения приобретают «ценность и устойчивость». В своем классическом определении сам автор говорит о приобретении ценности и устойчивости организациями и процедурами, что сближает его точку зрения с вышеуказанной позицией. В то же время в литературе принято вести речь о ценности, например, права [10; 17; 20; 44; 54; 70], об абсолютных ценностях [55] и т.д.

Определение институционализации через убеждения, верования, мнения, символы. М. Ханнан и Дж. Фримэн предлагают оригинальный взгляд: «форма институционализирована, когда в умах акторов не возникает вопроса, поскольку определенная форма есть естественное средство воздействия на какой-нибудь род коллективного действия... Способность мобилизовать членов и другие ресурсы на создание союзов, фирм и других организаций сильно возрастает, когда те, кто контролирует ресурсы, считают само собой разумеющимися существующие формы организаций» [71, p. 56-57].

Большим прорывом в понимании институтов стал тезис Хантингтона о разных уровнях институционализации организаций и процедур. Д. Джадж пишет, что, несомненно, есть одно преимущество в теории институционализации: она отходит от дихотомического описания (существует институт или не существует) и приходит к постоянной переменной – каким образом институт может быть более или менее институционализированным [72, p. 497]. Хантингтон приводит следующий пример: и Гарвардский университет, и недавно открытая сельская школа являются организациями, но в Гарвардском университете наблюдается много больше признаков института, нежели в средней школе [66, стр. 32]. Можно сравнивать политические системы по уровню их институционализации, а также оценивать возрастание и снижение уровня институционализации отдельных организаций и процедур в составе политической системы [66, стр. 32].

Политическая институционализация организаций, норм, процедур, политической системы имеет для общества большое значение. Хантингтон пишет о том, что сила и прочность политической общности зависят, во-первых, от того, насколько широкую поддержку имеют организации и процедуры, и, во-вторых, от уровня их институционализации [66, стр. 32]. Следовательно, политическая институционализация наряду с легитимацией власти выступает существенным фактором устойчивости политической системы общества.

Необходимо отметить, что политическая система общества – это сложная, многогранная система отношений государственных и негосударственных социальных институтов, выполняющих определенные политические функции по защите интересов определенных классов и социальных групп, возможной их гармонизации [31].

Политическая система возникает в процессе деления общества на классы и появления государства. В ходе развития государственно-организованного общества политическая система становится все более сложной и разветвленной.

Поэтому структура, механизмы ее функционирования всегда носят конкретно-исторический характер, определяемый уровнем экономического, социального, духовно- нравственного развития общества, а также рядом других факторов международного, географического и другого характера [57].

Политическая система может долгое время эволюционировать (США, Англия), но может изменяться быстро, революционно, всесторонне (бывший СССР, страны Восточной Европы). Это зависит от степени социально – политической активности членов общества, их политической культуры.

Сущность политической системы заключается в регламентации поведения людей. Эта регламентация реализуется посредством политической власти. В современных политических системах в регламентации поведения людей наблюдается тенденция перехода от отношений господства и подчинения к отношениям социального партнерства. Различаются политические системы между собой по формам и степени влияния общественных сил на частную жизнь.

Термин «политическая система» стал широко использоваться в политологических исследованиях (в начале на Западе, а затем и на Востоке) в конце 40-х годов XX века. В самом общем плане политическую систему можно определить как одну из сфер общества, связанную с особой деятельностью людей – политикой. В основе политической системы любой страны лежат политические отношения, политика. Именно поэтому вопрос о сущности политической системы решается в зависимости от того, каким образом интерпретируется феномен политика.

В наши дни исследователи рассматривают особенности политических систем современных национальных государств. Индийский политолог П.Шаран, анализируя современные концепции о политических системах отмечает важное преимущество самого понятия «политическая система», которое охватывает сферу политической деятельности «всех лиц и все институты, участвующие в политическом процессе» [68].

При характеристике политической системы в качестве его компонентов совершенно не достаточны такие категории, как среда, ситуация, контекст, взаимодействие, которое охватывает сферу политической деятельности «всех лиц и все институты, участвующие в политическом процессе» [68].

При характеристике политической системы в качестве его компонентов совершенно не достаточны такие категории, как среда, ситуация, контекст, взаимодействия, роли и т.д., используемые представителями системного анализа.

Когда мы говорим о мире политическом, то имеем в виду, прежде всего, уже ставшие, застывшие, статичные, наличные в каждый конкретный момент феномены, структуры, составные элементы, функции и т.д.

Следует отметить, что политическая сфера жизни общества возникает по преимуществу в связи с реализацией таких интересов групп которые затрагивают общественное положение социальных и национальных общностей и потому требует вмешательства государственных и иных институтов публичной власти в целях урегулирования соответствующих противоречий и сохранения при этом целостности общества, средства принуждения и социального насилия. Поэтому политику мы определи как область в основном целенаправленных отношений между группами по поводу использования публичной власти в интересах реализации их общественно значимых запросов и потребностей. И что политика начинается там, где существуют конфликты, и что именно политика призвана найти пути и средства решения возникающих в человеческом обществе конфликтов [28].

В политике – главное это власть. Власть – это особый тип поведения, основанный на возможности изменения поведения других людей (Г. Саймон); достижение определенных целей, получение намеченных результатов (Т. Парсонс); возможность использования известных средств, в частности, насилия (Г. Дассуэл), Д. Каплап); особого рода отношения между управляющими и управляемыми (М. Дюверже); возможность принятия решений, регулирующих распределение благ в конфликтных ситуациях (Л. Лассэлл); власть, пронизывающая всю общественную структуру (М. Фуко).

Власть – форма социальных отношений, характеризующая способность влиять на характер и направление деятельности людей, социальных групп посредством экономических идеологических и организационно-правовых механизмов, посредством отношений господства, руководства и подчинения. Власть – политическая и государственная, характеризуется

тем, что первая (политическая) имеет реальную способность данной социальной группы и индивида проводить свою волю, выраженную в политике. Мы подчеркиваем, что понятие политической власти шире понятия власти государственной. Известно, политическая деятельность осуществляется не только в рамках государства, но и в других составных частях социально-политической системы: в рамках партий, профсоюзов, международных организаций и т.д. Ее, эту деятельность, отличает определенная политическая культура [34; 62]

В отличие от политической власти государственная власть не обязательно использует принуждение для достижения своих целей. Могут быть использованы идеологические, экономические и другие методы воздействия [29; 30; 50; 53; 65; 67]. В то же время именно государственная власть обладает монополией на то, чтобы принудить членов общества для выполнения своих намерений. Государственная власть – это форма политической власти, располагающая монопольным правом издавать законы, обязательные для всего населения и опирающаяся на специальный аппарат принуждения, как на одно из средств для соблюдения законов и распоряжений [56; 58].

Политическая и государственная власть определяют политическую систему общества. Выдающийся итальянский историк Людвиг фон Берта- ланфи [13; 14], а также Т. Парсонс [48] усматривали политическую систему в ее фукнциональной значимости интеграции общества, в обеспечении эффективной деятельности и реализации общей цели. Такой подход к политической системе получил широкую разработку впервые у Д. Истона [32]. Он представлял политику как систему взаимодействий в любом обществе, посредством которой осуществляются и закрепляются многие вопросы, касающиеся решения господства и подчинения в обществе, распределения ценностей в обществе. Политика – это «жизнедеятельность политических систем». Истон полагал, что «изучая флуктуации входов, являющихся комбинацией требований и поддержки, мы получаем возможность эффективного описания результата воздействия внешнего окружения на политическую систему». Созданный им образ политической системы уподобляется развивающемуся и саморегулирующемуся организму, реагирующему на поступающие извне импульсы. Это система состоит из многих частей, образующих единое целое, и имеет определенные границы, отделяющие ее от среды.

Другой подход в анализе политической системы общества мы находим у Г.Алмонда, который предлагал структурно-функциональный подход. Согласно его концепции, политическая система – это совокупность взаимодействия различных форм политического поведения государственных и негосударственных структур. Он исходил из того, что способность политической системы осуществлять преобразования в обществе и одновременно поддерживать стабильность, зависит от специализации ролей и функций, выступающих как совокупность взаимосвязанных элементов.

Используя теорию Д. Истона и основные ее идеи, американский политолог А. Каплан создал теорию внешнеполитической системы [33]. У. Мэтчелл «входящие» факторы (требования и поддержку) дополнил чаяниями и ресурсами, на которые опираются системы. Он же по-иному объяснил и «исходящие» факторы, включив в них цели, ценности и регулирование [49].

Современные интерпретации политических систем отличаются разнообразием концепций. Одни ученые рассматривают политическую систему как комплекс идей, лежащих в основе политики, другие как систему взаимодействий, третьи как совокупность определенных элементов и т.п. Всем этим определениям присуще стремление к универсальному истолкованию политической жизни, устраняющему ее зависимость от истории, социальной ситуации, выявляющей общие черты, характерные для любой политической системы.

Таким образом, политическая система включает организацию политической власти, отношения между обществом и государством, характеризует протекание политических процессов, состояние политической деятельности, уровень политического творчества общества, характер политического участия, неинституциональных политических отношений.

Список литературы

1. Абезгильдин Р.Р. Некоторые особенности формирования политических сетей в современных условиях (применительно к Российской Федерации) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 131-138.
2. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и профилактика экстремизма в современной России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 146-153.
3. Алтынкович Е.Е. Общество сетевых структур и «отчуждение» личности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 185-194.
4. Алтынкович Е.Е. Современные концепции информационного общества: философско-антропологические основания возникновения // Мир политики и социологии. – 2016. – № 5. – С. 133-140.
5. Апресова Н.Г. Риск в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – № 2. – С. 29-35.
6. Артамонова Г.К. Человек и система государственного управления (теоретический и организационно-правовой аспект): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2007. – 46 с.
7. Аубакирова И.У. Современная евразийская концепция государственного управления (теоретико-правовое исследование на материалах России и Казахстана): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2016.
8. Афанасьев М.Н. Государственный двор или гражданская служба? (Российское чиновничество на распутье) // ПОЛИС. – 1995. – № 6.
9. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
10. Баранов В.М., Сальников В.П. Социалистическое право как ценность: Рецензия на монографию Рабиновича П.М. «Социалистическое право как ценность» (Львов: Вища школа, 1985. – 166 с.) // Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел: Сб. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. – С. 154-157.
11. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс Традиция, 2000.
12. Бернстайн П. Против богов: укрощение риска / Пер. с англ. – М., 2000.
13. Берталанфи Л. Подходы к общей теории систем: Научно-философское исследование. – 1975.
14. Берталанфи Л. Теоретическая биология. – 1932.
15. Горбунов В.Л. Риски предпринимательства: Учебное пособие. – М.: МИЭТ, 2014. – 152 с.
16. Государственная политика и управление: В 2 ч., Ч. II: Уровни, технологии, зарубежный опыт государственной политики и управления / Под ред. Л.В. Сморгунова. – М., 2007.
17. Графский В.Г. Право и социальные ценности в исторической ретроспективе // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 1997. – № 1.
18. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
19. Джегутанов Б.К., Чукин С.Г. Человек и мир на рубеже тысячелетий: философские проблемы гуманизма. – СПб., 2002 – 73 с.
20. Жуков В.Н. Право как ценность // Государство и право. – 2010. – № 1. – С. 21-34.
21. Задорожнюк И.Е., Зазуляк А.В. Феномен риска и его современные экономико-психологические интерпретации // Психологический журнал. – 1994. – № 2. – С. 26-37.
22. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
23. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
24. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
25. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
26. Зорькин В.Д. Право – для человека // Российская газета. – 2008. – 25 ноября.
27. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-9
28. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
29. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как

инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
30. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
31. Истон Д. Категории системного анализа политики. – М., 1993.
32. Истон Д. Системный анализ политической жизни. – М.,1994.
33. Каплан А. Власть и общество: структура политического анализа. – – М, 1953.
34. Кейзеров Н.М. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М.,1983.
35. Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30.
36. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
37. Колядин А.М. Общественно-государственные отношения и некоторые теоретико-методологические проблемы институализации политического класса // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 183-187.
38. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
39. Крючков Р.А., Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в правовом поле современной экономики и «право на риск» // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 109-119.
40. Курочкин А.В. Эффективность государственного управления и сравнительное государственное управление: теория, реформы, эффективность. – СПб., 2000.
41. Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004.
42. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
43. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
44. Неновски Н. Право и ценности / Под ред. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. – 245 с.
45. Никитин С.М., Феофанов К.А. Социологическая теория риска в поисках предмета // Социологические исследования. – 1992. – № 10. – С. 120-127.
46. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972.
47. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р., Нахимов А.П. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 148-158.
48. Парсонс Т. Социологическая теория и современное общество. – М., 1993.
49. Политология: Хрестоматия. – М., 1999.
50. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
51. Пригожин А.И. Современная социология организаций. – М., 1995.
52. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 41-53.
53. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
54. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
55. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
56. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
57. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулин А.Г. Государственность как феномен и объект типологии: теоретико-методологический анализ. Санкт-Петербургский государственный университет МВД России, Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. Сер. Безопасность человека и общества. – 208 с.
58. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – Сер. Безопасность человека и общества.
59. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
60. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной

жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
61. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 11-17.
62. Сальников В.П., Явич Л.С., Янгол Н.Г. Н.М. Кейзеров. Политическая и правовая культура: методологические проблемы. – М., «Юридическая литература», 1983. – 232 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 3. – С. 107-109.
63. Сморгунов Л.В. Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. – 2001. – № 3.- найти страницы
64. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М., 1997.
65. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
66. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004.
67. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
68. Шаран П. Сравнительная политология. Часть 1. – М., 1992.
69. Шафиров В.М. Обеспечение права: человекоцентристский подход: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2005. – 228 с.
70. Явич Л.С., Сальников, В.П., Янгол Н.Г. Нено Неновски. 1) Право и ценности. София, изд-во на Българската академия на науките, 1983. 146 с.; 2) Съвременни буржоазни учения за държавата и правото. София, изд-во на Софийски университет «Климент Орхидески», 1984. 146 с. :[Рецензия] // Известия высших учебных заведений. Правоведение. -1986. – № 1. – С. 103-105.
71. Hannan M.T., Freeman J. Organizational Ecology. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.
72. Judge D. Legislative Institutionalization: A Bent Analytical Arrow // Government and Opposition. 2003. Vol. 38. № 4.
73. Lane J-E., Ersson S. The New Institutional Politics: Performance and Outcomes. London and N.Y.: Routledge, 2000.

АБУБАКАРОВ Арби Абусаидович,
заместитель председателя Комитета, начальник Управления внешнеэкономического сотрудничества Комитета по внешним связям Правительства Санкт-Петербурга, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: arbi@kvs.gov.spb.ru

ДЕНИСОВ Антон Михайлович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института (г. Санкт-Петербург, Россия)

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович,
юрист по корпоративному праву компании Eurasian Resources Group (Люксембург)
E-mail: ismagilovir@gmail.com

ЛЕЖНЕВА Ольга Юрьевна,
Судья Московского городского арбитражного суда (г. Москва, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ В УЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ЮРИСТОВ

Аннотация. *Историческая школа юристов, выдвинув новую парадигму правовой мысли, основанную на принципе историзма, должна была предложить и оригинальную концепцию отношения норм права и идеалов справедливости.*

Согласно Савиньи, право как историческая субстанция возникает в недрах «народного духа» и в этом качестве закрепляется в нормах нравственности и в народных представлениях о справедливости. Пухта конкретизирует положение о том, что основной справедливости и права является именно этот народный дух. Начиная со второй половины XIX века, историзм Савиньи и Пухты воспринимался научной общественностью с учетом гегелевской трактовки истории как особой субстанции и одновременно как субъекта самоосуществления духовного единства человечества, реализуемого во взаимодействии норм права и нравственности.

Ключевые слова: *Савиньи; Пухта; Гегель; право; государство; справедливость; историзм.*

ABUBAKAROV A.A.
DENISOV A.M.
ISMAGILOV I.R.
LEZHNEVA O.YU.

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND JUSTICE IN THE TEACHING OF THE HISTORICAL SCHOOL OF LAWYERS

The summary. *The historical school of lawyers, having put forward a new paradigm of legal thought based on the principle of historicism, had to offer an original concept of the relationship between the norms of law and the ideals of justice.*

According to Savigny, law as a historical substance arises in the bowels of the "people's spirit"

and in this capacity is fixed in the norms of morality and in the people's ideas of justice. Pukhta concretizes the position that the main justice and law is precisely this people's spirit. Beginning in the second half of the 19th century, the historicity of Savigny and Pukhta was perceived by the scientific community, taking into account the Hegelian interpretation of history as a special substance and simultaneously as a subject of self-realization of the spiritual unity of mankind, realized in the interaction of the norms of law and morality.

Key words: *Savigny; Pukta; Hegel; right; the state; justice; historicism.*

Среди наук о практическом отношении человека к действительности, к которым по традиции принадлежали науки о праве, морали и нравственности, идея справедливости занимала то же место, что идея истины – в сфере наук о теоретическом отношении к действительности, куда классики относили философию и физику [7, стр. 9]. Справедливость относится к числу вечных, непреходящих констант человеческого бытия, соотнося с которыми право, мы утверждаем его в качестве вечной ценности [4, стр. 8-10].

На абсолютной ценностной сущности права настаивали представители естественно-правовой традиции, начиная с Платона и Аристотеля, которые осознавали, что право не может быть ни результатом случайного стечения социальных обстоятельств, ни плодом произвольных воззрений [1; 5; 11, стр. 15-45, 46-67; 17]. Чтобы человек подчинялся закону не в силу внешнего принуждения, а повинуясь нравственному долгу, он должен видеть в праве нечто вечное, абсолютное. Такой подход как раз и стремилась обосновать теория естественного права, разрабатывая учение о праве как о надысторической и надмировой субстанции. Оппозиционная ей линия эмпиризма в праве, выдвинутая и обоснованная Томасом Гоббсом и Джоном Локком, ориентировалась на трактовку как позитивного, так и естественного права в качестве результата социального договора [18].

На рубеже XVIII – XIX вв. в качестве оппозиции по отношению к этим основным направлениям юриспруденции были выставлены две новых парадигмы. Первую (и наиболее влиятельную) представляла парадигма правовой мысли, берущая свое начало от критической философии И. Канта, который дедуцировал право из идеи субъективной свободы личности. Вторая парадигма имела основанием правовой теории идею историзма [14, стр. 40-45]. Она была представлена Ш.-Л. Монтескье во Франции, Дж. Вико в Италии и Г. Гуго в Германии [6].

Свою наиболее глубокую проработку идея историзма получила в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля и в его учении об объективном духе. Гегель трактовал историю как особую субстанцию и одновременно как субъект самоосуществления духовного единства человечества, реализуемого во взаимодействии норм права и нравственности. Государство при этом трактовалось как выражение высшей нравственной идеи, связывающей личность и общество. Гегель подчеркивал всеобщее значение платоновской мысли о том, что справедливым человеком можно быть только в справедливом государстве [8; 9; 12; 13]. Хотя влияние Гегеля на Савиньи было минимальным (на Пухту несколько больше), все же закрепленный им в правовой науке исторический подход во многом способствовал вниманию научной общественности и широких кругов юристов к течению юриспруденции, выводившему свои основные идеи из исторического развития «народного духа».

В лице К. Савиньи и его последователей историческая школа юристов оформилась в первой половине XIX в. как одно из самых влиятельных течений юриспруденции. Соответственно, встала задача, исходя из новой парадигмы правовой мысли, разработать оригинальную концепцию отношения права и справедливости [3].

У истоков исторической школы права стоял К. Савиньи. Трактовка Савиньи исторического процесса развития права основывалась на представлении о то, что этот процесс подчинен определенному закону внутренней необходимости. Понятие необходимости, которое Савиньи трактует полностью в идеалистическом ключе, играет в его учении очень важную,

концептуальную, роль. В трактовке Савиньи необходимость оказывается иррациональным понятием, которое можно с трудом выразить логическими средствами. Савиньи лишь оговаривает, что внутренняя необходимость раскрываема только во внешней деятельности. Такой подход открывает для ученого определенные возможности в конструировании теоретико-правовой системы, но он же чреват и размыванием граней между случайным и необходимым, между моральным и правовым, между нормой и правовым различием.

Реализации в праве этой специфической «необходимости» Савиньи приписывает источник высшей ценности права. В процессе своей реализации необходимость всегда заключена в праве как его внутреннее содержание, никогда при этом не проявляясь вовне. Она является «собственным признаком», «твердым ядром» каждого носителя позитивного права, которая раскрывается в обычном праве в качестве правового обычая или же реализует себя в активной деятельности законодателя.

Правовой обычай является для Савиньи, таким образом, механизмом реализации «необходимости», лежащей в основании общественных процессов. Согласно Савиньи, следует различать случайное и необходимое в правовом обычае. Это различие, которое он постоянно подчеркивает, играет в его теории концептуальную роль. Именно последнее выражает действительный дух народа и закрепляет в «общей правовой убежденности» ту «внутреннюю необходимость», которая пробивается через сцепление случайностей исторического процесса. При этом, однако, Савиньи не приводит каких-либо эмпирических или рациональных критериев для оценки содержания представленных здесь понятий, поэтому весь теоретический фундамент его концепции представляется, с точки зрения современной теории права, не вполне обоснованным.

Внутренняя необходимость права реализует себя через череду исторических случайностей, из которых складывается правовой обычай. В этом процесс случайность теряет всякую видимость чего-то устойчивого и постоянного. Однако такого рода случайности, которые Савиньи называет «аномалиями», не могут повлиять ни на общий характер развития государства и права, ни на состояние народного духа. К числу такого рода «аномалий» он относил прежде всего внешние насильственные акты по отношению к государству, например, завоевания или раздробления территорий. Рано или поздно эта аномалия исправляется под влиянием здоровых нравственных сил народа и его правового инстинкта. Или же болезненное состояние государства и общества приводят их к гибели.

Савиньи настаивает на том, что всякое историческое движение подчинено жесткой необходимости и воля отдельного человека никак не может повлиять на этот процесс. Право выступает как своего рода квинтэссенция, необходимый продукт действия объективного исторического закона, который реализуется через волевое действие национального сознания.

Согласно же самому Савиньи, законодатель должен наблюдать за развитием самой правовой жизни народа и закреплять в качестве нормы те формы правовых отношений, которые вырабатываются в историческом процессе. Значение творчества законодателя состоит в том, что он устраняет ту неопределенность в праве, которая содержится в результате исторического развития, не проясненного и не закрепленного законом. Кроме того, исторически возникающие новые правовые институты могут вступить в противоречие с теми институтами, которые возникли ранее. И эту коллизию также должен учитывать в своей деятельности законодатель и вовремя устраняя ее. Таким образом, вмешательство законодателя в стихию исторического становления права не только допустимо, но и необходимо с точки зрения интересов самого права. Принятые в результате законотворческой деятельности писаные нормы фиксируют достигнутый результат развития права, хотя при этом, как считал Савиньи, замедляют сам процесс этого развития.

Формы, в которых первоначально институционализируется право, возникающее в недрах национального духа, – это, по Савиньи, привычное словоупотребление и «право обычая», т.е. обычное право. Эти формы как раз и закрепляются прежде всего в нормах нравственности и в народных представлениях о справедливости. Деятельность законодателя, если она не следует за развитием представлений о справедливости, вынашиваемых в народном духе, может быть полезна и необходима только в тех случаях, когда в силу исторических причин замедляется

или искажается исторический процесс становления права.

Это может происходить в силу кризисных состояний социума, его деградации, распада, кризиса нравственных начал, объединяющих народ и возобладания над ними начал индивидуализма. В этом случае деятельность законодателя, устанавливающего законы, исходя из предшествующего исторического опыта и сложившихся форм рефлексии над содержанием народных представлений о сущности справедливости, является несомненным благом.

В числе наиболее крупных последователей исторической школы юристов [15] принято называть Георга Фридриха Пухту. Согласно Г. Пухте, понимание сущности права требует в равной мере изучение как позитивной юриспруденции, так и философии права, поскольку каждая из этих наук предполагает наличие самостоятельных способов юридического познания, так что последнее возможно только при их комплексном сочетании.

В лице Г.Ф. Пухты историческая школа юристов нашла одного из наиболее последовательных сторонников истолкования идей Савиньи в духе немецкой классики. Именно поэтому Пухта особо подчеркивал значение идеи свободы в праве. В большей степени, чем Кант, он делает акцент не на теоретической, а на практической способности человека. Право – это не столько продукт разума, сколько результат деятельности воли. Однако в отличие от Канта, Пухта не считал свободу человека абсолютной, поскольку резко противопоставлял друг другу разум и волю. Разум же для него – это «элемент, противоположный свободе».

Согласно Пухте, только возможность свободного выбора делает человека субъектом правовых отношений, определяет его качества в данном узком отношении. Апелляция же к разуму не только выводит нас за пределы юридической науки, но и прямо подталкивает к неверным выводам, поскольку разум «не есть принцип свободы, а напротив элемент, противоположный свободе и таковым являлся искони. Разумно только необходимое; поэтому философия, имеющая ввиду исключительно «постижение разумного», должна отречься от постижения свободы; и если она для спасения своей универсальности все действительное включает в круг разумного: что разумно, то действительно и что действительно, то разумно (необходимо), то она лишает нас свободы, которую этим самым признает недействительной» [16, стр. 5]. Здесь представитель исторической школы права уже открыто вступает в полемику с «Философией права» Гегеля и прежде всего с его знаменитым афоризмом из предисловия к этой работе: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» [2, стр. 53].

Отталкиваясь от понятия свободы, Пухта как раз и проводит различие между принципом права и принципом справедливости. Человек становится субъектом права, правомочным существом в силу одного лишь того, что он обладает свободой выбора между добром и злом, безотносительно к тому, следует ли он началам добра или пренебрегает ими, склоняясь ко злу. Моральными же его поступки становятся лишь тогда, когда человек «решается на доброе» и вступает в сферу борьбы со злом, которую Пухта и определяет как «область справедливости». Отсюда Пухта выводит и другой важный принцип права – принцип равенства, который означает именно равенство всех в свободе своего выбора, независимо от самого характера выбора между справедливым и несправедливым.

В соответствии с основным принципом учения К. Савиньи о народном духе, Пухта утверждает, что основной справедливости и права является именно этот народный дух. Понятие народного духа сближается им с понятием правосознания и трактуется как осознание некоторого всеобщего идеала, «проникающее члены народа, как нечто общее, прирожденное им и делающее их духовно членами этого народа» [16, стр. 22].

Эта общность в сознании идеала, которая неизбежно возникает у людей, связанных духовным и телесным родством, в ходе исторического процесса спаивает их в одну общность, которую как раз и можно обозначить как народ: «Сами народы представляют собою различные индивидуальности различного рода и направления. Эта индивидуальность составляет то, что мы называем характером народа, поэтому права народов различны; особенность народа проявляется в его праве точно также, как в его языке и нравах. Различие прав может быть отчасти одновременное (между правами существующих народов), отчасти последовательное во времени. Уже у отдельного народа замечается

это последовательное различие, право его переживает исторические периоды развития; такой процесс развития права бывает и в человечестве, в котором каждый народ имеет свое особенное участие» [16, стр. 20].

Неизбежное различие содержания этого всеобщего сознания у разных народов имеет результатом различие типов права и справедливости. Но вместе с тем историческое развитие народов, согласно Пухте, возможно только в процессе их взаимодействия, результатом чего является рецепция представлений о справедливости, отдельных норм или даже некоторых основополагающих принципов права, не затрагивающих, однако, системообразующих начал национального правообразования. Нормы, радикально противоречащие началам справедливости, либо существенно трансформируются, либо отторгаются, особенно на уровне правосознания и реальной правовой жизни.

Процесс взаимодействия народов формирует сложную систему, складывающуюся из моральных и правовых принципов, форм правосознания, конкретных юридических норм, развиваемых разными народами и воспринимающими их друг от друга в той или иной превращенной форме. Таким образом, дух народа не создает изолированных морально-правовых систем, подобных монадам Лейбница, которые, как говорил великий мыслитель, «вовсе не имеют окон». Напротив, именно этот «дух», побуждающий народы к историческому развитию, а значит и к взаимодействию, заставляет их постепенно формировать комплекс некоторых общих представлений о справедливости, до известной степени признаваемых всеми народами.

Согласно Пухте, порожденный народным духом идеал справедливости порождает три основные формы, в которых существует право. А именно: форму обычного права, через которую выражается стихийное правосознание народа и непосредственно складывающиеся правоотношения; форма права как комплекса законов, устанавливаемых государством на основании всеобщей воли народа; право как наука. Обычное право является ближайшей формой «эманации» народного духа. В законе уже в силу самой его сущности, в соответствии с которой закон должен быть обязателен для всех граждан, находит своей выражение всеобщая воля народа: «Закон, изданный конституционным порядком, имеет уже силу права, общей воли, не ради содержания его, а по форме выражения» [16, стр. 30].

Но при этом важно, что право «создается впервые не государством, напротив последнее предполагает уже правовое сознание, право, в охранение которого состоит главная задача государства ... Начало права лежит вне государства, причем имеется в виду не только сверхъестественное его происхождение – путем заповедей Божьих, но также и естественное – путем национальной воли. Эта воля не есть воля народа, как составной части государства, но народа, как естественного союза, составляющего фундамент государства. Государство предполагает право, но в свою очередь служит необходимым восполнением последнего ...» [16, с 26-27]. Этими словами Пухта устанавливает самый решительный водораздел между исторической школой и все более укрепляющим свои позиции в правоведении того времени юридическим позитивизмом, сводившим право к комплексу государственных установлений. Согласно Пухте, наоборот, само государство является порождением права «путем национальной воли» и имеет право своей исторической предпосылкой.

Пухта выступал против жесткого противопоставления друг другу норм права и идеалов справедливости. Обе эти системы социального регулирования могут существовать только в отношении друг к другу, иначе они перейдут на стадию взаимного противоречия: как право не признало бы устремленности воли к справедливости или к не-справедливости, так мораль отрицала бы притязание воли как источника права. Опасность подобного противопоставления справедливости праву Пухта видел во возможности возникновения революционных настроений, «борьбы против собственности», в «сопротивлении всему юридическому порядку вообще». Однако такое противопоставление праву справедливости возможно только в силу превратного понимания последнего. Напротив, истинное понимание справедливости должно вести к ее гармонии с правом.

Развивая исторический подход к праву своего учителя, Пухта вместе с тем стремится дополнить его и идеей естественного права, утверждая, что «право дано человеку от начала мира сего, как одна из связей, соединяющих и объединяющих земные отношения людей».

Пухта считал, что той связи между людьми, которую представляет собой право и которая должна компенсировать социальное неравенство, в природе соответствует закономерность, естественным образом подчиняющая индивидуума власти рода.

В соответствии с основной установкой Т. Гоббса, Пухта утверждает, что без сдерживающих начал права и идеалов справедливости, человечество неизбежно погрузилось бы во всеобщую войну всех против всех. Идеал справедливости получает свой концентрированное отношение в любви, на которой основывается институт семьи. Все остальные отношения людей должны регулироваться посредством правовых норм.

Выдвинутая и отстаиваемая Пухтой и Савиньи идея историзма в праве, воспринятая научной общественностью с учетом специфического историзма Г.В.Ф. Гегеля, стала одной из ведущих парадигм юриспруденции в XX столетии и продолжает оставаться таковой и в наши дни. Идея историзма в праве становится особенно актуальной в условиях современных противоречивых процессов глобализации и контрглобализации, когда классические модели права и государства впервые подвергаются радикальной критике [7, стр. 193-197].

Список литературы

1. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 3. – С. 181-185.
4. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 19-26.
6. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // Мир политики и социологии. – 2016. – № 10. – С. 38-44.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.). – СПб: Фонд «Университет», 2017. – 324 с.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 5. – С. 155-164.
9. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности: Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 138-144. – в сб. 344 с.
10. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197.
11. История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 640 с.
12. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. – 2016. – № 7. – С. 191-196.
13. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 22-29.
14. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли //

Юридическая мысль. – 2016. – № 6. – С. 40-46.
15. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).
16. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права. – Ярославль, 1872.
17. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
18. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2017, № 6

Выход в свет 26.06.2017. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 190.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru